

ROSSICA OLOMUCENSIA Vol. XLVII

Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1

Olomouc 2008

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. XLVII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2008

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

HELENA FLÍDROVÁ: O některých rozdílech v užití ruského a českého infinitivu	5
ЙИТКА КОМЕНДОВА: Язык и грамота в миссии Стефана Пермского	13
IVANA KYRALOVÁ: Život Petra Nikolajeviče Savického	23
НАУМ ЛАЗАРЕВИЧ ЛЕЙДЕРМАН: Ландскнехт революции	33
ЗДЕНЕК ПЕХАЛ: Прием парафраза в романе Владимира Набокова «Отчаяние»	43
JINDŘIŠKA PILÁTOVÁ: Možnosti překladu obecné češtiny do ruštiny a angličtiny (na materiálu děl Bohumila Hrabala)	51
ЯНА СКЛАДАНА: Актуализации русских и словацких пословиц	63
МАРИЯ СТАРОСТИНА: Отношение к власти в чешской и русской фразеологии	67
ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВА: Русские с точки зрения межкультурной коммуникации	75

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

JINDŘIŠKA PILÁTOVÁ: M.Л. Ковшова: Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов	83
ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ: М.Ю. Сидорова, О.Н. Шувалова: Интернет-лингвистика: вымышленные языки	85
ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ: Włodzimierz Wysoczański: Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Na materiale wybranych języków	88
ZDEŇKA VYCHODILOVÁ: Nová vysokoškolská učebnice ruské morfologie na Slovensku	91

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

HELENA FLÍDROVÁ, ZDEŇKA VYCHODILOVÁ, EVA VYSLUŽILOVÁ: Hľadanie ekvivalentnosti IV ...	93
---	----

KRONIKA – CHRONICLE – ХРОНИКА

MIROSLAV ZAHŘÁDKA: Сорок лет	97
Pokyny pro autory	99

HELENA FLÍDROVÁ

Česká republika, Olomouc

O NĚKTERÝCH ROZDÍLECH V UŽITÍ RUSKÉHO A ČESKÉHO INFINITIVU

ABSTRACT:

The current text presents a contrastive Russian-Czech analysis of infinitive functioning as dependent sentence element, namely as object, attribute and adverbial. Numerous examples illustrate the differences in using infinitive in both languages. Particular attention is given mainly to infinitive constructions typical of colloquial Russian which find their counterparts in different expressions in Czech. The author's conclusions bear witness to the wider functional range of Russian infinitive in comparison with Czech even in the field of dependent sentence elements.

KEY WORDS:

Contrastive Russian-Czech point of view – infinitive – dependent sentence elements – object – attribute – adverbial – colloquial Russian.

АБСТРАКТ:

В статье в русско-чешском сопоставительном плане анализируется инфинитив в роли второстепенных членов предложения, а именно дополнения, определения и обстоятельства цели и отношения. На примерах показываются расхождения в употреблении инфинитива в обоих языках, причем особое внимание уделяется словосочетаниям с инфинитивом, распространенным в русской разговорной речи, которым в чешском языке соответствуют другие эквиваленты. Таким образом, и в рамках второстепенных членов предложения подтверждается более широкая функциональная область инфинитива в русском языке в сопоставлении с чешским.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Русско-чешский сопоставительный план – инфинитив – второстепенные члены предложения – дополнение – определение – обстоятельство – русская разговорная речь.

Infinitiv je neurčitý slovesný tvar, na jehož gramatickou povahu existuje v ruské i české lingvistice mnoho různých názorů. Důvodem je jednak jeho původ (deverbální substantivum, ustrnulé pády adverbialního významu), jednak to, že se vyskytuje v nejrozličnějších syntaktických funkcích.

V historii ruské jazykovědy se vedly spory především o to, zda má infinitiv jmenný nebo slovesný charakter a ke kterému slovnímu druhu vlastně patří (sr. např. F.I. Buslajev, 1958, A.A. Potebnja, 1958, V.A. Bogorodickij, 1935, R.V. Protogenova, 1955).

Čeští lingvisté se spíše zabývali problémem sémantiky infinitivu, tj. zda vyjadřuje implicitní modalitu a je možné nazývat jej modem, či zda je modálně neutrální, a vztahem infinitivu ke konateli infinitivního děje (srov. např. I. Poldauf, 1954, F. Kopečný, 1958, K. Svoboda, 1962, L. Řeháček, 1966, V. Hrabě, 1964). Výsledkem jejich bádání byl převažující pohled na infinitiv jako na tvar modálně neutrální, v jehož sémantice (u sloves osobních) je implikován subjekt děje, což umožňuje jeho užití ve funkci druhého sdělení.

V novější ruské a české tradici se infinitivu přiznávají slovesné i jmenné rysy. Slovesný charakter se projevuje zejména tím, že infinitiv vyjadřuje kategorie vidu (*видеть – увидеть*) a slovesného rodu (*строить – строиться, построить – быть построен*), zachovává slovesnou rekcí (*читать книгу*) a může mít platnost přísudku ve dvoučlenných větách (někdy samostatně, např. *Она бежать*, nebo ve spojení s jinými slovesy, např. *Он начал писать*). Na druhé straně se však může substantivizovat, má funkci podmětu nebo předmětu (*Курить воспрещено. Врач ему запретил курить.*) a zachovává i funkci příslovečného určení účelu a zřetele (např. *Завтра пойдем удить рыбу. Сегодня холодно купаться.*)

V ruštině se užívá infinitivu šíře a častěji než v češtině. Je to vysvětlováno tím, že v obou jazycích dosáhla různého stupně verbalizace infinitivu, tj. začlenění infinitivu do systému slovesných tvarů a jeho využití v platnosti finitních slovesných tvarů. V ruštině se infinitiv sblížil s určitými tvary slovesa mnohem více než v češtině. Podle K. Horálka (1953) tvoří časté užívání infinitivů v ruštině přímou obdobu k častému užívání přechodníků a slovesných přídavných a podstatných jmen, což znamená, že ruština dává přednost neurčitým a jmenným tvarům slovesným před tvary určitými.

O verbalizaci infinitivu svědčí např. i to, že při něm může stát kondicionálová částice *бы* a je možné vyjádřit dativem činitele (např. *Вам бы отдохнуть.*)

Ruský infinitiv může proto plnit nejrůznější syntaktické funkce. Ve větě jednoduché může být podmětem (např. *Спорить с ним невозможно.*), predikátem (např. *Тебе не успеть на поезд. Она плакать. Он начинал беспокоиться.*), předmětem (např. *Он обещал прийти.*), přívlastkem (např. *решение построить театр*) i příslovečným určením účelu nebo zřetele (např. *Он вернулся взять пальто. Поздно жалеть.*), v souvětí může infinitiv ztvárnit predikát u některých typů vedlejších vět (např. *Он повторял это несколько раз, чтобы запомнить.* Podrobněji srov. H. Flídrová, 2008).

Také český infinitiv plní ve větě funkce hlavních i vedlejších větných členů, není tam však tak častý jako v ruštině. K některým ruským infinitivům existují v češtině přímé ekvivalenty (např. *Спорить с ним невозможно. – Hádat se s ním je nemožné. Он начал беспокоиться. – Začal si dělat starosti. Врач ему запретил курить. – Lékař ti zakázal kouřit.*), jindy využívá čeština jiné prostředky (např. *Тебе не успеть на поезд. – Určitě nestihneš vlak. Она плакать. – Dala se do pláče. Он обещал прийти. – Slíbil, že přijde.*)

Zde se chceme podrobněji zaměřit na ruský závislý infinitiv v platnosti předmětu, přívlastku a příslovečného určení a upozornit zejména na případy, kdy české ekvivalenty infinitiv neobsahují.

Ve funkci **předmětu** se infinitiv vyskytuje u sloves různých sémantických skupin. Tradičně se přitom rozlišuje infinitiv subjektový a objektový¹ podle toho, zda je činitel infinitivního děje totožný s podmětem nebo předmětem finitního slovesa (např. *Он обещал прийти. Он мне приказал уйти.*).

Z konfrontačního rusko-českého hlediska lze předmětový infinitiv zobecnit podle našeho názoru přibližně takto:

1) Infinitivnímu předmětu v ruštině odpovídá infinitivní předmět také v češtině. Jedná se zejména o slovesa v širokém smyslu modální (v terminologii L. Ďuroviče, 1956, modálně věcné výrazy) a některé další významové skupiny sloves (jejich podrobnou klasifikací a výklad podává J. Bauer, 1960).²

Příklady: *Я желаю видеть его. – Chci ho vidět.*

Она стеснялась говорить громко. – Styděla se mluvit hlasitě.

Никто не отважился бежать на помощь. – Nikdo si netroufal běžet na ретос.

Он научился плавать. – Naučil se plavat.

Кто из вас умеет петь? – Kdo z vás umí zpívat?

2) V ruštině i v češtině existují paralelní konstrukce s infinitivním předmětem i vedlejší větou obsahovou. V ruštině však je infinitiv obvyklejší, příp. úplně převládá, zatímco v češtině je běžnější vedlejší věta.

Příklady: *Они решили подождать здесь / что подождут здесь. – Rozhodli se, že počkají zde / počkat zde.*

Врач приказал больному раздеться / чтобы он разделся. – Lékař nařídil nemocnému, aby se svlékl / svléknout se.

Ve většině případů však je v češtině ekvivalentem ruského infinitivního předmětu vedlejší věta obsahová.

Příklady: *Он уговорил мать остаться дома. – Přemluvil matku, aby zůstala doma.*

Они думали кончить в сентябре. – Domnívali se, že budou hotovi v září.

Она надеялась получить весточку из Праги. – Doufala, že dostane zprávu z Prahy.

3) Infinitivnímu předmětu v ruštině odpovídají v češtině jiné konstrukce. Týká se to např. infinitivního předmětu u slovesa *любить* nebo u predikativního adjektiva *рад*.

Příklady: *Он любил работать. – Pracoval rád.*

Мы рады приветствовать вас в нашем городе. – Rádi vás vítáme v našem městě. / Jsme rádi, že vás můžeme přivítat v našem městě.

Zvlášť předmětný charakter má však ruský infinitiv na rozdíl od češtiny, jestliže vyjadřuje zcela konkrétní děje, jako např. jídlo, pití, kouření, čtení aj., a to u přechodných sloves typu *принести, подать, взять, дать, приготовить, купить* aj.

Příklady: *приготовить обедать – připravit / uvařit oběd*

попросить пить, умыться – požádat o něco k pití, o možnost umýt se

купить закусь, поесть – koupit něco k jídlu

принести одеться – přinést oblečení / šaty

дать закурить – dát (někomu) cigaretu
взять почитать – vzít si čtení / něco ke čtení

A.A. Šachmatov (1941) uvádí příklady, kdy takové infinitivy plní funkci předmětu u dalšího infinitivního předmětu. Např.: *Приехавши, он и не подумал попросить умыться.* – Po příjezdu ani nepomyslel na to, že by požádal, aby se mohl umýt. Českým ekvivalentem je souvětí se dvěma vedlejšími větami předmětnými.

Tyto ruské infinitivy jsou svým významem synonymní s příslušnými substantivy, zároveň však pozbývají charakteristické příznaky infinitivu, jako je např. vztah ke konateli infinitivního děje.

V současné ruštině jsou takové případy rozšířeny zejména v hovorovém jazyce, v češtině se omezují pouze na slovesa *jíst, pít, žrát (dát najíst, napít, nažrat)*.

V ruštině se tedy infinitiv v platnosti předmětu vyskytuje mnohem častěji než v češtině.

Pouze po slovesech vnímání má naopak čeština předmětný infinitiv nebo infinitiv v pozici doplňku³ a ruským ekvivalentem je vedlejší věta předmětná, příp. slovesné adjektivum nebo substantivum.

Příklady: *Слышел jsem звать славу.* – *Я слышал, как поет соловей.*

Видела jsem отца работать на zahradě. – *Я видела, как отец работает в саду / отца работающего / работающим в саду.*

Видел кáцет строту. – *Он видел, как рубят деревья / рубку деревьев.*

Ve funkci **přívlastku** infinitiv objasňuje význam svého řídicího substantiva. Vyskytuje se u různých významových skupin substantiv, jejichž klasifikace byla předmětem odborného zájmu mnoha českých a ruských lingvistů. Jejich podrobné dělení uvádí např. J. Bauer (1960), nejnověji se problematice ruského atributivního infinitivu ve srovnání s češtinou věnovala J. Skácelová (2003).

Tato substantiva lze rozdělit na dvě základní skupiny, a to na substantiva abstraktní a konkrétní. Do skupiny abstraktních substantiv se řadí především substantiva v širokém smyslu modální, často odvozená od sloves s infinitivním předmětem, a některé další, méně početné skupiny.

Ve většině případů je infinitiv možný také v češtině, celkově se ho však užívá méně často a dává se přednost vedlejší větě nebo vazbám se substantivem verbálním.

Příklady: *мужество принять и неудачу – odvaha přijmout i neúspěch*

намерение купить акции – záměr koupit akcie

надежда увидеться с ней – naděje, že se s ní uvidí

средство изменить это положение – prostředek, jak změnit tuto situaci

попытка ослабить власть – pokus o oslabení moci

радость действовать – radost z činnosti

призыв провести встречу в верхах – výzva k setkání na nejvyšší úrovni

Infinitivní přívlastek je u abstraktních substantiv častý zejména v odborném stylu. Avšak i v této oblasti se ojediněle setkáme s přívlastkovým infinitivem v češtině tam, kde ho ruština nemá.

Příklady: *задача создания системного подхода к психологии личности – úkol vytvořit systémový přístup k psychologii osobnosti*

запрещение пользования посторонней движущей силой – *zákaz používat vedlejší hnací síly.*

Konkrétní substantiva ve spojení s infinitivem jsou charakteristická zejména pro hovorovou ruštinu. Patří sem především tzv. osobní kvalifikátory, tj. substantiva označující osoby a vyjadřující jejich schopnost nebo zálibu v nějaké činnosti, např. *мастер, мастерица, охотик, охотница, любитель, любительница, не дурак, мастак* a další. Do češtiny se jejich spojení s infinitivem převádí různě.

Příklady: *Они были не дураки выпить.* – *Uměli se napít.*

Он любитель поесть. – *Rád se nají.*

Он был мастер петь. – *Uměl výborně zpívat. / Byl výborný zpěvák.*

Tento přisubstantivní infinitiv má platnost infinitivního přívlastku především z hlediska formálního, význam má spíše zřetelový. V mnoha případech je však logičtější pokládat ho za součást složeného přísudku, přesněji, přísudku kombinovaného (termín R. Zimka, 1968), sestávajícího z jmenné a slovesné části, z části modální a diktální.

Lze plně souhlasit s J. Skácelovou (2003), že při syntaktickém hodnocení takového přisubstantivního infinitivu je třeba brát v úvahu jak syntaktickou funkci celého spojení ve větě, tak fakt, zda je kladen větší důraz na infinitiv, nebo na substantivum.

Srov. příklady: *Он не любитель обижаться с журналистами.* – infinitiv je součástí složeného přísudku x *И я знавал мастеров произносить слова высоко.* – infinitiv je přívlastek beze shody.

Další substantiva konkrétního významu označují předmět, jehož předurčení je pojmenováno infinitivem s příslušným substantivem, příp. adverbium.

Příklady: *нож резать овощи, билеты ехать обратно.*

Tento ruský infinitiv nemá v češtině přímou obdobu. České ekvivalenty jsou možné se substantivem verbálním, častější však jsou zkrácená pojmenování s jeho elipsou.

Příklady: *ключ отпирать сейф* – *klíč k odemykání sejfu, klíč k / od sejfu*

нож резать овощи – *nůž na krájení zeleniny, nůž na zeleninu*

ножницы обрезать деревья – *nůžky na řezání stromů, nůžky na stromy*

билеты ехать обратно – *lístky k jízdě zpět, zpáteční lístky*

Spojení konkrétních substantiv s infinitivem se zejména v hovorové ruštině neustále rozšiřují.

Posledním vedlejším větným členem, v jehož platnosti se infinitiv vyskytuje a na nějž chceme z konfrontačního hlediska upozornit, je **příslovečné určení účelu a zřetele.**

Příslovečné určení účelu se vyskytuje u sloves vyjadřujících pohyb v širokém smyslu. Českým ekvivalentem může být také infinitiv, častěji jsou to však vedlejší věty nebo jiné konstrukce. Většinou se zde vyskytuje infinitiv subjektivní, infinitiv objektový je méně častý.

Příklady: *Они пошли купаться.* – *Šli se koupat.*

Он пришел красть. – *Přišel krást.*

Он побежал догонять товарищей. – *Běžel, aby dohnal kamarády.*

Они остановились отдохнуть. – Zastavili se, aby si odpočinuli.

Он вернулся взять пальто. – Vrátil se pro kabát.

Крестьянин вел коня продавать. – Rolník vedl koně na prodej.

Няня вела детей гулять. – Chůva vedla děti na procházku.

Нас пригласили посмотреть. – Pozvali nás, abychom se šli podívat.

V češtině je však užití infinitivu spojeno s užším okruhem sloves pohybu. Infinitiv se nevyskytuje např. u sloves vyjadřujících změnu polohy (např. *сесть, лечь, ложиться, подняться*).

Příklady: *Он сел переобуваться.* – Sedl si, aby se přezul.

Он ложился спать. – Ukládal se ke spánku. / Šel spát.

Бабушка, наконец, поднялась уходить. – Babička se konečně zvedla k odchodu.

Sloveso *сесть* může mít také někdy význam počátku děje, např. *Он сел работать.* – Začal pracovat. / Dal se do práce. K.N. Ozolinová (1962) to vysvětluje jako pozůstatek staré ruštiny, kde se pomocí stavových sloves vyjadřoval také počátek děje.

Podobně je tomu u hovorového spojení *Пошел работать!* v rozkazovacím významu. Zde má pohybové sloveso oslabený význam pohybu a vyjadřuje počáteční fázi děje – *Dej se do práce!* (srov. N.A. Glazman, 1964).

Na rozdíl od češtiny se v ruštině může infinitiv po imperativu pohybových sloves (*идти, пойти, прийти* apod.) zaměnit také imperativem, a to převážně u dokonavých sloves (Srov. *Иди одеваться!* x *Иди оденься!*).

Příklady: *Пойдите отдохните!* – Běžte si odpočinout!

Иди помоги! – Běž pomoci!

Иди открой окно! – Běž otevřít okno!

Пойдем посмотрим! – Pojďme se podívat!

Podobně existuje asyndetické spojení indikativu pohybového slovesa s indikativem dokonavého slovesa typu *Пойду вьмою руки.* – Půjdu si utýt ruce. *Я пойду разбужу его.* – Půjdu ho vzbudit. (J. Bauer, 1960).

V češtině se vyskytuje účelový infinitiv také u plnovýznamového přísudkového slovesa *бýt*. Celé spojení vyjadřuje již ukončený děj a v ruštině mu odpovídá opět pohybové sloveso s infinitivem.

Příklady: *Был jsem се koupат.* – Я ходил купаться.

Были где звать на бál. – Ходили приглашать на бал.

V platnosti příslovečného určení zřetele se infinitiv vyskytuje v konstrukcích s predikativními příslovcí v bezpodmětových větách, které jsou v ruštině na rozdíl od češtiny velmi rozšířeny.

Příklady: *Поздно жалеть.* – Je pozdě litovat.

Сегодня холодно купаться. – Dnes je chladno na koupání.

Читать уже темно. – Na čtení je už tma.

V češtině se místo infinitivu užívá převážně prostředků jiných.

Cílem této stati bylo z rusko-českého konfrontačního hlediska přiblížit užívání infinitivu v platnosti vedlejších větných členů, a to předmětu, přívlastku a příslovečného určení, a potvrdit tak i zde jeho mnohem širší využití v ruštině ve srovnání s češtinou.

POZNÁMKY:

¹ Toto rozlišení se traduje od A.A. Potebni (1958), jeho původní termíny však zněly *infinitiv subjektivní a objektivní*.

² Se základními modálními slovesy (*мочь, хотеть, сметь, намереваться*) tvoří infinitiv jediný větný člen – predikát.

³ Za doplněk jej nelze pokládat vzhledem k tomu, že se nemůže s podmětem nebo předmětem shodovat.

POUŽITÁ LITERATURA:

- BARNETOVÁ, V., BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H., LEŠKA, O., SKOUMALOVÁ, Z., STRAKOVÁ, V. (1979): *Русская грамматика*, 1,2. Praha: Academia.
- BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S. (1960): *Пříruční mluvnice ruštiny pro Čechy II*. Praha: SPN.
- БОГОРОДИЦКИЙ, В.А. (1935): *Общий курс русской грамматики*. Москва-Ленинград.
- БУСЛАЕВ, Ф.И. (1958): *Опыт исторической грамматики русского языка, часть I*. Москва.
- DOSTÁL, A. (1958): K infinitivním vazbám, zvláště v staroslověnštině. In: *Studie ze slovanské jazykovědy*. Praha.
- ĐUROVIČ, L. (1956): *Modálnosť*. Bratislava.
- FLÍDROVÁ, H. (2008): Придаточные предложения с инфинитивным предикатом в русской научной речи и их чешские эквиваленты. In: L. Vobořil (ed.), *Rossica Olomucensia XLV-II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů*. Olomouc: Univerzita Palackého, s. 153-157.
- FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- ГЛАЗМАН, Н.А. (1964): *Зависимость глагольной сочетаемости от лексического значения глагола*. Алма-Ата: АҚД, 1964.
- HORÁLEK, K. (1953): O překládání infinitivních konstrukcí. In: *Kniha o překládání*. Praha, s. 247-257.
- HRABĚ, V. (1964): *Polovětné vazby a kondenzace „druhého sdělení“ v ruštině a češtině*. Praha: ČSAV.
- КОРЕЧНЫЙ, F. (1958): *Заклады české skladby*. Praha.
- ОЗОЛИНА, К.Н. (1962): *Развитие инфинитивных предложений путем обособления объектных инфинитивов*. Ленинград: АҚД.
- POLDAUF, I. (1954): *Infinitiv v angličtině*. Praha.
- ПОТЕБНЯ, А.А. (1958): *Из записок по русской грамматике*. Том 1-2. Москва.
- ПРОТОГЕНОВА, Р.В. (1955): Инфинитив и его синтаксические функции в современном русском языке. In: *Труды Среднеазиатского гос. унив.* Ташкент.
- ŘEHÁČEK, L. (1966): *Sémantika a syntax infinitivu v současném polském spisovném jazyce*. Praha: UK.
- SKÁCELOVÁ, J. (2003): *Příslovce a infinitiv ve funkci přívlastku v ruštině ve srovnání s češtinou. Doktorská disertační práce*. Olomouc.
- SVOBODA, K. (1962): *Infinitiv v současné spisovné češtině*. Praha: ČSAV.
- ШАХМАТОВ, А.А. (1941): *Синтаксис русского языка*. Ленинград.
- ZIMEK, R. (1968): *Introductory Course of Russian Syntax (interní tisk)*. Monash University.
- ZIMEK, R. (1963): *Problematika spony v ruštině v porovnání s češtinou*. Praha: SPN.
- ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno: FF MU.

ЙИТКА КОМЕНДОВА

*Чехия, Оломоуц***ЯЗЫК И ГРАМОТА В МИССИИ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО****АБСТРАКТ:**

The current study is devoted to the issue of the introduction of Permian language as a liturgic language and to the issue of formation of Permian literature by missionary Stephan (late 14th cent.) within the context of missionary activities of Catholic and Orthodox church in the Middle Ages. Early disappearance of Permian literature is related to the axiological perception of languages in Moscovite Rus'.

KEY WORDS:

Moscovite Rus' – Stephan of Perm – monk Khrabr – Permian language – missions – liturgic languages.

АБСТРАКТ:

Настоящая статья посвящена вопросам введения пермского языка в качестве литургического языка и вопросам формирования пермской литературы миссионером Стефаном (конец 14-го века) в рамках миссионерской деятельности католической и православной церкви периода средневековья. Скорое исчезновение пермской письменности усматривается в аксиологическом восприятии языков на территории Московской Руси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Московская Русь – Стефан Пермский – монах Храбр – пермский язык – миссии – литургический язык.

Хотя при распространении христианства как религии, перешагивающей этнические границы, с самого начала принципиальную роль играл вопрос о способе коммуникации между миссионерами и иноязычными обществами, представители ранней христианской церкви этой теме не уделяли достойного внимания [Иванов 2003: 29; Vorst 1995: 218-257] и западные, как и восточные церковные Отцы не полагали, что для обращения язычников необходимо знать их языки [Иванов 2003: 173].

Византийцы от древних греков и римлян унаследовали представление об особом статусе «культурных» языков в оппозиции к языкам «варваров» (между прочим, уже в этом понятии выражено пренебрежение к «неречи» «некультурных» народов). Учиться данным языкам они считали в принципе недостойным и несущественным. Посредниками при необходимой коммуникации

между миссионером и обращаемой в христианство общностью, как правило, выступали переводчики из среды крещеных членов местной общности или из родственного по языку народа [Иванов 2003: 307; Vavřínek 2001: 515]. Данное нежелание византийцев учить местные языки проявлялось не только при обращении язычников. Даже греческие клирики, занимающие высшие должности в русской православной церкви, зачастую не владели русским языком, поэтому на Руси, где знание греческого обычно не представляло собой обязательной составляющей образования книжников, тем более простых жителей, греки, должно быть, оказывались в коммуникационном вакууме [Иванов 2003: 236-237]. Миссионеры церквей, с точки зрения византийского православия, еретических, особенно сирийской, проявляли в этой области значительно большую гибкость и для распространения религии за границами Византии учили местные языки, но их открытость к другим языкам также не была неограниченной [Иванов 2003: 305, 317].

На средневековом Западе владение языком общности, которая должна была быть приведена к Христу, также не являлось само собой разумеющимся багажом миссионера. Если проповедники действовали среди близких им самим по языку народов – как, напр., англосаксы, распространяющие религию среди фризов, саксов и других германцев, – то ситуация такого народа была, конечно, значительно проще. В житии св. Войтеха *Nascitur purpureus flos* в связи с задумываемой миссией к лутицам приводится аргумент, что Войтех, как славянин, знал их речь. Но в данном контексте знание языка вместе с изменением внешнего облика миссионера является скорее частью обмана (автор называет его обманом благородным – „*dolus bonus*“), служащим для проникновения на вражескую территорию.¹

Однако зачастую миссионер отправлялся к народам, говорящим на совсем непонятном ему языке. В качестве примера может служить именно миссия св. Войтеха, который наконец решил проповедовать христианство среди пруссов, и древнейшие жития св. Войтеха ничего не говорят о том, что Войтех знал прусский язык. В характеристике прусского языка мы опять узнаем следы античного представления об оппозиции культурных и варварских языков, близких скорее звукам животных: по словам жития *Est locus*, пруссы издают «бешеный галдеж, собачий лай».² Житие *Tempore illo* единственное в войтепской агиографии обращает внимание на способ общения между Войтехом и пруссами: варвары объясняются с Войтехом при помощи знаков и жестов, а провозглашать веру можно лишь благодаря переводчикам, случайно найденным среди пруссов [De S. Adalberto episcopo pragensi: 1180-1181]. Объяснение надо, по моему мнению, искать в общей интенции войтепской агиографии: для ее авторов Войтех являлся великим мучеником, а не безуспешным миссионером, который не нашел с прусским народом общего языка. Он его не нашел, так как не должен был его найти – ведь именно мученическая смерть представляла собой венец его жизни, к которой он – в интерпретации агиографов – так стремился.

На случайных, к миссионеру нелояльных переводчиков все же не следовало полагаться. Какие трудности возникали при подобном методе языкового посредничества, в ярких красках описал францисканец Гийом де Рубрук, дипломат и миссионер, отправленный в начале 50-х гг. XIII века к монголам: *«Но больше всего удручало меня то, что я бессилен был сказать им какое-нибудь слово проповеди; мой толмач говорил: “Вы не можете заставить меня проповедовать, потому что я не умею говорить таких слов.” И он говорил правду. Ибо впоследствии, когда я начал немножечко понимать язык, я узнал, что когда я говорил одно, он говорил совсем другое, что ему приходило в голову. Тогда, видя опасность говорить при его посредстве, я предпочел больше молчать.»*³

Намного большие шансы на успех имел, несомненно, миссионер, сам выучивший язык народа, который он хотел обратить в христианство. В таком случае вставал вопрос, будет ли он использовать местную речь лишь для проповеди, для комментирования вероучения, или он придаст данному языку статус литургического и переведет на него Священное Писание. Однако Рим и Константинополь одинаково не были заинтересованы в расширении количества литургических языков. Итак, решение св. Константина-Кирилла ввести новый язык богослужения отличалось от тогдашнего узуса как восточной, так и западной ветви христианской церкви, и его страстная защита права славянского языка на такой статус до сих пор вызывает ряд дискуссий. Остается неясным, насколько сильный голос и авторитет имели «триязычники» в рамках тогдашней церкви. Данный спор усложняется также тем, что в славянской среде эпохи после церковного раскола распространились значительно реинтерпретированные версии проблемы: во-первых, полемике Константина с трилингвизмом был придан конфессиональный аспект, причем настаивание на трех литургических языках считалось одной из черт католицизма, во-вторых, в защите славянской письменности первоначальная борьба за множество литургических языков превращается в полемику о том, каким трем языкам принадлежит эта исключительная позиция [Пиккио 2003: 289-308].

Учитывая, насколько отрывочны сведения источников о миссиях русской церкви в течение столетий, предшествовавших деятельности Стефана Пермского, неудивительно, что и о языковом вопросе можно судить лишь по косвенным намекам и параллелям. Тот факт, что церковная терминология некоторых этносов Прибалтики (особенно карелов) несет следы славянского влияния, доказывает местную работу русскоязычных священников [Tagvel 1998: 57-67], тем не менее неизвестно, пользовались ли миссионеры знанием хотя бы основ балтийских и финноугорских языков. В контексте практики византийской церкви это кажется не очень вероятным. Коммуникационные трудности можно предполагать, напр., у Леонтия Ростовского, который, будучи сам греком, в XII веке вел свою деятельность в преимущественно финноугорской Ростовской земле, куда тогда только что начинала направляться славянская колонизация. Языковой барьер, несомненно, значительно ограничивал возможность распространения христианской религии.

Напротив, Стефан ушел проповедовать христианство к народу, языком которого он владел. Где он мог приобрести знание пермского? По моему мнению, не стоит развивать гипотезы о том, что миссионер имел хотя бы частично (по матери) финноугорское происхождение и поэтому он выучил пермский язык уже в детстве, в своей семье.⁴ Единственное сведение, которым мы обладаем, представляет собой сообщение агиографа, что «*сий преподобный отец нашъ Стефанъ бѣ убо родом русинъ, от языка словѣнска, от страны полунощныя, глаголемыя Двинскыя, от града, нарицаемого Устьюга...*» [Житие Стефана Пермского: 56], а все остальное является лишь недоказуемыми гипотезами. Родной город Стефана Устюг имел настолько живые связи с финноугорскими областями, что Стефан здесь, наверное, имел возможность получить не только необходимую осведомленность о Пермской земле, но и основные знания языка.

Сравнение с миссионерской практикой как восточной, так и западной церкви показывает, что знание языка народа, который Стефан хотел привести к Христу, было далеко не само собой разумеющимся. Однако еще важнее и исключительнее было решение Стефана не ограничиваться использованием пермского языка для общения с пермянами и для объяснения основ вероучения, но и создать пермский алфавит и сделать из пермского языка литургический. Благодаря Стефану «*попове его пермскимъ языкомъ служяху обѣдно, заутренюю же и вечерню, пермскою рѣчью пояху, и конархи его по пермскимъ книгамъ конархаша, и чтеци чтење чтяху пермскою бесѣдою, пѣвци же всяко пѣње пермски възглашаху*» [Житие Стефана Пермского: 168].

Распространение христианства в средневековой Европе принесло с собой возникновение нескольких «миссионерских алфавитов» (готский алфавит Вульфилы, глаголица Константина-Кирилла и созданная его учениками кириллица), но христианизация была связана также с обратным процессом исчезновения более древних графических систем (кельтский огхам, скандинавские руны – футарк, венгерское руническое письмо) [Mojdl 2005]. Пермское письмо, называемое «абур» – по первым двум звукам, т.е. в соответствии с понятиями «алфавит» или «азбука», представляло собой первую графическую систему, созданную специально для восточноевропейского финноугорского языка.⁵ Одновременно абур стал самой последней возникшей в средневековой Европе графической системой. По сведениям Епифания это письмо состояло из 24 знаков, что соответствует числу знаков греческого алфавита.⁶ Исследователи предполагают влияние кириллицы и греческого алфавита,⁷ а также местных знаков (знаки собственности *нас* [Naarmann 2002: 978], или культовые символы *тамга* [Mojdl 2005: 138]). Не следует сомневаться в существовании у пермян какой-то формы *aides-mémoire*, так как подобное использование разных знаков было распространено в самых различных культурах мира [Ong 2006: 100-102], однако знаки этого типа совсем не совместимы с принципом буквенно-звукового алфавита. Повторяющиеся в литературе комментарии о происхождении знаков пермского алфавита зачастую неадекватно подчеркивают местные источники, которые могли сыграть лишь абсолютно формальную роль, между тем как сам принцип буквенно-звукового алфавита вы-

текает, разумеется, из книжного образования Стефана, и в пермскую культуру был привнесен извне.

По утверждению агиографа, Стефан переводил тексты еще до ухода в миссию и продолжал работу в Пермской земле, используя при этом русские и греческие источники [Житие Стефана Пермского: 62, 160]. Неофитам всех возрастов он приказывал учиться читать и писать по Часослову, Октоиху, Псалтыри и другим книгам, а тех, кто обучился грамоте, он назначал попами, дьяконами и т.п. и поручал им переписывать пермские книги [Житие Стефана Пермского: 114]. Данное сообщение вызывает некоторое недоумение исследователей очевидным нарушением канонического права: ведь Стефан, не будучи еще епископом, не мог рукополагать священников [Прохоров 1995: 20]. Однако эти сведения не менее проблематичны и в контексте языкового вопроса, так как люди, только что обучившиеся грамоте, переписывали священные тексты. Напрашивается вопрос: не были ли одной из причин вышеупомянутого недоверия к введению новых литургических языков, характерного как для восточной, так и западной церкви, опасения за качество и авторитетность перевода сакральных текстов?

В одной из центральных глав «*Жития Стефана Пермского*» – «О пермской азбуке» Епифаний обширно прославляет деятельность Стефана и защищает его от всех критиков. Графическая система, письменность и литургический язык функционируют в тексте, как и раньше в апологиях славянской письменности, в принципе как синонимы. Защите пермского письма автор придает псевдориторический характер: в духе средневековых полемических трактатов он сначала приводит аргументы против абура, а потом в пользу его существования. Он предполагает три основных возражения тех, кто «*скудни суще умом*»: во-первых, пермяне жили в течение многих веков без письменности и не имеет смысла создавать новую грамоту на короткое время, за 120 лет до конца света;⁸ во-вторых, если пермяне нуждаются в письменности, лучше было бы использовать уже существующее русское письмо,⁹ а в-третьих: ведь издавна существуют еврейский, греческий и латинский алфавиты.

Больше всего внимания Епифаний уделяет последнему из приведенных аргументов, т.е. «триязычной ереси». Оставляя в стороне латынь и еврейский язык, Епифаний борется лишь с представлением об исключительной позиции греческого языка. При этом он в большой степени опирается на апологию славянской письменности «*О письменах*» черноризца Храбра, используя не только стилистические обороты, но и целые отрывки текста.¹⁰

Епифаний повторяет описанную Храбром историю возникновения греческого письма, включая центральную идею, что создание греческого алфавита представляло собой долговременный процесс, в котором участвовал целый ряд книжников. Поэтому Храбр прославляет Константина за то, что он смог создать славянскую азбуку один и в один прием. [О письменехъ чръноризца Храбра: 190] Епифаний данную похвальную речь переадресовал Стефану: «*И сиче единъ инок, къ единому Богу помоляся, и азбуку сложилъ, и грамоту створил, и книги перевелъ в малых лѣтѣх, Богу помогающу ему. А они мнози*

философи многими лѣты, седьмъ философов, едва азбуку уставили, а 70 муж мудрецъ преложенье преложили, перетолмачили книги, от жидовска на греческий языкъ преведоша.» Однако непосредственно за этими словами следует: «Тѣмже мню, яко русская грамота честнѣйши есть елинскиѣ: святъ бо муж створил ю есть; Кирила реку Философа. А греческую алфавиту елини некрещени, погани суще, съставлявали суть.» [Житие Стефана Пермского: 184-186]. Здесь наблюдается очевидный перелом в ходе мыслей, показывающий, что части произведения Храбра включены в «Житие Стефана Пермского» довольно механически.

При помощи трактата «О письменах» Епифаний мог успешно расправиться с последним из трех возражений, которое было, впрочем, самым слабым – ведь само многостолетнее существование русской письменной культуры представляло собой ответ на «триязычное ученье». Однако именно в связи с богатыми традициями русской культуры возникает вопрос, приводимый Епифанием в качестве второго аргумента противников: имеет ли смысл создавать пермскую письменность, если уже существует русская? Тот факт, что Епифаний постоянно переходит от похвалы Стефану к прославлению Константина, еще больше усиливает настоятельность данного вопроса. Ведь если Константин изобрел альтернативу к «языческому» шрифту, то почему же сейчас не использовать ее, а создавать новую письменность?

Аргумент могла бы дать знаменитая XVI глава «Жития святого Константина»: «Не идет ли дъждь отъ бога на в'се равно? или слънце тожде не сѣаетъ ли на в'се? ни ли дъхаемъ на аиерь равно вс'и? [...] мы же роды знаемъ книги оумѣюще и богоу славу въздающе своимъ езъкомъ къждо. явѣ же соуть сѣи: Армени, Пер'си, Аваз'гы, Ивери, Соуг'ди Годи, Обри, Тур'си, Козари, Аравляне, Егун'ти и инѣи мнозы.» [Constantinus et Methodius Thessalonicenses Fontes 1960: 205] Подобно тому, как усилиями солунских братьев расширился этот перечень, сюда можно было бы включить также пермян и любой другой народ: все народы равны в своем праве на богослужение на собственном языке. Тем не менее Епифаний в своей защите пользовался не «Житием св. Константина», а трактатом Храбра, который подходящий аргумент предложить не мог, так как он защищал славянскую письменность, но идея, что такое же право имеет каждый народ, в данном тексте не прозвучала.¹¹

В отличие от славянской письменности, которая в столетия после кирилло-мефодиевской миссии распространилась по обширным территориям юго-восточной и восточной Европы и стала определяющей частью культуры многих народов вплоть до наших дней, пермская письменность осталась ограниченной лишь областью Вычегды и Печоры и не имела никакого значения даже для христианизации самого близкородственного народа пермяков во второй половине XV века. [Naarmann 2002: 978] В самом последующем существовании пермской книжной культуры остается много неясностей. Из всей пермской письменности сохранились лишь две написи на иконах (библейские цитаты), запись в тексте *Кормчей* от 1510 г. и несколько пермским алфавитом написанных русскоязычных глосс.¹²

Причины и обстоятельства исчезновения пермской письменности неизвестны. Исследователи до сих пор связывали его прежде всего с каким-нибудь насильственным актом. Кроме предположений об уничтожении всех книг при пожаре 1740 г. [Strzelczyk 1997: 317], в литературе появляется гипотеза об их целенаправленной ликвидации русской церковью в XVI веке [Прохоров 1995: 37]. К сожалению, при полном молчании источников любые утверждения о конкретных судьбах пермской книжности нельзя верифицировать.

Более существенными чем вопрос судьбы конкретных книг являются возможные причины прекращения пермской литургии, вытекающие из более широкого культурного контекста. А.Н. Власов приводит две причины: во-первых, он цитирует В.И. Лыткина, по утверждению которого письменность, созданная на основе одного из диалектов пермского языка не смогла отражать все этнолингвистические специфики региона и поэтому она достаточно быстро не распространялась среди разных финно-угорских этнических групп [Лыткин 1950: 19-22; Власов 1997: 211]. Однако данную гипотезу ставит под сомнение успех старославянской письменности, также возникшей на основе одного из диалектов, которая все-таки распространилась в западно-, южно- и восточнославянской областях, и постепенно приспособилась к специфическим местным языковым условиям. Проблематичным считаю также вторую приводимую Власовым причину исчезновения пермской литургии: необходимость для централизованного государства одного государственного языка [Власов 1997: 211], так как целенамеренное, прагматическое стремление к языковой унификации государства является в связи с XVI веком анахроническим.¹³

В стороне до сих пор остался лишенный внешнего драматизма, но, по моему мнению, принципиальный факт, что в контексте русской культуры того времени невозможно было найти аргумент в пользу пермского как литургического языка рядом с церковнославянской литургией и культурой. Дело в том, что во второй половине XV века формировалось новое самосознание русской культуры, связанное с убеждением о первостепенном месте Руси в рамках всего христианства. Важную роль при этом сыграл Флорентийский собор (на Руси интерпретированный как доказательство того, что греки изменили истинной религии) и падение Константинополя, трактуемое как заслуженное наказание греков. Культуре Московской Руси была свойственна идея неодинакового аксиологического статуса разных языков. Не только содержание конкретного текста, но и сама языковая форма могла быть объявлена священной или, наоборот, еретической. Как показал Б.А. Успенский, «*церковнославянский язык понимался на Руси не просто как одна из возможных систем передачи информации, но прежде всего как система символического представления православного вероисповедания, т.е. как икона православия.*» [Успенский 1994^b: 340] Церковнославянскому языку присуждался священный характер и особая пригодность для толкования православной религии. В оригинальном русском *Сказании о славянской письменности*, включенном в *Толковую Палею* 1494 г. в отличие от трактата монаха Храбра утверждается, что русская грамота (как и русская религия) является не созданной кем-либо из смертных, а богоизъяв-

ленной [Успенский 1994^б: 364]. Незнание церковнославянского языка помогает впадению в ересь. На противоположный полюс книжники Московской Руси ставили латынь, будто бы деформирующую христианскую религию. [Успенский 1994^а: 50-51; Успенский 1994^б: 340-346, 363-364] О том, насколько глубоко данное понимание языков пронизывало мышление образованной элиты Московской Руси и какие глубокие последствия это могло иметь, свидетельствуют споры о переводах Максима Грека в начале XVI века, о никоновских исправлениях книг на полтора столетия позже, и даже еще при создании Славяно-греко-латинской академии в Москве в конце XVII века.¹⁴

Чтобы можно было оправдать существование пермской письменности, необходимо было принять принцип аксиологического равенства всех алфавитов и литургических языков. Однако Храбр, а вслед за ним и Епифаний утверждают, что славянское письмо лучше греческого, т.е. они воспринимают разные письма иерархически. Куда в такой иерархии поставить пермское письмо? Агиограф стремился как можно сильнее подчеркнуть деятельность Стефана Пермского в пользу пермян, но ни в коем случае не в ущерб своей, русской культуре. Если даже автор жития Стефана Пермского был не в силах отстоять право новокрещенных народов на прославление Бога на собственном языке и опровергнуть утверждение, что не имеет смысла создавать пермскую письменность, раз уже существует русская, то тем более это не смогли сделать следующие поколения образованных монахов, принадлежащих к культуре, которая свое убеждение об уникальном месте Руси сформулировала в концепции Москва – Третий Рим.¹⁵ С принятием принципа равенства всех народов перед Богом, прозвучавшего в «Житии св. Константина», Русь потеряла бы свою исключительную роль в истории спасения и стала бы лишь одной из ряда христианских стран, а такое мировидение было для книжника средневековой Руси немислимо. Поэтому последующее распространение христианства было связано исключительно с русской письменностью, а новые алфавиты как орудие миссионерской деятельности русской православной церкви снова появились только в XIX веке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ „Ad frocium quidem Luiticum idola surda predicationis equos flectere placuit, quorum linguam cognovit, et quos necdum visus, mutata veste et habitu fallere potuit.“ [Brunonův Život sv. Vojtěcha: 295].

² „furibunda voce et canino rictu“ [Jana Kanaparia Život sv. Vojtěcha: 261].

³ *Itinerarium Willelmi de Rubruc* 1928: 196: „Super omnia autem gravabat me quod, quando volebam eis dicere aliquod verbum edificationis, interpres meus dicebat: ‚Non faciatis me predicare, quia nescio talia verba dicere.‘ Et verum dicebat. Ego enim percepi postea, quando incepi aliquantulum intelligere idioma, quod quando dicebam unum, ipse totum aliud dicebat secundum, quod ei occurrebat. Tunc videns periculum loquendi per ipsum, elegi magis tacere.“ Русский перевод: Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И. Маленина. Москва 1957. - Цитирую по: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm>.

⁴ Критично к этим гипотезам: Прохоров 1995: 5.

⁵ Древнейшая запись финского, точнее, карельского языка (новгородская берестяная грамота № 292) относится уже к XIII веку, но она сделана кириллицей – ср. www.gramoty.ru.

⁶ „подобая греческия азбуки числу слов“ [Житие Стефана Пермского: 180]. Происхождение нескольких других знаков не ясно.

⁷ Сам Епифаний говорит о том, что Стефан некоторые знаки создал „по чину греческих писмен“ [Житие Стефана Пермского: 180]. Х. Хаарман предполагает также влияние грузинского алфавита

[Naagmann 2002: 978]. Гипотеза, что Стефан смог познакомиться с грузинским письмом, не имеет никакого подтверждения в источниках и в культурном контексте данной эпохи является совершенно невероятной.

⁸ На данном сообщении исследователи обосновывают датировку создания пермского шрифта: при предполагаемом конце мира в 1492 г. абур должен был возникнуть в 1372 г. [Житие Стефана Пермского: 182]. Однако в другой части жития Епифаний относит создание пермского абюра к 6883 г. от сотворения мира, т. е. к 1375 г. [Житие Стефана Пермского: 190].

⁹ Кириллица на Руси зачастую воспринималась не только как «славянская», а также как «русская грамота» [Житие Стефана Пермского: 186], точно так же Епифаний пишет, что Константин-Кирилл «книги преложил съ греческаго языка на русский» [Житие Стефана Пермского: 188]. О постепенном устранении сверхъестественного поминания славянского языка в пользу национализации (русификация, болгаризация, сербизация) ср.: Пиккио 2003: 287.

¹⁰ Сравнение нескольких отрывков трактата Храбра и *Жития Стефана Пермского* приводит Куев 1967: 172-175. Однако текстовые связи между обоими произведениями значительно богаче.

¹¹ Идею права всех народов на письменность на собственном языке Епифанию неадекватно приписывает А. Н. Власов [1997: 208-214]. Забывая о том факте, что эта идея со всей настойчивостью была выражена уже в *Житии св. Константина*, Власов утверждает, что она представляет собой проявление гуманизма на Руси рубежа XIV-XV вв. и что «гуманистический пафос» *Жития Стефана Пермского* основан на идее «Москва – Третий Рим».

¹² Ср. детальный лингвистический анализ данных текстов вместе с грамматикой и словарем древнепермского языка – Лыткин 1950.

¹³ Напр., в габсбургской монархии такая тенденция встречается лишь в конце XVIII века.

¹⁴ К филологическим аспектам конфликта Максима Грека с русской церковной иерархией ср.: Матхаусерова 1976: 45-50; Trösterová 1994: 1-10. Эсхатологические контексты переводческой деятельности Максима Грека исследовал А. Л. Юрганов, цитирующий убеждение Максима о том, что знамение Антихриста является «преложение язык от непорочныя и правыя веры на различныя богомерския ереси, на христорбиое безверие агарян». [Юрганов 1998: 53]. Об отношении русских к латыни и латинице ср.: Успенский 1994⁶: 341-344.

¹⁵ Данному утверждению созвучны заключения А. Н. Власова, что тексты XVI века, разрабатывающие на основе *Жития Стефана Пермского* тему возникновения пермской письменности, полностью устраниают полемический аспект епифаниевского произведения и вообще не обращают внимания на современное состояние и функционирование пермской литургии и письменности. Создание пермского абюра становится для них вопросом чисто историческим [Власов 1997: 212-214].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

- Житие Стефана Пермского. In: Святитель Стефан Пермский, Санкт-Петербург 1995, 50-263.
 О писменехъ чръноризца Храбра. In: Куев, Куйо М.: Черноризец Храбър. София 1967, 188-191.
 Brunonův Život sv. Vojtěcha. In: Fontes rerum Bohemicarum, Tomus I, Vitae sanctorum et aliorum quorundam pietate insignium, ed. Josef Emler, Praha 1873, 266-304.
 Constantinus et Methodius Thessalonicenses Fontes. Recensuerunt et illustraverunt Grivec F. et Tomšič F., Zagreb 1960, 95-143.
 De S. Adalberto episcopo pragensi. In: MGH SS, t. 15, pars 2, ed. M. Perlbach. Hannover 1888, 1178-1184.
 Itinerarium Willelmi de Rubruc. In: Sinica Franciscana. Bd. I. Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV, (ed.) P. Anastasius van den Wyngaert O.F.M., Florentiae 1928, 164-332.
 Jana Kanararia Život sv. Vojtěcha. In: Fontes rerum Bohemicarum, Tomus I, Vitae sanctorum et aliorum quorundam pietate insignium, ed. Josef Emler, Praha 1873, 235-265.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВЛАСОВ, А.Н. (1997): Сказание о грамоте и пермской азбуке ц истории книжной культуры Древней Руси (Некоторые аспекты изучения). In: *Труды отдела древнерусской литературы* 50, с. 208-214.
 ИВАНОВ, С. А. (2003): *Византийское миссионерство. Можно ли сделать из „варвара“ христианина?* Москва.
 КУЕВ, Куйо М. (1967): *Черноризец Храбър*. София.
 МАТХАУСЕРОВА, С. (1976): *Древнерусские теории искусства слова*. Praha.
 ПИККИО, Р. (2003): «Вопрос о языке» и кирилло-мефодиевский славянский мир. In: Р. Пиккио: *Slavia Orthodoxa. Литература и язык*. Москва, 244-362.
 ПРОХОРОВ, Г. М.: Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый. In:

- Святитель Стефан Пермский*. Санкт-Петербург, с. 3-47.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А.: *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.)*. Москва 1994.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (1994): Раскол и культурный конфликт XVII века. In: Б. А. Успенский: *Избранные труды, том I - Семиотика истории. Семиотика культуры*. Москва, с. 333-367.
- ЮРГАНОВ, А.Л. (1998): *Категории русской средневековой культуры*. Москва.
- BORST, A. (1957, 1995): *Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. Band I. Fundamente und Aufbau*. Stuttgart, München.
- HAARMANN, H. (2008): Originalschriften und Schriftimporte des östlichen Europa. In: M. Okuka (ed.): *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*. Klagenfurt 2002, s. 971-978 – <http://www.uni-klu.ac.at/eeo/Originalschriften.pdf> (18.2.2008)
- MOJDL, L. (2005): *Encyklopedie písem světa I. Pisma Evropy, Kavkazu a helénské oblasti*. Praha.
- ONG, W. J. (2006): *Technologizace slova*. Praha.
- STRZELCZYK, J. (1997): *Apostolowie Europy*. Warszawa.
- TARVEL, E. (1998): Mission und Glaubenwechsel in Estland und Livland in 11.-13. Jahrhundert aufgrund sprachlicher Quellen. In: M. Müller-Wille (ed.). *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8.-14. Jahrhunderts, Band II*. Stuttgart, s. 57-67.
- TRÖSTEROVÁ, Z. (1994): Filologická, náboženskoideová a politická rizika opravy církevních knih v Moskevské Rusi. In: *Opera slavica*, 4, č. 2, s. 1-10.
- VAVŘÍNEK, V. (2001): Slovanský panovník jako „Nový Konstantin“. Boris Bulharský – Rastislav Moravský – Vladimír Kyjevský. In: *Cyrrillomethodiana. In honorem Aemiliae Bláhové et Venceslai Konzal*. Praha, s. 507-516.

IVANA KYRALOVÁ

*Česká republika, Olomouc***ŽIVOT PETRA NIKOLAJEVIČE SAVICKÉHO****ABSTRACT:**

The study is devoted to the life of Petr Nikolaevich Savitsky, who was one of the founders of eurasianism. The aim of this study is to create Savitsky's biography and to characterize his activities in emigration in Czechoslovakia.

KEY WORDS:

Savitsky – eurasianism – eurasian movement – Prague – emigration – USSR.

АБСТРАКТ:

Статья посвящена жизни одного из вождей евразийского движения Петра Николаевича Савицкого. Поскольку эта тема до сих пор не была монографически разработана, целью работы является представить основные этапы биографии Савицкого, главным образом, после его эмиграции в Чехословакию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Савицкий – евразийство – Прага – эмиграция – СССР.

Petr Nikolajevič Savickij patřil k zakladatelům eurasijského hnutí, jednoho z nejvýraznějších myšlenkových proudů ruské emigrace po revoluci 1917 nejen na území tehdejšího Československa, ale i v dalších evropských zemích. Zabýval se mnohými obory – geopolitikou, ekonomikou, historií, filozofií a jinými. Svou erudicí zúročil především při vytváření eurasijské teorie a ve své pedagogické činnosti, která měla velký přínos pro ruskou emigrantskou komunitu v tehdejší Československu. Biografie Petra Nikolajeviče Savického nebyla doposud uceleně monograficky zpracována a tato studie si klade za cíl rekonstruovat alespoň základní etapy života této osobnosti.

Petr Nikolajevič Savickij se narodil 18. července 1895¹ v rodinné usedlosti Saviščevo v Černigovské gubernii (dnešní Ukrajina) v rodině šlechtice Nikolaje Petroviče Savického a jeho ženy Uljany. Statkář N.P. Savickij byl maršálkem šlechty Černigovského újezdu a členem Státní rady [Voráček 2004: 292].

V roce 1906 Petr Nikolajevič Savickij nastoupil na Černigovské klasické chlapecké gymnázium, které úspěšně zakončil v roce 1913. V tomtéž roce nastoupil na

Ekonomické oddělení Petrohradského polytechnického institutu – obor politická ekonomie a hospodářská geografie. Po absolvování zůstal na tomto ústavu jako stipendista připravující se na vědeckou činnost. Mezi léty 1916 – 1917 pracoval v Kristianii (dnešní Oslo) jako zástupce obchodního ataše při ruském velvyslanectví v Norsku.²

Po svém návratu do Ruska pobýval na jihu země, na Krymu, kde se dal v roce 1919 do služeb Dobrovolnické armády generála Děnikina. Poté, co ho kontaktoval jeho bývalý učitel Petr Struve, ministr zahraničí Děnikinovy vlády, se stal Savickij jeho tajemníkem. V této funkci vykonal cesty například do Itálie či Francie. Po Wrangelově porážce roku 1920 se dostal společně s ustupující bílou armádou do Turecka. Během pobytu na poloostrově Gallipoli ho opět kontaktoval Struve. Savickij přijal jeho pozvání do Sofie, kde začal pracovat jako redaktor v Struveho časopise *Русская мысль*.³ V tomto časopise na počátku roku 1921 publikoval recenzi na článek N.S. Trubeckého *Европа и Человечество*, kterou je možné chápat jako položení základů eurasijství. V roce 1921 spolu s dalšími autory vydal v Sofii první čistě eurasijský sborník *Исход к Востоку*. Po neshodách se Struvem a zřejmě na pozvání profesora Lomšakova odchází P.N. Savickij do Prahy, kde se díky Masarykově ruské politice vytvořila živná akademická půda. V Praze se definitivně usadil v prosinci roku 1921. Později se sem přistěhovali i jeho rodiče a budoucí žena, se kterou se seznámil ještě v Rusku.⁴

První zmínku o působení Savického na území tehdejší ČSR představuje informace, že už 18. února 1922 byl jmenován soukromým docentem na katedře politické ekonomie a statistiky Ruské právnické fakulty a byl zařazen mezi její učitele.⁵ Vezmeme-li v úvahu, že se do Prahy dostal v prosinci 1921, svědčí to o tom, že se ve zdejším prostředí adaptoval poměrně rychle. Podle názoru jeho syna mu v tom opět pomohl Struve, který jej zřejmě doporučil jako svého velmi talentovaného a schopného žáka.⁶ Rok po vydání prvního eurasijského sborníku vychází v Berlíně další, s názvem *На путях. Утверждение евразийцев*.

V roce 1923 odjel na šest měsíců do Berlína, kde byl jmenován docentem Ruského vědeckého ústavu na katedře hospodářského zeměpisu.⁷ Od roku 1925 pracoval jako profesor téhož oboru v Institutu zemědělského družstevnictví v Praze.⁸

Polovina 20. let je životě Petra Nikolajeviče spojena s vrcholem eurasijství. V Berlíně vycházejí další eurasijské sborníky (*Евразийский временник*, kn. 3, 4). Savickij v té době píše eseje, přednáší, je v kontaktu s eurasijskými skupinami v jiných zemích a sní o úspěchu eurasijství v Sovětském svazu. Uvěřil, že v Rusku se zformovala tajná eurasijská skupina, se kterou navázal kontakt. Tato skupina ho v roce 1926 pozvala na tajné setkání, které bylo podobně jako celá skupina organizováno pod taktovkou GPU. Ve svých vzpomínkách Savickij popisuje, že si byl vědom, že je v Moskvě sledován, ale myslel si, že své pronásledovatele setřásl. Podle slov jeho syna je to docela možné, protože GPU stejně věděla o místě setkání [Срепанов 1995: 437-447]. Z toho, že se mu podařilo vycestovat do Moskvy a vrátit se bez úhony zpět, lze usuzovat, že ač se orgány sovětské moci o eurasijství důkladně zajímaly, samotného Savického zřejmě za nebezpečného člověka nepokládaly. Počkaly si až do roku 1945, kdy byl Savickij zatčen. V rozsudku z roku 1961 je jeho činnost formulována poněkud jinak: „Po Velké říjnové socialistické revoluci se postavil do řad bělogvardějců, emigroval do ČSR a vysílal odtud v době prvé republiky do Sovětského svazu špiony.“

V další části rozsudku se pak píše, že tyto agenty, které vybíral z řad bílých důstojníků posílal do Moskvy s „nepřátelskými úkoly“. O jaké úkoly mělo jít, ale text nezmiňuje. O eurasijství se v dokumentu píše, že „*napáchalo mnoho škod Sovětskému svazu.*“⁹

Rok 1926 ale přinesl Savickému i šťastnější události. 26. listopadu se v Praze oženil s Věrou Simonovou.¹⁰ Svědkem na svatbě mu byl přítel a eurasijský kolega, historik G.V. Vernadskij.¹¹

S obdobím druhé poloviny 20. let až do roku 1945 je spojena jeho činnost v různých spolcích a organizacích. Kromě Ruské právnické fakulty a Institutu zemědělské družstevnictví to bylo Spolkové ruské gymnázium v Praze, Ruský zahraniční historický archiv, Kondakovův archeologický institut, Svaz ruských spisovatelů a žurnalistů, Pražský lingvistický kroužek, Ruská lidová univerzita, Německá univerzita v Praze (1935-1941) [Podaný, Barvíková 1996: 70, Běloševská 1998: 297], Zeměpisná společnost v Bělehradě a Německá společnost slavistická v Praze. Spolupracoval rovněž s časopisy *Le monde Slave* (1930-1938), *Slavische Rundschau* (1929-1939) a *Sociální problémy*.¹²

Až na některé výjimky většina těchto aktivit nepřinášela Savickému žádný příjem. Jediným stálým finančním zdrojem jeho rodiny tak byla podpora od státu, kterou dostával díky ruské politice Československa. Nejednalo se však o žádné závratné částky, a jejich výše se navíc s blížící se hospodářskou krizí neustále snižovala. Vláda totiž nepředpokládala, že se bolševici udrží u moci tak dlouho, takže s pomocí emigrantům počítala pouze na období 5 – 8 let. [Běloševská 1998: 177] Pro ilustraci: podpora Savickému do roku 1932 činila 950 Kčs, avšak v červenci téhož roku mu byla snížena na 750 Kčs. Po dalším snižování podpory (až na částku 400 Kčs v roce 1933) napsal zoufalý Savickij dopis ministerstvu zahraničních věcí, ve kterém žádal o zachování podpory v původní výši s tím, že je to jeho jediný stálý příjem. Kromě jiného zde dokládá svou veškerou vědeckou a publikační činnost.¹³ O tom, že se mu v tomto období snažily pomoci i jiné organizace, svědčí dopis neznámé instituce, ve kterém stojí, že „*zachováním podpory pro doc. Savického [by mu] i napříště bylo umožněno pracovati odborně i na prospěch československé přírodovědy.*“¹⁴

Savickij se nadále plně věnoval eurasijství, které se však po jeho tajné cestě do Moskvy a následném rozkolu v řadách eurasijců (oddělení pařížského levého křídla) zmítalo v krizi [Voráček 2004: 214]. Situaci nepomohl vyřešit ani velký eurasijský sjezd, který se konal v roce 1931 v Bruselu [Voráček 2004: 224]. Přesto byl v Praze v témže roce vydán další a zároveň poslední sborník eurasijců *Тридцатые годы*. Po něm, zhruba do poloviny 30. let, vyšlo ještě několik dalších statí. Úpadek eurasijství byl ale nezadržitelný a s blížícím se Mnichovem pomalu eurasijská činnost skupiny ustala. V době války nebylo možné díla tohoto typu publikovat.

Válka přinutila Savického opustit nejen eurasijství, ale také pražskou Německou univerzitu, kde dosud působil jako lektor ruštiny, ukrajinštiny a ruských reálií. Po napadení Sovětského svazu Německem totiž prohlásil, že Sovětský svaz je neporazitelný, za což byl propuštěn.¹⁵

Ostatné období války bylo těžké nejen pro něj samotného, ale i pro celou emigrantskou komunitu. Emigranti byli evidováni v organizaci *Опорный пункт*, která byla řízena z Berlína. Stejně jako všichni ostatní občané museli i oni prokázat svůj

nežidovský původ, což pro řadu z nich představovalo problém, protože mnohdy přicestovali bez jakýchkoliv dokumentů a jediný, kdo jim mohl potvrzení vydat, byl právě *Опорный пункт* [Kopřivová 2001: 58].

Z finančních důvodů nastoupil Savickij v roce 1940 na místo ředitele Ruského gymnázia v Praze – Pankráci, pro něž se mu podařilo získat velmi kvalitní pedagogy. Díky tomuto zaměstnání také jeho rodina, která se mezitím rozrostla o dva členy (synové Nikolaj *1935 a Ivan *1937), získala nový byt.¹⁶ V těžkém válečném období Savickij dokázal udržet školu v chodu.¹⁷ Mimo jiné se mu podařilo uchránit několik mladých lidských životů tím, že na gymnázium odmítl náborovou akci do Vlasovovy armády, protože její členy považoval za zrádce vlasti.¹⁸ Právě za to byl však v roce 1944 propuštěn a zatčen gestapem, které ho pět dní věznilo a poté ho poslalo pracovat. Savickij podle slov svého syna *«ничего не умел делать руками, так что его посылали с одного завода на другой, говорили, что нам такой работник не нужен.»*¹⁹ Tím ale jeho pronásledování neskončilo. Hned po konci války v květnu 1945 začalo velké zatýkání organizované jednotkami NKVD – SMERŠ²⁰ a nejen jimi. Zatýkání začala s překvapivou rychlostí (už 11. května), což svědčilo o připravenosti celé akce.

Ivan Savický vzpomíná, že jeho otce zatýkali natřikrát. Nejdříve přišli lidé v sovětských uniformách, kteří mu dali potvrzení o tom, že je řádný ruský člověk. Jenže pak přišli lidé v civilu, což zřejmě byli agenti NKVD, a ti ho také odvedli.²¹

Svědectví o tom, jak se choval Savickij za okupace, se dochovalo ve vyjádření ministerstva vnitra adresovaném ministerstvu zahraničních věcí z 25. února 1949: *„Výsledek šetření: Jeho chování v době okupace bylo silně vnitřně ruské, avšak navenek musil se podrobit německému nátlaku, činěného jednak ze strany germanofilní ruské emigrace, jednak přímému nátlaku Němců. Ve svém úzkém kruhu přátel, jakož i v rodině bylo však známo, že byl silně protiněmecký. Po napadení Sovětského svazu Němci vyhranil se jasně jeho protiněmecký charakter. Odposlouchával relace moskevského rozhlasu a jeho děti si hrály na ruské partyzány a pod. Navenek však musil se projevovati jako loyální občan vůči německému režimu, aby zachránil školu před přímou německou kontrolou, respektive správou [...] Savický během okupace odebíral Sovětskou literaturu a hodlal po osvobození plně spolupracovati se SSSR! V květnu 1945 byl sovětskými vojenskými orgány internován a odvezen do SSSR, pravděpodobně z důvodu jeho emigrace po první světové válce, snad pro obsah jeho knihy, kterou měl po první světové válce napsati, jejíž obsah byl protisovětský.“*²²

Důvody prvního zatčení Savického zmiňuje i pozdější rozsudek z roku 1961. Podle něj se provinil tím, že v rámci eurasijství posílal do Moskvy agenty s nepřátelskými úkoly a také svou ilegální cestou do Moskvy v roce 1926, kde měl údajně navázat styky se zrádci v Rudé armádě.²³ NKVD koneckonců proti němu mohla použít cokoliv.

Co přesně se dělo po jeho zatčení, se mi zjistit nepodařilo. Z dokumentů a vzpomínek Ivana Savického vyplývá, že byl letecky eskortován do Moskvy, kde byl odsouzen na 10 let a poslán do gulagu.²⁴ Emil Voráček ve své knize uvádí, že byl i v táboře na Kolymě [Voráček 2004: 295], což se mi v pramenech najít a potvrdit nepodařilo. První informace o Savického životě v gulagu pochází až z roku 1955, kdy

mu byla povolena korespondence. Mezi léty 1948-1955 o něm neměla rodina žádné informace.²⁵

Zmapovat život člověka vězněného v gulagu je složité, a proto se zde opírám především o Savického dopisy rodině z roku 1955 z tábora v Zubové Polaně v Mordovii. V prvním dopise, datovaném 11. dubnem píše, že sem byl přestěhován 7. dubna. Popisuje táborové podmínky a svou činnost slovy: *«Достаточно и вкусно кормят, постел отличная, не хуже, чем в первой классной гостинице, прекрасный воздух [...] Душевные же мои силы – «чтобы не сглазить» [...] Все истекшие годы в полной мере и непрерывно был занят научной работой в области своей специальности – главным образом в области географии, экономической географии и истории культуры [...] Все истекшие годы я был культторгом или библиотекарем [...] Дайте мне в сто раз больше времени [...] и я займу его полностью: ведь область знания неисчерпаема.»*²⁶ O tom, co bylo před rokem 1955, se mi podařilo najít pouze jednu zmínku v dopise z roku 1959, který psal z Prahy svému bratrovi do USA: *«В 1946 – в «бериевицину» – я был на тяжёлых работах»*²⁷ (později, jak ty znáš, byl культторгом и библиотекарем).²⁸ Z jiných dopisů ze dovídáme, že tyto dvě funkce zastával od roku 1950²⁹ a kromě těchto svých povinností se ještě každý den deset až dvanáct hodin věnoval svému oboru.³⁰ Také píše verše a přednáší.³¹ Na svou vědeckou práci byl Savickij zřejmě opravdu pyšný (i když to byl spíše prostředek, jak se v lágru udržet při zdravém rozumu),³² když o sobě píše, že je: *«...многосторонний российский – по многосторонности своей, кажется (боюсь преувеличить) не имеющий себе равных.»*³³

Ve vzpomínkách ostatních vězňů se mi podařilo (díky skvělé databázi organizace Memorial) najít pouze jedinou zmínku v knize J.A. Tregubova: *«Культторгом лагеря (из заключенных) к моему большому удивлению оказывается один из вождей движения евразийцев – профессор Петр Николаевич Савицкий из Праги. Основное его занятие – распределять по баракам и секциям присылаемые из центра газеты. Профессор вполне проникся «важностью и ответственностью» порученной ему лагерной администрацией работы. Бедный профессор, по-видимому, совершенно серьезно поверил в то, что он советский человек. О советской власти он говорит только с благоговейным придыханием. Грустное впечатление произвел на меня профессор Савицкий, кажется, вполне искренне разглагольствовавший об американских поджигателях войны и советских достижениях. Бог ему судя!»* [Tregubov 2001: 252-253] Oba byli společně vězněni v jedenáctém oddělení pro cizince. Tregubov popisuje tamní podmínky: tábor byl obklopený dřevěným plotem, v jedné části se nacházela továrna na nábytek, kde pracovala většina vězňů. Oddělení pro cizince vypadalo podstatně lépe než ostatní oddělení, neboť tam měli dokonce záhony s květinami, fotbalové hřiště, velkou jídelnu s pódiem, knihovnu s množstvím knih [Tregubov 2001: 253]. To, že podmínky posledního místa věznění Savického byly snesitelnější a mírnější, potvrzuje ve svých dopisech. Měl zde také povolené návštěvy.³⁴

Pro Savického ale to nejdůležitější znamenala rodina, o kterou se ve všech dopisech živě zajímá. V roce 1955, kdy byl díky amnestii propuštěn,³⁵ se prostřednictvím dopisů snažil naplánovat budoucnost. Když opustil své syny, bylo jim osm a deset

let, a v roce 1955 z nich byli dospělí mladí muži. Skoro ve všech dopisech se zmiňuje o tom, že hlavní je dostat chlapce na vysokou školu.³⁶ To se však v podmínkách Československa 50. let pochopitelně nepodařilo tak, jak si představoval.³⁷

Dalším jeho velkým přáním bylo to, aby mu bylo uděleno sovětské občanství. Zmiňuje se o tom v dopise: *«Положение «бесподданного» – совершенно ненормально. И я, по психологическому своему состоянию, не могу больше в нём находиться. Но вспомнив всю мою жизнь и все мои писания, вы поймёте, что просить о предоставлении мне чехословацкого гражданства я не могу: уж слишком я весь и во всем русский. Я буду просить о предоставлении мне советского гражданства [...] Надеюсь не только фактически и психологически (что уже есть), но также и юридически стать советским человеком и лояльнейшим советским патриотом...»*³⁸ Jeho žádost o sovětské občanství byla zřejmě zamítnuta, protože v osobním spisu ve fondu Správy sboru nápravných zařízení z roku 1961 se uvádí, že je bez státní příslušnosti.

Z korespondence se také dovídáme o osudech ostatních členů rodiny. Savického manželka Věra prodělala během jeho věznění vážná onemocnění včetně rakoviny.³⁹ Na jejím zdravotním stavu se zřejmě podepsala i špatná materiální situace rodiny. Než jejího manžela zatkl gestapo, žila rodina v slušném bytě, odkud byla ale vystěhována.⁴⁰ V době korespondence bydlela rodina v tzv. Profesorském domě,⁴¹ ze kterého byla většina emigrantů vyhnána. Jedinou záchranu pro emigranty představovala práce tlumočnicků a překladatelů do ruštiny, což byl případ i paní Savické.⁴² V létě roku 1955 Savickij píše dopis svému staršímu synovi, ve kterém ho žádá, aby napsal žádost o otcovu repatriaci. Bylo nutné, aby se někdo zaručil, že ho po návratu existenčně zabezpečí.⁴³ Povolení dostal snad někdy koncem srpna,⁴⁴ avšak poslední dopisy ze Zubové Poljany pocházejí z prosince téhož roku. Z dalších dokumentů je jasné, že do Československa se vrátil na počátku roku 1956.⁴⁵ Například v únoru ho komise pro hospodářskou geografii zemědělské výroby ekonomického odboru Československé akademie věd pověřila zpracováním ekonomických monografií o zemědělství v SSSR a Latinské Americe, které plánovala vydat.⁴⁶ S Československou akademií věd spolupracoval i později, kdy se podílel na vytvoření Příručního slovníku naučného, pro který zpracoval 723 hesel z oblasti regionálního zeměpisu.⁴⁷ Kromě toho po přesvědčování ze strany rodiny⁴⁸ začal pracovat jako překladatel. Překládal odborné články, dělal revize a jazykové úpravy pro *Hospodářský bulletin*,⁴⁹ pracoval jako překladatel a lektor pro časopis Československé odbory.⁵⁰ Nějaký čas vyučoval na katedře jazyků ČVUT v Praze.⁵¹ Kvůli zlepšení finančních poměrů⁵² kromě všech těchto činností pokračuje ve vlastní publikační činnosti s geografickou tematikou.

Ačkoli se již eurasijství nevěnoval, zůstal zarytým odpůrcem západnictví. O tom svědčí i jeho horlivý dopis prezidiu Akademie věd SSSR z roku 1958, ve kterém si stěžuje na to, že se v ruských vědeckých časopisech používá anglické resumé, což podle jeho názoru staví ruštinu do pozice druhořadého jazyka: *«И то в эпоху советских спутников, сверхпередовой советской ракетной техники, ТУ 114, передовой советской медицины (как известно, в Советском Союзе наинишая на нашей планете смертность; также лично моя жизнь была в 1953 г. спасена*

советскими врачами) – и многого, многого другого в том же роде. [...] Церъёзные учёные всего мира уже и сейчас читают по-русски!»⁵³

Osobní život Savického v tomto období poznamenalo hned několik tragédií. Tu největší znamenala smrt jeho ženy v roce 1960. Záhy poté následovalo jeho zatčení 11. května 1961. Byl obviněn a posléze odsouzen na dva a půl roku za trestné činy pobuřování proti republice a hanobení spojeneckého národa. Z textu rozsudku je patrné, že po celé období od svého návratu do Československa byl sledován a jeho korespondence byla cenzurována. V rozsudku se píše: „...od r. 1956 do května 1961 udržoval důvěrné styky s celou řadou ruských emigrantů žijících v Praze, kteří jej navštěvovali v jeho bytě, nebo oni navštěvovali jej [...] a při těchto příležitostech pronášel opětovně výroky, nepřátelsky zaměřené proti republice.“ Hanobení spojeneckého státu se dopustil podle pracovnice ministerstva vnitra tím, že se ve verších, které vydal pod pseudonymem Vostokov, vyjadřoval urážlivě a nepřátelsky o Sovětském svazu. Savickij se v odvolání bránil, že urážlivá je předmluva k básním, kterou však nenapsal on, ale básník Ocup, a to bez jeho vědomí. Odvolání bylo zamítnuto s tím, že „šlo o zvláště rafinovanou a nebezpečnou činnost“, a Savickij byl internován ve věznici č. 1 v Ruzyni. Tam pracoval opět jako překladatel. Dochovalo se jeho hodnocení, ve kterém stojí, že: „Ve výkonu trestu pracoval jako překladatel v technickém ústavu, kde pro svoje stáří měl slabou pracovní morálku a také neměl patřičné znalosti ve strojním oboru. Chování měl slušné a ukázněné. Rád se vydává za velkého přítele SSSR, ale smýšlením zůstal idealista se starými názory, kdy on se měl dobře.“

Na základě přímlyvy Bertranda Russela a následné amnestie byl 10. května 1962 propuštěn. V dotazníku při propuštění Savickij na otázku „Kde budete pracovat?“ píše: „Jsem starý (67 let), mám více nemocí [...] budu žádat o starobní důchod. Ale hlava ještě funguje a já měl bych zájem pokračovat v překladatelské práci do ruštiny.“⁵⁴ Po propuštění také publikoval různé články s geografickou tematikou [Ду-гин 1997: 458-459]. Podle slov syna byl v době „tání“ přesvědčený, že v Sovětském svazu dojde ke změnám.⁵⁵

Petr Nikolajevič Savickij umírá 13. dubna 1968 „všemi zapomenut s pocitem, že je nikomu nepotřebný, neustále pronásledovaný, unavený s vědomím toho, že celé dílo jeho života celkově propadlo.“ [Voráček 2004: 295] Je pochován v rodinné hrobce v pravoslavné části Olšanských hřbitovů nedaleko pravoslavné kaple.

Eurasijství věřil do konce svého života a snažil se ho uchránit před tím, aby se z něj stala probolševická ideologie. Avšak sám o sobě nakonec prohlašoval, že je sovětský člověk a Sovětský svaz bránil. Podle mého názoru se však se Sovětským svazem nikdy plně neidentifikoval. Od počátku 20. let žil v emigraci mimo ruské a poté sovětské území, čímž do jisté míry ztratil pojitko se svou vlastí. Se sovětskou realitou se mohl seznámit jen během své tajné cesty do Sovětského svazu v roce 1926 a pak také v době svého věznění v gulagu. Celou dobu však v Rusko a v to, že se změní, nepřestal věřit. Sovětské poměry ale byly naprosto jiné než ty, ve kterých Savickij žil a pro které vytvořil svou eurasijskou ideu. Porevoluční společnost a zvláště její mladší generace by jeho myšlenky zřejmě nepochopila, protože vyrostla v úplně jiném prostředí, které nenavázalo na předchozí tradice. Je možné říci, že Savickij uvízl se svou ideou ve slepé uličce.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ SLK, T-A/Sav 157/2-VII, v některých pramenech jsou uvedena i jiná data (např. 3.5.).
- ² SLK, T-A/Sav 157/2-VII.
- ³ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>, 10. 2. 2008
- ⁴ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ⁵ SLK, T-A/Sav 3/1-I.
- ⁶ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ⁷ SLK, T-A/Sav 2/3-I.
- ⁸ SLK, T-A/Sav 157/2-VII.
- ⁹ NACR, Osobní spis P.N. Savického ve fondu Útvaru nápravných zařízení MV.
- ¹⁰ Věra Savická se narodila v roce 1898 ve Výchově. Absolvovala gymnázium ve tamtéž a poté byla v domácnosti. SLK, T-A/Sav 157/1-VII.
- ¹¹ SLK, T-A/Sav 5/2-I.
- ¹² SLK, T-A/Sav 157/2-VII.
- ¹³ SLK, T-A/Sav 127-IV.
- ¹⁴ SLK, T-A/Sav 156- VI.
- ¹⁵ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ¹⁶ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ¹⁷ Zachoval se dopis z ministerstva národní osvěty z roku 1941, které předepisuje Savickému povinnost složit zkoušku z německého jazyka, což se týkalo všech vyšších úředníků. Pokud by ji nesložil, nemohl by svou funkci dále vykonávat. SLK, T-A/Sav 70-IV.
- ¹⁸ 14.11. 1944 se v Praze konala konference pořádaná Němci, kde vyzývali k boji proti stalinskému Rusku a hledali podporu z řad emigrace proti Rusku (u emigrantů ale důvěru nezískali, je ale pravda, že někteří emigranti s Němci spolupracovali). Zúčastnili se jí mimo jiné např. K. H.Frank, A. A. Vlasov. Agitátoři se pak snažili o nábor studentů do řad Vlasovovy armády (Ruská osvobozená armáda). Kopřivová, A.: Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921-52), s. 64, Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ¹⁹ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ²⁰ Z ruského смерть шпионам.
- ²¹ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ²² SLK, T-A/Sav 2/3-I.
- ²³ NACR, Osobní spis P.N. Savického ve fondu Útvaru nápravných zařízení MV.
- ²⁴ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ²⁵ Tamtéž.
- ²⁶ SLK, T-A/Sav 141/1-VI.
- ²⁷ Z jeho básní vyplývá, že pracoval jako dělník při kácení stromů.
- ²⁸ SLK, T-A/Sav 143-VI.
- ²⁹ SLK, T-A/Sav 141/4-VI.
- ³⁰ SLK, T-A/Sav 141/3 VI.
- ³¹ Verše jsou to i „geografické“ – např. verše o různých městech spřátelené Jugoslávie. Svou básnickou tvorbu komentuje slovy «*Как и везде, стараюсь быть географически точным в каждой подробности.*»...T-A/Sav 141/8- VI.
- SLK, T-A/Sav 141/5-VI.
- ³² Jeho syn v rozhovoru uvádí, že se otci podařilo těžkou situaci v gulagu přežít i díky tomu, že zapůsobil na vedení (podle něj i díky skvělým geografickým znalostem, díky nimž si mohl s lidmi povídat o jejich rodných krajích). To ho pak uchránilo od nejhorších prací.
- ³³ SLK, T-A/Sav 141/4-VI.
- ³⁴ V jednom z dopisů ze zmiňuje o návštěvě jeho sestry. SLK, T-A/Sav 141/5-VI.
- ³⁵ NACR, Osobní spis P.N. Savického ve fondu Útvaru nápravných zařízení MV.
- ³⁶ SLK, T-A/Sav 141/5-VI.
- ³⁷ SLK, T-A/Sav 141/10-VI.
- ³⁸ Tamtéž.
- ³⁹ SLK, T-A/Sav 141/20-VI.
- ⁴⁰ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.
- ⁴¹ Jednalo se o dům, v němž bydlela řada významných emigrantských osobností. Byl postaven v roce 1925 podle návrhu ruského architekta V.A. Brandta. Jeho vlastníkem bylo Česko-ruské profesorské stavební a bytové družstvo. Dům stojí v ulici Rooseveltova č. 27 a 29. Později byl do suterénního prostoru přenesen ikonostas z chrámu sv. Mikuláše a vznikla tu malá modlitebna. (Kopřivová, A.: Střediska ruského emigrantského života

v Praze (1921-52), s. 28-32, 88). Podle jmen na zvoncích v domě stále žijí potomci některých emigrantů. Stejně tak se do dnešních dnů zachovala i modlitebna.

⁴² SLK, T-A/Sav 141/5-VI.

⁴³ SLK, T-A/Sav 141/10-VI.

⁴⁴ SLK, T-A/Sav 141/19-VI.

⁴⁵ NACR, Osobní spis P.N. Savického ve fondu Útvaru nápravných zařízení MV.

⁴⁶ SLK, T-A/Sav 63/3-IV

⁴⁷ SLK, T-A/Sav 1/1-I.

⁴⁸ SLK, T-A/Sav 133-VI.

⁴⁹ SLK, T-A/Sav 64-IV.

⁵⁰ SLK, T-A/Sav 65-IV.

⁵¹ SLK, T-A/Sav 72-IV.

⁵² Zlepšit jeho materiální podmínky se snažil i jeho bratr, který mu z USA posílal nějaké finanční obnosy. SLK, T-A/Sav 6/5-I.

I při domovní prohlídce v bytě Savického po jeho zatčení byly v jeho bytě nalezeny dolary. NACR, Osobní spis P.N. Savického ve fondu Útvaru nápravných zařízení MV.

⁵³ SLK, T-A/Sav 122-IV.

⁵⁴ NACR, Osobní spis P.N. Savického ve fondu Útvaru nápravných zařízení MV.

⁵⁵ Rozhovor s Ivanem Savickým, <http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp>.

POUŽITÉ PRAMENY

Fond Petra Nikolajeviče Savického ve Slovanské knihovně v Praze.

Osobní spis Petra Nikolajeviče Savického ve fondu Útvaru nápravných zařízení MV v Národním archivu České republiky v Praze.

INTERNETOVÉ ZDROJE:

<http://archive.svoboda.org/programs/lived.082205.asp> (10.2.2008).

POUŽITÁ LITERATURA

BĚLOŠEVSKÁ, L. (1998): *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1918-1938*. Praha.

KOPŘIVOVÁ, A. (2001): *Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921-52)*. Praha.

PODANÝ, V., BARVÍKOVÁ, H. (1996): *Ruská a ukrajinská emigrace v Československé republice 1918-1938 (Přehled archivních fondů a sbírek uložených v České republice)*. Archiv Akademie věd České republiky. Praha.

VORÁČEK, E. (2004): *Eurasijství v ruském politickém myšlení: Osudy jednoho z porevolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace*. Praha.

САВИЦКИЙ, П. Н. (1997): Европа и Евразия (1921). In: А.Г.Дугин (сост.): *Савицкий, П.Н.: Континент Евразия*. Москва.

СТЕПАНОВ, Н. Ю. (1995): Практическая работа пражской группы евразийской организации как политической партии. In: *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов*. Прага, с. 437-447.

ТРЕГУБОВ, Ю. А. (2001): *Восемь лет во власти Лубянки. Пережитое: Записки члена НТС*. Frankfurt/Moskva.

НАУМ ЛАЗАРЕВИЧ ЛЕЙДЕРМАН

Россия, Екатеринбург

ЛАНДСКНЕХТ РЕВОЛЮЦИИ

АБСТРАКТ:

The paper deals with early writings of the poet Nikolay Tikhonov, up to 1922, which are typical for his revolutionary romanticism. The source of his revolutionary romanticism is connected with author's participation in World War I and the revolution and in the influence of German expressionists. The paper is focused on ballad writings, in which Tikhonov esthesises horrors and is obsessed with violence. Tikhonov's life was long, but never after he wrote anything which could be compared with his 1920s' ballads.

KEY WORDS:

Early writings of Nikolay Tikhonov – revolutionary romanticism – ballad genre – esthetisation of the horror - decline of Tikhonov's writings after 1920's.

АБСТРАКТ:

В статье рассматривается ранний этап творчества поэта Николая Тихонова, вплоть до 1922 г., с характерным для него революционным романтизмом. Его источники усматриваются автором, с одной стороны, в пафосе участия Тихонова в войне и революции, с другой стороны, в работах немецких экспрессионистов. Анализу подвергаются баллады автора, в которых Тихонов осуществляет эстетизацию ужасного и отчасти наслаждается насилием. Тихонов прожил долгую жизнь, но позже не удалось ему сочинить ничего, что могло бы стать вровень с его балладами 20-х годов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Ранний этап творчества Н. Тихонова – революционный романтизм – жанр баллады – эстетизация ужасного – падение творчества после 20-х годов.

Николай Тихонов (1896 – 1979) пришел в литературу еще до 1917 года. О направлении умонастроений юного Тихонова дают некоторое представление строки из автобиографии *«Мне было семнадцать лет [...] Я увлекался в это время Гейне и Ницше»*. Ницше с его культом «сверхчеловека» был одним из интеллектуальных кумиров интеллигенции начала нового столетия, в нем чудился долгожданный антипод расслабленному рефлектирующему сыну века минувшего. Гейне мог привлекать высоким накалом иронического пафоса, презрением к филистерской философии существования. В стихах Тихонова встречаются и Свифт, и герои Гюго, и «седой чудак Стивенсон». Наиболее явно в лирике молодого Тихонова чувствуется влияние строгих, «мужских»

стихов Николая Гумилева, отчасти – Киплинга с его поэзией экзотики и суровых испытаний. Но главным источником, который стал питать романтику Тихонова, был его личный опыт: он в восемнадцать лет ушел на первую мировую войну, служил драгуном, в 1918 году вступил добровольцем в Красную армию, защищал Петроград от Юденича.

Отношения идеала и действительности у Тихонова решаются в духе революционной романтики – он ищет «перекидные мостки» между идеалом и действительностью. Тихоновский способ преодоления разрыва между идеалом и действительностью таков: *возвышение суровой реальности к идеалу*. Героев, взятых из реальности – солдата, красноармейца, матроса – поэт изображает так, что те кажутся фантастическими фигурами, поднятыми над обыденной реальностью, творящими некое чудо. Поэт наделяет их сверхъестественными качествами. И эти герои, возвышаясь над обыденностью, пошлостью, страхом смерти, творят дела, адекватные идеалу. Гиперболизм – в крови поэта. «*Песенным ветром на камни дуну – / И камни встанут по одному*» («*Еще в небе предутреннем и горбатым*», 1922); «*Что вечный ветер тоже мне / Брат не случайный на челне*» («*На перевозе*», 1923). Не случайно ему близок Свифт: «*Впервые лилипутский мир / Услышит голос Гулливера*».

Герой раннего Тихонова – носитель особого нравственного кодекса. Для него превыше всего принципы воинской чести: стойкость, верность приказу, несгибаемая воля, презрение к смерти, или точнее: «*Пусть я мечтатель и простака, но к битвам я равнодушен*», – это, если угодно, кредо автора «*Браги*» и «*Орды*». Не случайно эпиграфом к сборнику «*Брага*» поэт поставил блоковские строки: «*И вечный бой! Покой нам только снится ...*».

Кодекс, которым руководствуется герой Тихонова, можно назвать кодексом мужественного фатализма. Ему соответствует облик героя и его поведение: сдержанность, суровость, скупость на слова, неприятие сантиментов. Отсюда же и характер сюжетов – это сюжеты смертельного испытания, требующего от человека мужества самопожертвования.

Квинтэссенцию подобной ситуации можно наблюдать в знаменитой «*Балладе о гвоздях*» (1919 – 1922):

*Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.
«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.
И снова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс – ост,
У кого жена, дети, брат –
Пишите. Мы не придем назад.
Зато будет знатный кегельбан»,
И старший в ответ: «Есть, капитан!»
А самый дерзкий и молодой*

*Смотрел на солнце над водой.
«Не все ли равно, – сказал он, – где?
Еще спокойней лежать в воде».
Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».*

Весьма показательно, что фабула баллады связана с событиями Первой мировой войны.¹ Но автор избавляет сюжет баллады от какой бы то ни было исторической конкретизации. Ему важен подвиг как таковой – пример верности воинской дисциплине, бесстрашия, даже бравады перед смертью как высшее качество настоящего воина: *«Гвозди бы делать из этих людей. / Крепче бы не было в мире гвоздей».*

Человек – «гвоздь». Эта метафора в высшей степени характерна для тихоновской концепции личности. Как гвоздь прост, как гвоздь прям, как гвоздь тверд. Такой тип героя и есть, по Тихонову, подлинный образец настоящего человека.

Вот его автохарактеристики – не без самолюбования:

*Я и пес, мы суровы и цельны.
(«Ты мне нравишься больше собаки.»)
Мою душу кузнец закалил не вчера,
Студил ее долго на льду ...
И был я беспутен, и был я хмелен,
Еще кровожадней, чем рысь.
У нас от солнца, от вина и меди
Звенящих жил, качаясь, мир плывет.
(«Наследие»)*

Не случайно с самого начала своего творческого пути поэт стал разрабатывать жанр баллады. Большинство стихов раннего Тихонова – это баллады, а, как известно, в «памяти жанра» баллады кроется мистический смысл. Суть балладного сюжета в том, что человек всегда вступает в конфликт с роком, судьбою. И чтобы противостоять сверхъестественным силам, человек должен проявить необыкновенные качества. Таков герой Тихонова: во имя долга он способен преодолеть любые обстоятельства.

В высшей степени показательна в этом плане *«Песня об отпускнуем солдате»* (1919-1922). Незадолго перед боем солдат Иван Денисов обратился к командиру с просьбой об отпуске, чтоб проститься с умирающей женой. В бою Денисов погибает. Командир, обещавший отпуск после боя, обходя лежащих в ряд погибших солдат и прощаясь с ними, обращается к мертвому Денисову:

*– Слушай, Денисов Иван,
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ уж по роте дан,
Можешь идти домой.*

И возникает мистическая ситуация:

*Умолкли все – под горой
Ветер, как пес дрожал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.
Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек,
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.
И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.*

Это типично тихоновский балладный сюжет: если герой должен исполнить свой долг, то даже смерть ему не препона. Характерные для поэтического мира баллад образы («ветер, как пес, дрожал», «ворон сорвался, царапая лоб», «испуганные лошади», «оживший мертвец») создают мистическую атмосферу. Но автор «микширует» фантастичность ситуации обыденным словом батальонного, произнесенным в финале:

*Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа,
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да.»*

Это характерный прием у Тихонова: прозаизируя ситуацию, автор доказывает, что для его героев преодоление власти рока – норма. Позже, в стихотворении «Перекоп» (1922) Тихонов даст лапидарную метафору, буквально изображающую героическое преодоление смерти: «Но мертвые, прежде чем упасть, / Делают шаг вперед.»

Герой Тихонова проявляет сокровенные качества своей личности не в слове, а в деле. Он – человек поступка. В поступке выявляется его сокровенная духовная сущность, поступок – это выбор, решительное действенное разрешение драмы – что-то сделать, чтоб изменить мир. Для Тихонова главное – не объективный результат поступка, а то субъективное душевное воление и усилие, которое совершает человек силами своего духа при осуществлении действия, ради исполнения своего долга.

Показателен сюжет «Баллады о синем пакете» (1922). Чтобы доставить пакет с важным донесением, боец преодолел множество препятствий, не рискуя жизнью, но когда человек в Кремле прочел это письмо, что «в грязи и в крови запеклось», то сказал: «Оно опоздало на полчаса, / Не нужно – я все уже знаю сам».

В середине 30-х годов критик Николай Коварский писал: «Концовка баллады обесмысливает героизм человека, с невероятными трудностями пре-

одолевающего препятствия на пути [...] Эта верность имеет мало общего с подлинным мужеством революционера, для которого высшим законом является закон революционной целесообразности» [Коварский: 45]. Такая интерпретация соответствовала господствующим идеологическим установкам. В 80-е годы критик С. Страшнов дал совершенно противоположную оценку финалу баллады: «Доставка пакета стала открытием несгибаемого характера, моментом наивысшей реализации человеческого духа.» [Страшнов 1991: 42]

Эмоциональная сдержанность – это доминирующий принцип поведения героя тихоновских баллад, важнейшее составляющее его этического кодекса: «Даже радость и гордость даже / Нынче громко не говорят.» Этому мировосприятию соответствует особая поэтика изображения героя – поэтика скупого назывного слова.

*Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба – фунт на троих.
(«Перекоп»)*

*Над зеленою гимнастёркой
Чёрных пуговиц литые львы;
Трубка, выжженная махоркой,
и глаза стальной синевы.
(1921)*

Жёсткость, скупость изображения отвечает «состоянию мира» – это время, когда «пытала земля в крови, в бурьяне / Ненасытную силу свою.» («Мост», 1922) В мире войны царствует жестокость, здесь не находится места сочувствию и жалости. В этом мире противоестественно соседствуют любовь и смерть. Герою Тихонова приходится существовать среди крови и пожарищ, он воюет – рубит людей, стреляет в них, наносит увечья, убивает:

*Огонь, веревка, пуля и топор
Как слуги кланялись и шли за нами
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.
(1921)*

Таков психологический парадокс духовной жизни тихоновского героя – он овладевает высокими чувствами, совершая жестокие деяния:

*Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой
Пересчитай людей моей земли –
И сколько мертвых встанет в переключке.
Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,*

*Но этим черным сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы .
(1921)*

Следует полагать, что эти деяния освящены великой целью.

Для тихоновских баллад вообще характерно контрапунктное соотношение между трагическим сюжетом и светлым финалом. Страдания, кровь, убийства, разрушения окупаются, окупятся, или должны окупиться. Жертвы были неизбежной и, как полагает автор, необходимой платой за будущее детей мира:

*Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью всё откуплено сполна.»*

Железный строй мыслей, кованный ритм стиха – все это «закрывает» для психологического проникновения внутренний мир героев поэзии Тихонова. Их «внутренний мир – не мир переживаний и чувств, а заложенное в нем видение мира внешнего. Тихонов «экстраверт», для которого мир вещей важнее мира чувств.», – писал один из современников (цит. по [Святополк-Мирский 2002: 141]). На самом же деле, скупость выражения у Тихонова есть особая форма проявления пафоса: человек разрушает, он жесток, он безжалостен, он глух к стонам, он убивает, однако чего это ему стоит, остается догадываться. Но раз перед ним враг революции, раз без пренебрежения «простыми нормами нравственности» не достичь победы, герой Тихонова не знает колебаний, его рука не дрогнет. Подобный аскетизм вызывал уважение и даже поклонение. У него, кстати, весьма авторитетная генеалогия: таких героев русская культура возвеличивала, начиная с протопопы Аввакума, а народовольцы и эсеры возвели такой тип личности в культовую героическую фигуру.

Героический «подтекст» пафоса проступает у Тихонова в жанровой форме его баллад, точнее – в их интонационном строе. С. Страшнов показал, что стихотворение «Перекон», «становится своеобразным перекрестком одических и балладных путей» [Страшнов 1991: 31-32] и что вообще в стихах Тихонова происходит сплав балладного и одического принципов. Это утверждение представляется справедливым. И оно приоткрывает секрет особого эстетического пафоса тихоновских баллад. Балладный конфликт с роком, который у Тихонова всегда разрешается только через жестокость, получает одическую «подсветку» – окрашивается в героические тона. Причем, одичность у Тихонова не выражается в риторическом величании, как традиционно принято в жанре оды, она скрыта, лежит в подтексте. Герои тихоновских баллад и родственник им по духу лирический субъект (либо сказитель) скупы на слова и стыдятся «сантиментов». Это сам читатель, который эмоционально пережил балладный сюжет, должен одически возвеличить героев, которые шли на аскетический подвиг самопожертвования, были верны воинскому долгу, сжимали чувства в кулак, порой отрекаясь от самых дорогих святынь, выдержали все испытания, не издав ни крика, ни стона.

Явление тихоновского героя приветствовал А. Воронский [Воронский 1929: 104-105]: «В расхлябанной, «толстозадой» обломовской Руси появилась новая порода людей простых и крепких, как гвозди. К жизни их вызвала революция и «железная когорта» людей-«коммуников». Для старой Обломовки они – осиновый кол, для новой Руси – верные защитники.» Поэтому критик считал вполне оправданным, что такой герой «должен пережить своеобразное опрощение, вытравить из души все ненужное, потерять свою сложность, сжаться, сбиться во что-то простое и калёное, сделаться отважным и научиться презрению к смерти. Утонченность и усложненность, интеллигентская «многогранность» и рефлексия, психологическая, эстетическая и религиозная эквилибристика – это не для этой жизни, не для этой эпохи крушений, войн, революций. Тут нужна простота жестоковыйности...» [Воронский 1929: 99]

Однако и упреки в немотивированной жестокости и даже антигуманизме тихоновских героев тоже не были лишены оснований.² То, что Воронский одобрительно назвал «простотой жестоковыйности», как там ни говорить, есть проявление нравственной ущербности – притупления чувств и оскудения нравственного начала. С одной стороны, эта ущербность есть трагическая плата за победы – плата тратой собственной души.

*Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами все поймут,
Спросят нас, но губы не ответят,
И глаза улыбки не найдут.*

«Сердце забили кистенем и обухом. / Значит, без сердца будем жить», – провозглашает герой Тихонова. Но можно ли «без сердца» оставаться личностью, сохранить человечность? Не случайно в стихах Тихонова краснота жеста часто оказывается важнее этики. В стихотворении «Давид» (1919), художник объясняет, почему на своей картине «Смерть Марата» он оставил руку убийцы: «Шарлота – неразумное дитя / И след ее с картины мною изгнан, / Но так хорош блеск кости до локтя, / Темновышневым густотой обрызган.» (Когда кровью любуются как краской, то возникают большие сомнения в психической полноценности создателя живописного полотна.) Подобная эстетизация ужасного характерна для видения самого лирического героя Тихонова. Например, «След разбитых кровью жил, / Точно когти звезд пятиконечных»; «Но как рассказать, что всего дороже / Живая, впитавшая кровь трава».

Выразительность тихоновских образов типологически сродни поэтике немецкого экспрессионизма, пропитанного жуткими впечатлениями Первой мировой войны. У Тихонова даже подробности пейзажа видятся сквозь призму бойни, военных действий, насилия: «Лоскутья умирающей крапивы / На колесе, сползающем назад.» [...] И скоро облачной не хватит марли / На перевязки раненому дню. («Пушка», 1920); «Франции прогоркляя трава – / И в аркан свиваются пути.» («Всадники»). А вот какие ассоциации вызывает

разрушенный мост: *«Над верблюжьим и лошадым храпом / Мост тянул в прозрачной высоте / Черные обугленные лапы, / Перерубленные у локтей».* («Мост», 1922)

Зато орудия убийства в поэтическом мире Тихонова даются в ассоциативной ауре традиционных символов красоты: *«Затрещали скворцами наганы»* («Махно»); *«У меня была шашка, красавица станом.»* А стихотворение Тихонова «Динамит» (1922) – это торжественный гимн разрушительному смертельному оружию. Взрыв динамита ассоциируется с распусканием первоцвета, из которого рождается *«огненный, цветами полный сад».* А в саду этом *«люди убивали в умилены, / Плакали от радости в бреду...»* И человек, *«тихий мастер, строгий и прямой»*, благодарит Бога за то, *«что садовником такого сада / Среди тысяч ты избрал меня.»*

Если в стихах, навеянных впечатлениями мировой войны, герой Тихонова бравировал эдаким бретёрским презрением к смерти, то позже он стал бравировать жестокостью. Он порой испытывает нечто вроде любования насилием, разрушением. Так, срубленное дерево он ассоциирует с трупом, и в жутковатом соседстве и сходстве с ним воспринимает девушку:

*Сегодня я огнем его омою,
Чтоб руки греть над трупом и смеяться
С высокой девушкой, что – больно думать –
Зеленой тоже свежестью полна.
(«Хотел я ветер ранить колуном», 1919)*

А вот чем он намерен покрасоваться перед любимой:

*Он расскажет своей невесте
О забавной живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.*

В сущности, Тихонов, может быть, и без сознательной творческой установки, воспроизвел психологию личности, для которой война стала привычным бытом, а убийство повседневной работой. *«Быть у войны в плену»* – так сам поэт назвал это состояние души («Воспоминание о войне 1915-17», 1924). Без войны, без *«упоения в бою»*, такой человек чувствует себя плохо, дискомфортно, для него жизнь без экстремальных ситуаций пресна и уныла.³

Однако, со временем поэт начал испытывать потребность в более многомерном постижении человеческой души. Такая тенденция стала набирать силу в литературе с середины 20-х годов. А поэтический мир тихоновской баллады (которую критик Д.П. Святополк-Мирский удачно назвал *«конденсированной»⁴*), с его бешеным сюжетным темпом («баллада, скорость голая»), с лаконизмом описаний, со скупостью психологического рисунка, стал стеснять художественное сознание поэта. Впоследствии Тихонов сам дал отчетливое объяснение своего расставания с излюбленным жанром: *«Баллады были для меня очень интересным видом работы, заняли долгий период времени с 1914 по 1922 год, и кончились, исчерпав временно балладные возможности. [...]*

Баллады показали, что сжатая речь в рассказе выигрышна, что усиление поэтического образа до образа преувеличенного (гиперболического) идет за счет потери точности изображаемого [...] Сюжетный стих у меня победил лирику и риторiku и остановился, исчерпав возможности.»

Тихонов стал искать другого героя и другие сюжеты. «*Не все барабан и барабаний оскал...*», – это строка из поэмы, которая так и называется – «*Поиски героя*». Так же назвал поэт свою новую книгу лирики (1927), так же озаглавлено одно из центральных стихотворений книги. Но герой этого стихотворения оказался не новым – это был все тот же участник гражданской войны, но только теперь, в мирное время, он надел фартук сапожника. Однако, гордится он не своим сегодняшним днем, а фронтовым прошлым: «*Он встал – перемазанный ваксой Марат, / И гордо рубцы показал мне*».

Поэт расширил границы своих поисков. Поначалу его привлек ближний, но иной и поэтому необычный мир – он пишет стихи «*В Карелии*», «*Ладога*», «*Финский праздник*». А далее в лирике Тихонова стали появляться «индийский сон», горные пейзажи Кавказа, пустыня Кара-Кум, Бухара, «гробница Тимура в нефритной красе», «как яблоко из золота, красуется Армения» и т.п. География путешествий Тихонова в 20-е годы поразительно широка. Он ищет экзотическое, то, что способно поразить дикой мощью, пестротой цвета, исключительностью. Так поэт пытался восполнить свой романтический мир, лишившийся войн и Перекопов. Но замена была неадекватной. Далее начался спуск с прежних поэтических вершин, ничего равного своим балладам 20-х годов, Тихонов за всю свою последующую долгую жизнь уже не создал.

Примечания:

¹ Скорее всего, речь идет о гибели британской эскадры под командованием контр-адмирала Кристофера Крейдера (этот исторический эпизод, в частности, нашел отражение и в пьесе Евгения Гришковца «*Дредноуты*»).

² Автор одного из первых монографических исследований творчества Тихонова даже утверждал, что «...от большинства попутчиков Тихонова отличается своеобразный антигуманистический характер его творчества...» [Коварский 1935: 43]

³ В поэтизации подобного, «милитаризованного» сознания, Тихонов был не одинок. А. Воронский, например, журил одного из молодых поэтов, А. Ясного за строки: «*Тоскуют пальцы по курку [...] Черт подери, а с кем бы подраться?*» [Воронский 1929: 135]. В био-библиографическом словаре «*Писатели современной эпохи*» [Козьмин 1928: 278] сообщается, что поэт Александр Ясный (род. в 1903 г) «*в годы гражданской войны работал на продрозверстке, был у Махно, дрался против бандитов*».

⁴ Тип «конденсированной баллады» разработанный Тихоновым, вошел в арсенал русской поэзии, дал начало плодотворной жанровой традиции. [Святополк-Мирский 2002: 140]

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВОРОНСКИЙ, А. (1929): Н. Тихонов. In: Воронский, А.: *Литературные портреты. В 2-х т. Т. II. М.*
 КОВАРСКИЙ, Н. (1935): *Николай Тихонов. – Критический очерк.* – Л.: ГИХЛ.
 Б.П. Козьмина (ред.): *Писатели современной эпохи. Т.1. М.*
 СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ, Д.П. (2002): *Поэты и Россия. (Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи).* СПб.: «Алетейя».
 СТРАШНОВ, С.Л. (1991): *Баллада в истории русской советской поэзии.* М.: Современник.

ЗДЕНЕК ПЕХАЛ

Чехия, Оломоуц

ПРИЕМ ПАРАФРАЗА В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

АБСТРАКТ:

The current text is aimed at studying the capability of the *prijom* / device of paraphrase to invoke an illusion of dual world. In *Otchajanie* (Despair) by Nabokov, it is not only the very fact of narration in which no clear boundaries between the narrator's fabrication and "real events" can be specified, that is of importance. In the author's opinion, particular importance is attached mainly to the aesthetic conception of infirming paraphrase which is based on the deliberate absence of the narrator's stable corrective perspective which makes any unambiguous orientation among the characters in the novel impossible. Through the deliberately produced illusion of diffusion of fabrication and "reality", a new aesthetic and semantic space is being opened up.

KEY WORDS:

Nabokov – novel *Otchajanie* (Despair) – paraphrase – narrator – *skaz* – interpretation – aesthetic sign – searching for the meaning of literary work.

АБСТРАКТ:

Статья обращает внимание на способность приема парафраза вызвать иллюзию двоемирия. В романе Набокова «*Отчаяние*» важен не только сам факт пересказа, в котором нельзя надежно установить границы между вымыслом рассказчика и «событиями действительными», а именно эстетическая концепция парафразы (эстетика, ставящая под сомнение), которая посредством нарочито созданного отсутствия опорной точки – корректива, создает эстетическую обстановку, в которой нельзя верно разобраться на уровне героев в пространстве романа. На основе нарочито созданного представления просвечивания выдумки и «действительности» открывается новое эстетическое пространство и пространство значений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Набоков – роман «*Отчаяние*» – парафраз – рассказчик – *skaz* – интерпретация – эстетический знак – поиски смысла литературного произведения.

Текст романа «*Отчаяние*» является якобы рассказом реальной истории. Этот рассказ призван создать впечатление о только что произошедшем событии. Предлагается, что некий Герман Карлович, берлинский предприниматель – торговец шоколадом, убивает своего двойника – Феликса. Герман Карлович, встретив Феликса впервые в Праге и, увидев взаимное тождество,

решил застраховать свою жизнь, убить двойника с целью инсценировать собственную смерть. Потом на деньги страховки и с помощью своей жены жить спокойно под чужой фамилией где-то в чужой стране. Сценарий убийства рассчитан именно на невозможности ошибки. Но промах был и, более того, по утверждению рассказчика, очень заметный. Герман Карлович в автомобиле рядом с убитым забыл его палку, которая помогла полиции установить личность Феликса. Сюжет закончен, убийство раскрыто. Остается только один существенный вопрос: почему Герман считает самой главной ошибкой забытую палку, а не то, что между ним и Феликсом на самом деле не было установлено ни малейшего сходства. Ведь именно на сходстве двойников была основана интрига с подменой личностей убийцы и убитого, Германа и Феликса, ведь обман со страховкой был основан именно на том, что лицо Германа – копия лица Феликса. Очевидно, не соответствуют друг другу внушаемая иллюзия гениальности личности Германа Карловича, с одной стороны и, пошлый, много раз обыгранный и мало оригинальный обман со страховкой.

Перед читателем – лицо рассказчика, который утверждает, что все, что написано в тексте, вытекает из действительных событий, что реальные происшествия были настолько впечатляющими, настолько сильными, что заставили его написать рассказ о происшедшем и что он был вынужден под давлением реальных кризисных событий написать последующий текст. Но вместе с тем Герман Карлович утверждает, что с самого детства обладает исключительно развитым воображением. Другими словами: что все, что было написано, могло быть и не так, или вообще могло и не быть. Но рассказчик стремится заставить читателя принять логику Германа Карловича, перспективу его видения.

Далее рассказчик утверждает, что после всех событий он должен был пересказать все свои поступки, осмыслить их, дать их интерпретацию, чтобы противопоставить собственный взгляд на случившееся – трактовке, данной окружающими – полицейскими, близкими людьми из семьи.

Перед читателем как бы две области:

- область действительности, реальных событий,
- область интерпретации действительности рассказчиком.

Все, что читатель знает о случившемся, вытекает только из слов рассказчика, и у читателя нет объективного корректива, который помог бы установить ему границы между подлинной действительностью и вымыслом. Между тем, что случилось на самом деле, и тем, что выдумано, придумано рассказчиком.

С одной стороны, утверждается, что все в рассказе правда: все, о чем говорится в тексте романа, произошло в действительности. Или точнее, творится иллюзия, что рассказ вытекает из действительности.

Но, с другой стороны, в тексте есть намеки, которые вызывают сомнения о прямолинейном отношении действительности и рассказа. Надо подчеркнуть, что рассказчик нарочито вызывает эти сомнения. Он заранее знает, что читатель заметит разного рода несоответствия. Например, Герман Карлович, будучи школьником, пересказал всем известный сюжет пушкинского «*Выстрела*», на-

рочито изменив поступки героев. Он заранее знал, что отклонение от пушкинского сюжета будет сразу обнаружено, но по каким-то причинам ребенком он это сделал. Словно Герман Карлович-ребенок стремился создать иллюзию, что именно все так и случилось, не заботясь о том, что все сразу обнаружат выдумку.

Главное, на что мы хотели бы обратить внимание, заключается именно в том, что с самого начала романа параллельно с сюжетом «Отчаяния», его возможной и предлагаемой психологической мотивацией, параллельно с вопросами о правдоподобию случившегося, возникает какой-то «другой голос», который переносит центр внимания с видимых сюжетных перипетий на что-то другое. Этим «другим голосом» открывается новое эстетическое пространство, семантика которого нас прежде всего будет интересовать.

Возможно, что рассказ не имеет никакого отношения к реальным действиям и все является лишь плодом воображения главного героя, который все по каким-то причинам придумал. Обратим внимание на возможную мотивировку несоответствий между декларируемыми утверждениями рассказчика и теми намеками в тексте, которые делают утверждаемые положения сомнительными. Здесь существует несколько вариантов:

По какой-то причине Герман Карлович намеренно хочет внушить читателю образ иллюзорной действительности, создать воображаемый мир, в котором все полностью зависит от него как творца – создателя. Поэтому все сделано с намерением создать иллюзию правдоподобия, параллель к действительности. То есть, хотя этого в действительности и не было и объект рассказа существует только в воображении героя, все намерено вызвать иллюзию, что это могло бы быть. Все – дело чистого воображения, но возникшая субъективная реальность основана на правдоподобию. Например, «... я почему-то подумал, что Феликс прийти не может по той простой причине, что я сам выдумал его, что создан он моей фантазией, жадной до отражений, повторений, масок, – и что мое присутствие здесь, в этом захолустном городке, нелепо и даже чудовищно». [Набоков 1997: 438]

Причиной такой иллюзорности может быть намеренная ложь, вытекающая из характера главного лица или игра гипертрофированного воображения, нечто подсознательно навязчивое. Хотя рассказанного в действительности и не было, он бы очень хотел, чтобы это было. Он не способен осуществить свои мечты в действительности, но намеренно осуществил их в воображении и других пытается заставить принять их за действительность.

Или существует возможность, что все ему только кажется, что это произошло в действительности, но на самом деле и сам Герман Карлович не может установить границы между действительностью и воображением.

Дело в том, что все приведенные варианты постоянно присутствуют одновременно или могут быть элементом метафоры эстетической знаковой ситуации. Границы между нарочито созданной, сознательно и с определенной мотивировкой выработанной субъективной действительностью и подсознательными процессами большого сознания очень подвижны, и их невозможно четко друг

от друга отделить. Например: «...женщины же вообще не было, – но пока я смотрел, опять стало все соединяться, строиться, составлять определенное воспоминание ...» [Там же: 436]; «Однажды, еще в России, я дал Лиде прочесть одну вещицу в рукописи, сказав, что сочинил знакомый, – Лида нашла, что скучно, не дочитала, – моего почерка она до сих пор не знает, – у меня ровным счетом двадцать пять почерков ...» [Там же: 444].

Истоки приведенного несоответствия и возможных вариантов заключаются в личности центральной фигуры романа и рассказчице – Германе Карловиче. С самого начала романа в центре внимания – его собственное «я», его крайне сильное подчеркивание собственной значимости, повышенной самооценки, своих способностей, ума и интеллекта. С другой стороны, Герман Карлович явно презирует остальных людей и весь окружающий мир. Все происходящее увидено его собственными глазами и перспективой его сознания. Конечно, из его слов и манеры повествования мы могли бы сделать психологические выводы, которые были бы близки к характеристике Германа Карловича как человека самовлюбленного, тщеславного, и за его словами гипертрофической самооценки мы могли бы усмотреть поведение нарцисса, который вглядывается в идеализированный образ собственного «я». В словах Германа Карловича видны ростки расщепленного собственного образа и вытекающего из этого расщепления сознания и шизофренической психики. Но, в отличие от психологических заключений Бойда¹ [Boyd 1990: 382-389] или Давыдова [Давыдов 2004: 45-49], нас интересует, в первую очередь, не психологическая характеристика Германа Карловича. Все, что рассказано Германом Карловичем, могло быть «на самом деле» совсем иначе. Его слова могут не быть восприняты как правда, и мы не должны верить, что все, что произошло в рассказе, произошло «на самом деле». Таким образом, и психологическая характеристика собственного «я» могла быть нарочито создана с какой-то целью, а герой по каким-то причинам хочет создать у читателя мнимый образ самого себя, пользуясь при этом общеизвестными психологическими схемами, и, как следствие этого, считывая на заранее ожидаемые выводы читателя.

Нас будет интересовать структурная функция этого «я» в романе и прежде всего семантическое пространство, которое открывает нам множественность повествовательных масок. А именно: что вытекает из самого факта этого своеобразного пересказа действительности Германа Карловича?

Но дело не в том, что нельзя установить границы между вымыслом рассказчика и «событиями действительными», а в факте, что все сделано так, чтобы этого корректива явно не было. На основе нарочито созданного представления отсутствия корректива между выдумкой и действительностью открывается новое эстетическое пространство.

Мимика рассказчика отображает не только маски сказа, которые стремятся навязать предполагаемому читателю разные виды действительности и перспективы действительности, но наряду с этим рассказчик предлагает и разные жанровые подходы, разные формальные приемы и их возможные варианты. Рассказчик указывает традиционные приемы и стремится доказать, что к его

непосредственно пересказанной правде не подходит ни один из них. Он приводит разные примеры традиционных жанровых приемов, дает их характеристику или интерпретацию, стремится отличить свой спонтанный, искренний рассказ от искусственно вымышленных и широко употребляемых литературных приемов. Он не только варьирует жанровые приемы и контрастно на их фоне подчеркивает свой гений, но и делает вид, что кризисный момент настолько силен, что он ему должен подчиниться. Рассказчик стремится внушить читателю представление, что событийная сторона действительности сама по себе диктует ему текст. Хотя он считает непосредственную дневниковую запись самой примитивной, он все-таки употребляет эту литературную форму, стремясь доказать, что он является только пассивным участником «письма» подсознания.

Можно сделать два частных вывода:

Игра пересказа с действительностью, возможной действительностью, отражением действительности, воображением и возможным воображением приобретает тон иронии и отвлекает внимание от сюжетной привлекательности, напряжения, перенося его на эстетическое пространство, которое отличается от ожидаемых эстетических схем психологического романа;

Хотя психологический портрет Германа Карловича как рассказчика романа постоянно выступает на первый план романа, хотя постоянно предлагается возможная и ожидаемая психологическая схема, есть основания предположить, что ориентация на психологию поставлена под сомнение. Нас будет прежде всего интересовать не психологический портрет Германа Карловича, лицо которого рассказчик стремится внушить читателю, а эстетическое пространство, которое открывается с видами мимики и метаморфозами маски рассказчика и его иронического тона. Это прежде всего выражение позиции человека «на грани»: мы попробуем сосредоточить наше внимание на значении игры с мимикой и разного рода обращения к мыслимому читателю. И здесь опять дело не в возможной психологической мотивировке, а прежде всего в смысле знаковой эстетической ситуации.

С точки зрения психологического портрета Германа Карловича мы стремимся доказать, что делать какие-либо выводы на основе слов Германа Карловича, его предлагаемой психологии очень сомнительно. Форма романа «Отчаяние» расщеплена между сюжетом, образами, которые читателю стремится внушить рассказчик и «второй голос» романа, иронический тон парафраза, диалог которого ведется через сказ, личный тон высказывания. Сказ повествователя остранин особым ироническим пересказом действительности и своеобразной сказовой маской, вид, мимика и психология которой составляет существенный структурный противовес к видной сюжетной линии и психологическому плану, который постоянно подчеркивается Германом Карловичем.

То, что можно назвать «вторым голосом», ироническим парафразом, имеет своеобразную функцию в романе Владимира Набокова:

- поставить под сомнение традиционное восприятие романа, как развитие сюжетного действия и его напряжения;

- поставить под сомнение интерпретацию романа на основе объяснения разного рода поступков героев и их психологических мотивировок.

Можно выделить три ключевых момента, на основе которых был образован структурный противовес в романе Владимира Набокова «*Отчаяние*» и посредством которых «второй голос» переносит внимание на совсем другой план произведения: сказ, маска и парафраз.

Герман Карлович как рассказчик, как действующее лицо образует иллюзию, что в самый кризисный момент развития действия он должен пересказать все события, чтобы дать собственную их интерпретацию. С одной стороны, создается представление, что все написанное – подлинная правда. С другой стороны, все ставится под сомнение. Создается психологический портрет, который как бы заранее предвосхищает ожидаемые схемы и из них вытекающие предполагаемые выводы. На поверхности явно лежит «ложный путь». Самое главное скрыто. Сказ образован так, чтобы помимо очевидного, на первый план выдвинутого – психологической мотивировки, жажды денег, возможного сумасшествия, паранойи или позиции нарцисса – просвечивает что-то совсем другое – выраженное в тексте словами «*договориться до главного*». Но сказ, помимо очевидного первого плана звучащих слов, наглядных образов, прямолинейно высказанных мыслей обладает визуальной мимикой, движением лица и таким образом создает перечень разных видов лица Германа Карловича, его оттенков, моментальных визуальных позиций и перспектив. Сказ – мимический диапазон разных позиций повествования. Создается представление, что, с одной стороны, высказанное отождествляется с внутренним ядром личности, но в то же время, с другой стороны, создается представление, что никакого ядра нет. Личность героя можно уподобить луку – как в Пер Гюнте – существует только шелуха, за которой нет никакого ядра. Но прежде всего создается представление постоянного сомнения, непостоянства, двуличности, двойного лица, постоянной метаморфозы лица и его отображения, тон говорящего лица, за которым просвечивает совсем другой образ. Сказ образован так, чтобы было создано представление просвечивания какого-то другого – может быть, подсознательного плана, может быть, умом созданного пространства. Другими словами, сказ открывает пространство для эстетической полисемии.

На основе личного тона сказа, который пронизывает всю структуру романа, основана иллюзия маски – поверхности, которая вызывает представление, что за ней что-то есть. Маска создает в романе иллюзию просвечивающих возможных подлинных лиц. Маска – это полисемия разных возможностей, постоянно движущихся и взаимно просвечивающих лиц. В области слова это просвечивание дается посредством парафраза, пересказа, который обладает специфическим ироническим оттенком. Оттенок иронии в парафразе позволяет видеть предмет в виде двух или нескольких взаимопросвечивающих перспектив. Парафраз создает представление, что с перспективы иронии постоянно ведется пересказ чего-то: жанровой структуры, действительности и правды о действительности, истории или рассказа правды о событиях, рассказа от собственного «я», рассказа собственного лица, рассказа лица собеседника, своеобразного

рассказа мира и экзистенции человека. С одной стороны, чувствуется перспектива иронического парафраза «над» текстом романа, чувствуется иронический парафраз сверх личности нарцисса как составной части тона сказа, который ставит под сомнение стабильность мира, но, с другой стороны, сквозь иронический парафраз просвечивает игра неизвестного, которую нельзя преодолеть, перед которой видится только беспредельное одиночество человека в космосе. Мир видится как система ограничений, за границы которых человек не может выйти. Сквозь приемы сказа, маски, иронического парафраза в произведение проникает область стихийного. Неконтролируемая перспектива стихийного вводит в рассказ об убийстве «второй голос», создающий пространство для перспективы стихийной бесконтрольности. Благодаря этому решающему структурному шагу открывается простор для знаковых импульсов, направленных на нерасчлененные полисемантические целые, в которых сталкиваются рациональное/иррациональное, логичное/нелогичное, разумное/неразумное в рамках одного нерасчлененного целого. «Второй голос» иронии позволяет создание метафорической иллюзии, объединяющей первоначально расчлененную реальность в представлении комплексного целого, в котором перспектива иррационального воспринимается как равноценная составная логического взгляда на действительность.

Владимир Набоков пишет роман «Отчаяние» в течение начала 1932 года. Ни в одном из его романов нельзя установить точное место или точку зрения автора. Владимир Набоков всегда скрыт и прямолинейно отождествлять его с каким-то взглядом или перспективой я считаю непониманием сущности его романа. Владимир Набоков стоит перед действительностью и старается создать не готовый результат понимания мира в духе пусть даже самого умного реалистического, психологического анализа, а старается показать сложность просвечивающих значений и образов. И этого нельзя осуществить с помощью рационального логического рассуждения, охват которого все-таки ограничен, а с помощью метафоры. Сложное отношение субъекта и объекта на протяжении всей человеческой истории нашло свое выражение в метафоре постоянно движущегося человеческого лица, в символе постоянно теряющегося и постоянно уходящего человеческого облика. Момент набоковского сказа, маски, иронического парафраза и их приемов ставит личность человека на грань постоянно движущихся семантических контекстов. Всякий момент, всякая деталь постоянно видится в двойной перспективе: в перспективе согласования и в то же время в иронической перспективе насмешливого парафраза. Посредством приемов сказа, маски, парафраза в романе «Отчаяние» открывается огромное семантическое пространство эстетической полисемии. Результатом созданной Набоковым эстетической знаковой ситуации является ситуация человека «на грани». Перед читателем разворачивается ситуация рубежа человека и действительности: человек и его отражение, человек и рациональное, логическое сознание, человек и стихия сознания, человек и подсознание, человек и подсознательный двойник, человек и бог-творец, действительность и ее интерпретация, человек и действительность, человек и воображаемая действительность,

человек и возможная действительность, человек и пересказанная действительность, творец-художник и словесный рассказ о действительности и традиционные возможности жанровой словесной интерпретации действительности. Ведется постоянный иронический пересказ действительности, жанровой системы, самого себя, собственного лица, маски. В рассказе амбивалентно просвечивает буквальная семантика, в том числе и тон притворяющейся иронии и насмешки. Прием сказа и мимики рассказчика, лица и маски, действительности и ее иронического пересказа позволяет создать ситуацию полисемии, в которой за предлагаемым образом что-то постоянно просвечивает и образуется новое эстетическое пространство. За маской, парафразом чувствуется стихия постоянно проходящей метаморфозы разных семантических полюсов. Метаморфозы создают иллюзию «видения», поливариантности и непредсказуемости среди мира невидения, стабильных норм, стереотипов, постоянных схем и заранее установленных и предписанных человеку правил. Именно посредством приведенных приемов открывается пространство для стихии, алогичности, иронии, сумасшествия и непредсказуемости как равноценный противовес искусственно логически упорядоченному миру – и все это как метафора сопротивления человека предписанным ему границам. В набоковской метафоре ставится под сомнение традиционно принятый образ человека и, главным образом, то, что можно присоединить к какому-то типу, структуре, модели. Набоковский символ вращается около постоянно возобновляющихся вопросов: Кто я такой? Каково мое лицо? Где я и где начинается мое отражение? Кто ты такой? Каково твое лицо? Кто ты? Кто я? Что это вообще происходит: со мной, с тобой или вообще. Посредством набоковской метафоры человек вглядывается в свое отображение и находит путь к подлинному содержанию мира.

И еще к названию романа «*Отчаяние*». Дело в том, что Герман Карлович играет с миром и становится в один ряд с Богом. Но вдруг и Герман Карлович – великий, гениальный манипулятор, осознает, что кто-то или что-то играет с ним. И именно из этого вдруг осознанного подчиненного положения человека вытекает ничем не ограниченное отчаяние.

Брайан Бойд относится к роману «*Отчаяние*» с недоверием и видит недостатки романа в «*слабой основе*» романа, его малой убедительности [Бойд 2001: 454-455]. Но мне кажется, что достоинство этого романа надо искать в другом направлении, чем это видит Брайан Бойд. Набоков здесь развивает высшие достижения эстетики русской прозы в смысле пушкинских «*Повестей Белкина*» или «*Петербургских повестей*» Гоголя.

Примечания:

¹ Бойд выдвигает социально-психологические атрибуты – но дело в том, что портрет сделан для того, чтобы нарочито ориентировать мыслимого читателя предполагаемой, заранее установленной реакции.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BOYD, B. (1990): *Vladimir Nabokov. The Russian Years. Distant Prospects. Berlin, 1932-1934.* Vintage.
 БОЙД, Б. (2001): *Владимир Набоков. Русские годы.* М. – СПб.: Издательство Независимая газета – Симпозиум.
 ДАВЫДОВ, С. (2004): «*Тексты-матрешки*» *Владимира Набокова.* СПб.
 НАБОКОВ, В. (1997): *Собрание сочинений русского периода в пяти томах.* Т. 3. СПб.

JINDŘIŠKA PILÁTOVÁ

Česká republika, Olomouc

MOŽNOSTI PŘEKLADU OBECNÉ ČEŠTINY DO RUŠTINY A ANGLIČTINY (NA MATERIÁLU DĚL BOHUMILA HRABALA)

ABSTRACT:

The present text deals with the peculiarities of Common Czech in Bohumil Hrabal's works and various possibilities of its translation into Russian and English. Paying attention to the functional and pragmatic level of correspondence, the author traces cases of equivalence in terms of language system, semantic shifts (added expressivity, intensity in Russian, English) or discourse structure (extra fatic function, dialogue structure or emotionality of discourse in Russian, English).

KEY WORDS:

Common Czech – Bohumil Hrabal – Russian – English – translation – pragmatic equivalence – compensation – semantic shift – fatic function.

АБСТРАКТ:

Настоящая статья посвящена оценке интердиалекта обиходно-разговорного чешского языка в произведениях Богумила Грабала и разнообразным возможностям его перевода и реконструкции в русском и английском языках. Придерживаясь концепции функциональной и прагматической эквивалентности перевода, автор исследует примеры соответствия обиходно-разговорного чешского языка на уровне языковой системы, семантических сдвигов (добавленная экспрессивность, интенсификация в русском, английском) или в области организации дискурса (в русском и английском добавленная фатическая функция, структура личного диалога или эмоциональность общения).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Обиходно-разговорный чешский язык – Богумил Грабал – перевод – русский, английский языки – прагматическая эквивалентность – компенсация – семантический сдвиг – фатическая функция.

Při překladu chápaném jako kulturní transfer se stále více zdůrazňuje nutnost integrovat všechny sémantické složky a vrstvy výchozího textu (denotace, konotace, pragmatika – [Knittlová 2003], sr. [Бархударов 1975] – referenční, pragmatický, vnitřní lingvistický význam). Ucelený text totiž nevytváří pouze věcná stránka jazyka, ale její souhra s jazykově specifickou konotací, doprovodnými stylistickými významy a pragmatickým vyzněním. K výrazným jazykovým specifikám češtiny v porovnání s jinými, i blízkými příbuznými jazyky patří útvar obecná čeština (dále OC). Tato stať si

pak klade za cíl sledovat možnosti převodu a rekonstrukce OČ v ruských a anglických překladech děl Bohumila Hrabala.

OČ je výsledkem specifického vývoje české jazykové situace, řešení vztahu hovorovost – spisovnost a ve srovnání češtiny, ruštiny a angličtiny se přirozeně mezi jazyky vyskytuje výrazná asymetrie. V češtině se spontánní hovorová řeč nestala součástí spisovné normy [Bělič 1985; Сралл 1960] a nehledě na stále sílící nivelizaci teritoriálních a sociálních dialektů si OČ stále zachovává jisté stylistické zabarvení (sr. [ESČ 2002: 81] – „*spontánní mluvený jazyk soukromé a poloveřejné komunikace [...], dostává se do postavení substandardu, nižšího standardu češtiny [...], živá řeč postav v dialogu uměleckého díla*“). V ruštině byla při formování moderního spisovného jazyka běžně mluvená řeč chápána jako základ normy, dodnes je tedy normativní a bezpříznaková. Tato asymetrie se pak projevuje v různém stylistickém a pragmatickém hodnocení hovorových prvků, v jejich výrazné transformaci při překladu. Při převodu do češtiny je například nutné sáhnout po neutralizaci ruské hovorovosti tak, aby nedošlo k stylistické interferenci, k porušení stylistického úzu či řádu cílového jazyka (sr. [Мечковская 2000: 41] – «*Разговорные средства русского языка в газетно-публицистическом стиле требуют при переводе на чешский стилистически более нейтрального соответствия, чтобы не нарушить степень стилистического контраста, допустимого в чешской литературной речи*»). V tomto příspěvku se snažíme nalézt a označit možnosti převodu dané pragmaticky i stylisticky příznakové formy češtiny v textech Bohumila Hrabala. Plně si přitom uvědomujeme, že využití OČ v uměleckém textu má specifické formální i funkční rysy – využívá se spíše stylizovaná podoba OČ, která může plnit i čistě poetickou či charakterizační funkci. Texty tohoto autora však na nás působí jako zajímavý jazykový materiál – řečová „tkáň“, ve které hraje OČ důležitou roli.

OČ vstupuje do díla Bohumila Hrabala jako jeden z mnoha prostředků vyjádření „*řečového proudu*“ [Lopatka 1991], „*verbálního jarmarku*“ [Frynta 1966], „*mnohohlasu života*“ [Jankovič 1996]. Právě postižení přirozeného plynoucího hovorů v jeho autentičnosti, nesourodosti obsahu i jazyka je považováno u Hrabala od 50. a 60. let 20. století za novum ve slovesném umění [Jankovič 1996; Frynta 1966; Lopatka 1991]. Princip mluveného projevu řídí v Hrabalově díle nejen kompozici textu, ale i jeho obsahovou výstavbu a jazykové ztvárnění – sr. „*Hrabalova próza přímo exhibičně demonstruje, že se slovesné umělecké dílo nevytváří z myšlenek, nýbrž ze slov. Jaké je to jazykové kejklřství, jaký verbální jarmark, jak přesná a odvážná akrobacie!*“ [Frynta 1966: 325]. „*Síla valící se řečí*“ [Jankovič 1996: 28] v Hrabalově díle předpokládá stylisticky rozmanité prostředky hovorového jazyka – nejen silně expresivní pojmenování, slangismy a žargonismy, „*životem překypující projev*“ (o.c.), ale i „*absurdní konfrontace v nečekaných setkáních, automatické asociativní řetězce představ proudu řeči, černý humor, destrukci konvenčních mýtů a nedbání konvenčních oblastí tabu*“ [Frynta 1966: 328]. Badatelé z oboru literární vědy [Frynta 1966; Jankovič 1996; Lopatka 1991] jednomyslně zařazují Hrabalův poetický postup k příbuzným literárním manifestacím orálního projevu v české literatuře (John, Hašek, Kubín). V případě Haškovy a Hrabalovy tvorby se zdůrazňuje oběma blízký

asociativní ráz vyprávění a obliba městského folkloru, především žánru hospodské history, který se přirozeně adaptuje i do řeči vypravěče [Frynta 1966].

V námi studovaných textech Bohumila Hrabala lze doložit funkční, účelové využití OČ ve specifických částech textu. OČ je tak například exponována v bezprostřední přímé řeči postav, dále ve formě vnitřního monologu a v rámci řeči jedné postavy OČ dle našeho názoru signalizuje každodenní, běžný pohled na věc, přičemž abstraktní uchopení myšlenky je formulováno češtinou spisovnou, sr. příklady obsahového kontrastu při použití spisovné a nespisovné češtiny (tučně se v češtině označují prvky OČ, v ruštině a angličtině jejich funkční ekvivalenty):

- *a proto jsem každý den zbědován a k smrti znaven a rozdrásán a šokován, a abych umenšil to ohromný vydávání se, **piju** džbán piva za džbánem* [Hrabal 1]
- *ale někdy, kdy mě posedne touha po řeckém ideálu krásna, **umeju** si jednu nohu a někdy i krk* [Hrabal 1].

V autorově textu se tak OČ vyskytuje v těsném kontaktu a kontrastu s vytříbeným užitím normativního jazyka s knižním zabarvením (archaismy a knižní výrazy: *nikoliv, nýbrž, aniž, artefakt, neuronit ani slzu, dvě postele těsně u sebe jsou*). Navíc je OČ užita ne v plně šíři svých výrazových prvků, ale vždy pouze výběrově – převládají lexikální (sr. př. *prachy, barák, artikl, kšeftovat, deset deka uheráku*) a morfonologické prvky (sr. př. *málokterej cestující, slečna s krásnýma vlasama, kupuju to*), které se přirozeně vrství na rozvolněnou stavbu české hovorové věty (např. asyndeton, parataxe v souvětí, polytematičnost výpovědi jako následek mechanického přiřazování myšlenek a vět). Dojem civilnosti, neformálnosti a autentičnosti řečového projevu je synergií OČ, hovorového funkčního stylu a profesního slangu jen zdůrazněn. V Hrabalově textu se tak jako jeden z nosných prvků poetiky jeví stylistický i pragmatický kontrast spisovného jazyka na straně jedné a nespisovného jazyka, popř. spontánní hovorové řeči na straně druhé. Pro formu i obsah díla je nosné právě spojení obojího. Hrabalův text působí jako záměrné spojení různorodého, a to různorodého jazyka, myšlenky i vyznění situace.

Domníváme se, že v překladu těchto textů do cizího jazyka je podstatné daný kontrast (spisovné, formální, „vyšší“ vs. nespisovné, neformální, „nižší“) respektovat a zachovat. Nejedná se totiž o náhodné, „dekorativní“ užití dialektu, ale výrazný rys autorovy poetiky, který má své formální i obsahové opodstatnění a úlohu.

V teorii překladu se u převodu silně příznakových jazykových prostředků do cizího jazykového a kulturního prostředí obecně nedoporučuje cesta přímé ekvivalence, ale převod pomocí funkční a pragmatické kompenzace.¹ Nepřevádí se tedy formální podoba výchozího jazyka, ale obsahová a funkčně-pragmatická složka, která může v cílovém jazyce nabýt jiné formální podoby (sr.: *„Obměny mohou být formální v tom smyslu, že pragmatická informace vázaná původně na lexikální rovinu může být nahrazena v překladu pragmatickou informací vázanou na gramatiku nebo na plán hláskový“* [Knittlová 2003: 113]), může se projevit v jiném kvantitativním rozsahu, popř. může být dle potřeb jazyka či textu exponována v jiné části téhož textu. Respektuje se tak i národně-stylistický úzus cílového jazyka, tj. stylistická specifika

originálu se přizpůsobují konvenci cílového jazyka. Nulový překlad některých prvků OČ do ruštiny či angličtiny tak nemusí svědčit o nekvalitním překladu. Stylistický a pragmatický efekt neformálnosti a nenucenosti řeči se v cílovém jazyce totiž může obecně realizovat ne na dané lexikální jednotce, ale kontextem – v celém úseku výpovědi například pomocí hovorové stavby věty. Množství explicitních formálních signálů hovorovosti, neformálnosti či uvolněnosti projevu se tak mezi češtinou, ruštinou a angličtinou může v textu výrazně lišit.

Z formálního hlediska se různé prvky OČ do ruštiny a angličtiny převádějí s různou mírou frekvence. Fonetické prvky OČ se v překladech téměř nerekonstruuji, zůstávají bez explicitních ekvivalentů a zdůrazňuje se tak úloha širšího kontextu, sr. př.:

- *šéf říkal přicházejícím hostům, bohužel [...] stal se u nás incident, **votevřeme až zejtra*** [Hrabal 2]
- *и говорить проходившим посетителям, дескать, к сожалению, у нас случился инцидент, мы откроем только завтра*
- *tell the customers there 'd been an unfortunate incident and we wouldn't be open until the next day.*

Lexikální prvky OČ zpravidla nacházejí explicitní ekvivalent v cizí lexikální jednotce – byť o jiné sémantické kvalitě (důraz na intenzitu, expresivitu, hovorovost), sr. př.:

- *divím se, že jsem dosud neumřel, pořád jsem v prodlení, že **zhebnu** dřív, než...* [Hrabal 4]
- *удивляюсь, как это я еще не умер, я все время ожидаю, что **загнуся** раньше, чем...*

Morfologické prvky OČ (deklinace, konjugace), které jsou specifické pro českou flexi a pochopitelně nemají přímé ekvivalenty v ruštině, natož v analytické angličtině, se převádějí nejširším výběrem různorodých ekvivalentů i z jiných rovin jazykového systému ruštiny a angličtiny, často s přenosem tohoto příznakového obsahového prvku na jiné místo v rámci výpovědi či celku výpovědi, sr. př.:

→ převod morfologických prvků pomocí lexika (příznakové střídání knižní a hovorové slovní zásoby (expres., žert.):

- *Třicet pět let balím starý papír a žiji v zemi [...] třicet pět ale i let **piju** džbánů piva nikoliv pro pití (...) já **piju**, abych napomáhal myšlení [...] to, co já čtu, to není pro zábavu, ani abych si ukrátil dlouhou chvíli, nebo dokonce abych líp usnul, ... já **piju*** [Hrabal 1]
- *Тридцать пять лет я пакую старую бумагу и книги, и я **обретаюсь*** (разг., шутл.) *в стране [...] и те же тридцать лет пью кувшин за кувшином пиво, но не ради пьянства [...] я пью, чтобы легче думалось [...] мое чтение – это не средство **скоротать*** (разг.) *время или, **паче*** (устар., книж.) *того, быстрее заснуть [...] я пью...*

→ převod morfologických prvků pomocí intenzifikátoru:

- *„To jsou **krásný** věci, vid', Francine?“ řekla jsem.* [Hrabal 3]
- *„These are **really** lovely things, aren't they, Francin?“*

Z hlediska ekvivalence převodu jsme v našem materiálu zaznamenali dva obecné přístupy – prvky OČ byly v převodu buď zcela eliminovány, nebo byly různými způsoby kompenzovány. V případě eliminace prvku OČ se překladatel spoléhal na celkové neformální, uvolněné vyznění daného úseku výpovědi stylizovaného v hovorovém stylu a daný, zpravidla fonetický či morfonologický, prvek OČ s ohledem na kontext vhodně eliminoval, sr. př.:

- *a já jsem se divil, jak bohatý lidi se dovedou celý **večír** bavit třeba o tom, že za městem je lávka* [Hrabal 2]
- *я так удивлялся, как богатые умеют целый вечер **болтать**, к примеру, о том, что за городом есть мостки*
- *and I was amazed at how rich people could **sit around** for a whole evening talking about how just outside the town there was a footbridge*

V jiném případě překladatel, jak se domníváme, redukoval prvek OČ nevhodně – kontext totiž obecný kontrast formálního a neformálního vyjadřování nepodporuje a v překladu tak došlo podle našeho názoru k sémantickému i pragmatickému ochuzení, sr. př.:

- *nejraději jsem se ale kamarádil s **kanálpucrama** [...] dozvěděl jsem se od těch univerzitně vzdělaných **kanálpucrů*** [Hrabal 1]
- *и все же не было для меня лучшей компании, чем **ассенизаторы** (спец.) [...] я узнал от этих **ассенизаторов** с университетским образованием*
- *ten hrozný ruky třes, vlastníma **zubama** si vytahují z **pracek** stěpinky* [Hrabal 4]
- *страшную дрожь в руках, я собственными зубами извлекаю из ладоней осколки*
- *a já jsem udýchanej stál s nataženou rukou [...] málokterej cestující se vrátil pro ty **prachy**.* [Hrabal 2]
- *I'd stand there panting. [...] They almost never came back for their change.*
- *ta, že špičkou se **dotejkal** země a **kramflek** byl vzhůru* [Hrabal 2]
- *so the toe touched the ground and the heel was in the air*

Tato stylistická neutralizace Hrabalova textu podle našeho mínění výrazně porušuje stylistický i pragmatický invariant originálu, o jehož vypjaté jazykové charakteristice E. Frynta tvrdí, že „*se tu mluví o věcech jazykem těch, kdo s těmito věcmi přicházejí do styku, kdo je znají, pracují s nimi, jsou jimi poznamenáni, postiženi, utěšováni, uváděni v zuřivost nebo v nadšení. Neutrální výrazivo neangažovaného povzdálí, uměřená mluva opatrné distance – nemají v těchto textech místo. Převahu mají slovní označení prožitková*“ [Frynta 1966: 326]. Nulový převod OČ tak může mít v textu v závislosti na širším kontextu vyznění kladné či záporné.

Dalším nevhodným postupem při překladu Hrabalova specifického textu byla v ruštině i angličtině snaha logicky a formálně uspořádat autorův „řečový proud“. Místo Hrabalova nekončícího souvětí s parataxi dějů se tak v ruštině i angličtině často objevuje segmentace na kratší obsahové celky, vložení konkrétní podřadící spojky, popř. vyčlenění zcela nového odstavce textu. V případě Skorvidova překladu

do ruštiny se vyskytovala i tendence ke stylistické melioraci textu². Tyto zásahy při překladu považujeme za výrazné porušení Hrabalovy poetiky.

V případě funkčně-pragmatické kompenzace při převodu OČ jsme v ruštině i angličtině zaznamenali celou řadu formálně i obsahově různorodých ekvivalentů, které v podstatě odpovídají dvěma základním principům náznaku a pragmatické kompenzace uváděným D. Knittlovou [Knittlová 2003]. „*První princip spočívá v částečné reprodukci pragmatické informace při úplné reprodukci informace sémantické. To znamená dosadit na místo slangových a nářečových slov výchozího jazyka hovorová slova cílového jazyka se stejnou sémantickou informací [...]. Druhý princip spočívá v odtržení sémantické a pragmatické informace [...], pragmatická informace je fakultativní a není pevně vázána na své místo. Přemístění pragmatické informace je možné [...]*“ [Knittlová 2003: 112]. Byly tedy zaznamenány případy jisté adaptace pragmatické složky výpovědi co do její kvality, kvantity či umístění.

Prvky OČ užité ve studovaných textech Bohumila Hrabala byly na témže místě či s přemístěním kompenzovány v rovině lexikálních prostředků (sr. 1a – 1d), prostředků morfosyntaktických (sr. 2a – 2c) a v rovině nadvětné stavby výpovědi (rovi- na textu a diskurzu, sr. 3a – 3c).

Lexikální ekvivalenty OČ v ruštině i angličtině obecně zahrnují:

1a) hovorovou slovní zásobu s výraznou expresivní složkou, která je explicitně vyjádřena, sr. př.:

- *když jsem jezdil Čechami jako **pojišťovák*** [Hrabal 4]
- *Когда я **колесил** по Чехии, служба страховым агентом*
(*колесить* – разг. много ездить, ходить в различных направлениях, бы- вать во многих местах, potloukat se světem)
- *přeli se o to, jaké pivo je v Čechách nejlepší, a jeden že protivínský, a druhý že vodňanský, a třetí že plzeňský, a čtvrtý že nymburský a krušovický, a tak zase na sebe křičeli, ale všichni se měli rádi* [Hrabal 2]
- *а в другой раз начнут препираться о том, какое пиво в Чехии самое лучшее, один противинское, другой воднянское, третий пльзеньское, четвертый нимбурское и крушовицкое, и так они опять **ругались**, но были друг другу приятны*
(*ругаться* – произносить грубые, бранные слова)
- *а **каждый** ден jsem musel vyčistit plechový košíček na **horký** párky* [Hrabal 2]
- *и каждый день **надраивал** металлическую корзинку из-под горячих со- сисок*
(*надраивать* – разг. начищать до яркого блеска)
- *а со **ты, malej?** Zeptal se mne.* [Hrabal 2]
- *How about you, **squirt?** The man asked me.*
(*squirt* – informal, a person perceived to be insignificant, impudent, or presum- ptious; прcek, mrně, špunt)
- *Prosím, **tejden** jsme chodili s tím vším po krkonošských boudách a skoro v **každý** slušný boudě jsme prodali jak strojek na řezání salámu...* [Hrabal 2]

- *For a whole week we've been **lugging** them from chalet to chalet up in the Krkonoše mountains, and in every decent chalet we've sold the salami slice and...*

(to lug – to carry or drag with great effort)

1b) Silná expresivita a neformálnost výrazu je vlastní i typickým kolokacím – tedy expresivním hovorovým idiomům či frazeologismům, které v blízkém kontextu OČ kompenzují požadovaný tón situace, sr. př.:

- *vedoucí: „Hantó, kde jsi? Proboha nečum do knížek a dělej! Dvůr je zasypanej a ty si tam dole sníš a blbneš na kvadrát!“* [Hrabal 1]
- *начальник: „Гантя, ты где? Ради Бога, не пялься в книжки, работай! Двор **битком набит**, а ты мечтаешь и маешься дурью!“*
- *tady mi bývalo dobře, tady byli moji lidé, tady byli moji **pinglové** a vedoucí* [Hrabal 4]
- *тут мне было хорошо, тут были **все свои** – свои официанты, свой хозяин*
- *protože pořádná knížka **vždycky** ukazuje jinam a ven* [Hrabal 1]
- *because any book **worth its salt** points up and out of itself*

1c) Dále se v rámci lexikální kompenzace OČ v ruském a anglickém textu vyskytují izolované hovorové výrazy se samostatnou funkcí intenzifikace významu. Tyto inherentní intenzifikátory svědčí o výrazné transformaci pragmatické informace. V tomto případě se zdůrazňuje kvalita „intenzita“ a dochází k izolaci do podoby samostatného výrazu. Intenzifikátory svou povahou vyhovují především izolačnímu charakteru analytické angličtiny (např. *good, clean, pretty, really, right*). Sr. př.:

- *Až mi to bylo **divný**.* [Hrabal 2]
- *А я **так** удивлялся,...*
- *přeli se o to, jaké pivo je v Čechách nejlepší, a jeden že protivínský, a druhý že vodňanský, a třetí že plzeňský, a čtvrtý že nymburský a krušovický, a tak zase na sebe křičeli, ale všichni se měli rádi* [Hrabal 2]
- *Or they would start arguing about which of the local Bohemian beers was the best, and one swore by the beer from Protivín, and another by the beer from Vodňany and a third by the beer from Plzeň and a fourth by the beer from Nymburk and Krušovice, and **pretty** soon they were at it again.*
- *kterých jsem za tu dobu vylisoval jistě třicet **metráků*** [Hrabal 1]
- *and a **good** three tons of them I've compacted over the years*
- *„To jsou krásný věci, vid', Francine?“ řekla jsem.* [Hrabal 3]
- *„These are **really** lovely things, aren't they, Francin?“*

1d) Jako vedlejší lexikální prostředek kompenzace OČ se v anglickém materiálu vyskytuje i lexika s výraznou teritoriální konotací, sr. př.:

- *„Prdlačky!“ řval strýc Pepin, „co to tady capete jako malý **děčko**?!“* [Hrabal 3]
- *„Bullocks!“ roared Uncle Pepin. „What are you twittering on about like a **silly bairn**?“ (bairn – Scot. and Northern Eng. a child)³*

Morfosyntaktické ekvivalenty OČ vycházejí především z hovorových i nespisovných variant ruského a anglického gramatického systému, založených na kompresi výrazu (sr. 2a – nulová flexe, stažené slovesné tvary, elipsa), emocionálním zabarvení výrazu (sr. 2b – slovosled, modalita) či nenormativní syntaktické stavbě (sr. 2c). Tyto příznakové formy svědčí v rámci hovorového stylu o neformálnosti, nenucenosti a „živelnosti“ projevu, jsou tedy v cizím jazyce potencionálními funkčními ekvivalenty prvků OČ. Sr. př.:

2a) komprese výrazu:

- *křičeli jen proto, aby jim **líp** chutnalo pivo* [Hrabal 2]
- *и кричали лишь ради того, **чтоб** вкусней пилоь пиво* (hovorové tvary)
- *„Pozor!“ polekal se strýc, „ať mi to **těma** vaš**ema** vlas**ama** nezamažete“* [Hrabal 3]
- *„You just watch it!“ Uncle Pepin cried with alarm. „**Dinna go and mess it up with that hair of yours**“* (stažený expresivní tvar negace)
- *já chci, abyste mi to tady nechal všechno [...] kupuju to!* [Hrabal 2]
- *we're going to talk business – I'll buy all of this **as is**.* (syntaktická elipsa)
- *tak Mercina v půl jedenáctý dopoledne pustila psa, ten šel na nádraží* [Hrabal 3]
- *Mercina used to let the dog out every time at **half ten**, it went down to the station* (elipsa předložky „past“)

2b) subjektivně zabarvená výpověď:

- *Když jsem přišel do hotelu Praha, tak mne vzal šéf za **levý** ucho* [Hrabal 2]
- *Как **пришел я** в отель «Прага», **взял** меня **шеф** за левое ухо* (inverzní slovosled)
- *přišla společnost cikánů, byli pěkně oblečený, byli kotláři, tak že...* [Hrabal 2]
- *a group of well-heeled, well-dressed gypsies walked in, **tinkers they were*** (inverzní slovosled)

2c) hovorová, popř. nenormativní konstrukce:

- *Třicet pět let **lisuju** starý papír a za tu dobu mi sběrači hodili do sklepa tolik krásných knih, že kdybych měl tři stodoly, tak by byly **plný**.* [Hrabal 1]
- *Тридцать пять лет я прессую макулатуру, и за это время старьевщи-ки сбросили в мой подвал столько прекрасных книг, что, **имей я** хоть три сараи, все они оказались бы заполнены.* (hovorová transpozice imperativu)
- *„a stréc padl dolů, ale tam **stojjó lípy**“* [Hrabal 3]
- *„and he just plummets, but **there's lime trees** growing down there“* (nenormativní stavba věty – obecně jako kompenzace dialektu, nejen OČ)

V rovině nadvětné stavby výpovědi (text, diskurz) jsme v případě kompenzace OČ zaznamenali komunikativní postupy a strategie, které formálně prvkům OČ nijak neodpovídají, jsou jí však dle našeho názoru funkčně a pragmaticky velmi blízké. Jedná se o aktivní užití prostředků zdůrazňujících subjektivní hodnocení situace (sr. 3a – částice zesilující nebo zeslabující význam, jistotní modalita), dialogičnost projevu (sr. 3b – vsuvky a částice s kontaktoovou funkcí), či vyšší emocionalitu diskurzu (sr. 3c – citoslovce, expletiva, větná modalita). Sr. př.:

3a) subjektivní hodnocení situace, částice zesilující/zeslabující význam (-ка, же, ведь, -то):

- *Dávejte pozor, co vám **ted'ka** řeknu.* [Hrabal 1]
- *Послушайте-**ка**, что я вам теперь расскажу.*
- *za městem je lávka a tam u **tý** lávky před třiceti lety byl topol, a ted' to začalo* [Hrabal 2]
- *за городом есть мостик и тридцать лет назад там рос тополь, **вот тут-то и** началось*
- *málokterej cestující se vrátil pro ty **prachy*** [Hrabal 2]
- ***ведь кто ж** из пассажиров вернется за десятью кронами*
- *vy jste vášnivej kuřák* [Hrabal 4]
- *вы **же** заядлый курильщик*
- *někdy, když mne posedne touha po řeckém ideálu krásna, **umeju** si jednu nohu a někdy i krk, jiný týden si **umejvám** pak druhou nohu a paži, ale když přijdou velké křesťanské svátky, tak si **umejvám** i hruď a nohy [...] i když venku padá sníh.* [Hrabal 1]
- *однако же иногда меня одолевает тоска по греческому идеалу красоты, и тогда я мою одну ногу, а **то и** (разг.) шею, через неделю я мою вторую ногу и одну подмышку, когда же наступают великие христианские праздники, я мою грудь и ноги [...] **пускай** (разг.) даже на улице идет снег...*

V těchto případech dochází z pohledu českého textu k „nadužívání“ ruských částic, ty ale v ruském kontextu zdůrazňují vypjatou intenzitu děje (sr. „-ка – смягчение приказа, часто с оттенком фамиллярности“, [Ружицкий 2004: 472]) a svou kontaktní funkcí dokreslují atmosféru nenucené komunikace – sr. „Общая контактообразующая функция частиц – создание особого колорита русской речи. Употребление модальных частиц в речи является признаком снижения ее официальности. Схожую функцию выполняют, например, уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка“ [Ружицкий 2004: 474].

3b) dialogičnost projevu, tj. vsuvky a výrazy s kontaktní funkcí:

- *a ano, žádněj blábol, žádný hospodský **kec*** [Hrabal 4]
- *о да, это **вам не просто** треп, не какая-нибудь **там** пьяная болтовня*
- *[...], ale pak si zase sedli a bylo všecko v pořádku, to křičeli jen proto, aby jim **líp** chutnalo pivo* [Hrabal 2]
- *Then they'd sit down again and everything was all right, and **you could see** they'd only been yelling at one another like that to make the beer taste better.*
- *ten pikolík, kterej už pikolíkem přestal být, už začal pracovat na **place**, ach, ten se něco naprosil...* [Hrabal 2]
- *the busboy who was no longer a busboy because he had started waiting on the tables, and **you should have heard** him beg and plead to...*

- *farář Zbořil hned běžel mu gratulovat, ale přehlídl schod a padl a zlomil si nohu* [Hrabal 3]
- Zbořil **comes** rushing over to congratulate him, but he **overlooks** this step, **see**, he falls and breaks his leg (kontaktovost, historický prezens)

3c) vyšší emocionalita diskurzu:

- *proti sobě přes stůl křičeli, že tam byla lávka a ne topol, a z druhé strany že tam byl topol a ne lávka* (kontext hádky, v češtině prvky OČ v jiné části – [Hrabal 2])
- *they'd be on their feet yelling across the table that the footbridge had been there but not the poplar tree and the other side would yell back that the poplar tree **damn well** was there and the footbridge **damn well** wasn't* (expletiva)
- *a pak už nic jiného než vzduch, **variacema** matematiky nabitý vzduch.* [Hrabal 1]
- *и больше ничего, только воздух, заряженный математическими вариациями **воздух!*** (větná modalita)
- *„Ty buchty só ale dobrý“* [Hrabal 3]
- *„**My** those buns are good though“* (citoslovce)

Tyto případy „nadvětné“ kompenzace OČ pomocí stylizace autentického neformálního mluveného projevu jsou pro nás vzácným materiálem dokládajícím možnost pragmatické rekonstrukce OČ v ruštině i angličtině za pomoci formálně i obsahově zcela rozdílných výrazových prostředků.

Na možné funkční ekvivalenty OČ v ruštině i angličtině lze pohlédnout dvojitým způsobem. Ze strukturně-systémového pohledu je daná nespisovná varianta národního českého jazyka kompenzována ne jiným systémovým dialektem, ale různými lexikálními a morfosyntaktickými prvky s jasně hovorovou platností či specifickou hovorovou výstavbou textu, diskurzu. K ekvivalenci i kompenzaci OČ tak dochází v cílovém jazyce v plánu langue i v plánu parole. Z funkčního pohledu pak OČ nachází své protějšky v různých pragmatických složkách cílového textu. Civilnost, neformálnost a uvolněnost projevu v OČ se konkrétně transformuje v ruském či anglickém textu do roviny intenzifikace a expresivizace projevu (sr. př.: *to bylo divný* – *А я так удивлялся; krásný věci* – *really lovely things*), dále subjektivitu projevu a jeho kontaktovosti, dialogičnosti (sr. př.: *žádněj blábol* – *о да, это вам не просто тпен*) či do roviny vyšší emocionality řeči. Potvrdila se tedy teze, že pragmatická složka při překladu prochází nečekanými změnami ve své kvalitě, kvantitě i umístění.

POZNÁMKY:

¹ I funkční a pragmatická kompenzace má však svá úskalí a meze. Sr. „U dialektismů především je úplná reprodukce pragmatické informace nemožná, protože slova dialektu cílového jazyka se dostávají do rozporu s místem děje a protože jsou příliš vázána na určitou skupinu lidí v rámci mluvčích příslušného jazyka.“; „Kulturní transplantace je riskantní. Nejlépe zůstat jen u náznaku rysu dialektu, ale ne specifického.“ [Knittlová 2003: 111-112].

² Tj. překladatel volil opakovaně stylisticky vyšší, nižší prostředky, sr. př. meliorace:

- *Mínulý měsíc mi přivezli a shodili do sklepa šest metrických centů reprodukcí slavných mistrů, šest metráků promočených Rembrandtů a Halsů a Monetů a Manetů a Klimtů a Cézannů a jiných těžkých frajerů evropské malby.* [Hrabal 1]
 - *Месяц назад мне привезли и сбросили в подвал шесть центнеров репродукций прославленных мастеров, шесть центнеров промокших Рембрандтов и Хальсов, Моне и Мане, Климтов, Сезаннов и других гигантов европейской живописи.*
(центнер – neutrální, gigant – knižní, oficiální)
 - *a abych utenšil to ohromný vydávání se, piju džbány piva za džbánem [...] jen proto piju ta kvanta piva* [Hrabal 1]
 - *и чтобы как-то сдержатъ это нечеловеческое самоистязание* (knižní – muka, trýznění), я пью пиво кувшином за кувшином [...] лишь для того я пью пиво литрами
- ³ Skotský dialekt v tomto případě patrně poukazuje v širším kontextu na specifickou nářeční složku hrdinova projevu (v *Postřizínách* strýc Pepin užívá prvky OČ, ale i žargonu a hanáckého dialektu).

EXCERPOVANÁ LITERATURA:

- Hrabal, B. *Hlučná samota*. Praha 1994. [Hrabal 1]
Hrabal, B. *Obsluhoval jsem anglického krále*. Praha 1993. [Hrabal 2]
Hrabal, B.: *Postřiziny*. Praha 2000. [Hrabal 3]
Hrabal, B.: *Život bez smokingu*. Praha 1986. [Hrabal 4]
Грабал, Б.: *Слишком шумное одиночество*. Пер. Сергея Скорвида. Москва 2002.
Грабал, Б.: *Я обслуживал английского короля*. Пер. Деляры Прошуниной. Москва, изд. Инostrанка 2001.
Грабал, Б.: *Жизнь без смокинга*. Пер. Сергея Скорвида. Санкт-Петербург, издательство Амфора 2002.
Hrabal, B.: *Too Loud A Solitude*. Transl. by Michael Henry Heim. Abacus London 1998.
Hrabal, B.: *I Served the King of England*. Transl. by Paul Wilson. Macmillan Publishers Ltd., Picador 1990.
Hrabal, B.: *Cutting It Short and The Little Time Where Time Stood Still*. Transl. by James Naughton. Abacus London 1999.

POUŽITÁ LITERATURA:

- BĚLIČ, J. (1958): Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné. In: *Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě*. Praha, s. 59-71.
Encyklopedický slovník češtiny. Kol. autorů. LN Praha 2002. (ESČ)
FRYNTA, E. (1966): Náčrt základů Hrabalovy prózy. In: *B. Hrabal: Automat svět*. Praha, s. 319-331.
JANKOVIČ, M. (1996): Jarmark života a řeči. In: *Kapitoly z poetiky Bohumila Hrabala*. Praha, s. 25-38.
JEDLIČKA, A. (1980): Jazyková situace a překlad. In: *Slavica Pragensia* 23, s. 91-98.
KNITTLIOVÁ, D. (2003): K teorii i praxi překladu. Olomouc.
KOŽEVNIKOVÁ, K. (1979): Stylová diferenciacie prostředků běžně mluveného jazyka jako problém překladatelský. In: *Naše řeč*, 3, s. 113-120.
KOŽEVNIKOVÁ, K. (1980): Stylistická diferenciacie hovorových prostředků jako problém překladatelský. In: *Slavica Pragensia*, 23, s. 83-89.
KUFNEROVÁ, Z. et al. (2003): *Překládání a čeština*. Jinočany.
LOPATKA, J. (1991): Nebývalé problémy textologické. In: *Předpoklady tvorby*. Praha, s. 37-46.
Random House Unabridged Dictionary. Random House, Inc. 2006.
БАРХУДАРОВ, Л.С. (1975): *Язык и перевод*. Москва.
ЕФРЕМОВА, Т. Ф. (2002): *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва.
МЕЧКОВСКАЯ, Н.Б. (2000): *Социальная лингвистика*. Москва.
ПИЛАТОВА, Й. (2007): Роль стилистического стереотипа национального языка в переводе. In: *Материалы XXXVI Международной филологической конференции 12-17 марта 2007 г. Вып. 3: Актуальные проблемы переводоведения*. Санкт-Петербург, с. 66-72.
РУЖИЦКИЙ, И.В. (2004): Функционирование модальных частиц. In: А.В. Величко (ред.): *Книга о грамматике. Русский язык как иностранный*. Москва, с. 466-496.
СГАЛЛ, П. (1960): Обиходно-разговорный чешский язык. In: *Вопросы языкознания*, 2, с. 11-20.

ЯНА СКЛАДАНА

Словакия, Братислава

АКТУАЛИЗАЦИИ СЛОВАЦКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

ABSTRACT:

The paper deals with comparison of several proverbs in Slovak and Russian languages and also presents updating of them, especially in the form of “anti-proverbs”.

KEY WORDS:

Paremiology – proverbs – updatings – “anti-proverb” – negative form of proverbs.

АБСТРАКТ:

Настоящая статья посвящена компаративному сравнению нескольких пословиц в словацком и русском языках и их актуализации, главным образом, в виде «антипословиц».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Паремиология – пословицы – актуализация – антипословицы – отрицательная форма пословиц.

В словацкой фразеологии до сих пор уделял самое большое внимание словацким пословицам Й. Млачек [Mlasek, 1981, 1982, 1983 и др.], который сделал подробный анализ всех форм этого типа паремий и подтвердил обоснованность его включения в состав фразеологии в ее широком понимании.

В нашей статье будем исходить из исследований Й. Млачека и обратим внимание на пословицы с точки зрения их функционирования в разных текстах, причем как в их исходной, так и в актуализированной формах. Некоторые словацкие пословицы будем сравнивать с аналогичными русскими пословицами. В качестве современного словацкого материала нам послужили пословицы, встречающиеся в ежедневных газетах, журналах, произведениях художественной литературы, но и в обиходной устной речи. Кроме того, важным источником для нас является сборник словацких пословиц А.П. Затурецкого [Zátucecký 1975], так как мы учитываем и диахронический аспект. Русский материал нам предоставила монография Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [Вальтер, Мокиенко 2005], посвященная русским антипословицам. В этой связи необходимо отметить, что в словацкой фразеологии и паремиологии термин «антипословица»

не употребляется, и трансформации пословиц, обозначаемые в русской фразеологии как антипословицы, в словацкой фразеологии называются актуализациями. Нам представляется, что термин антипословица было бы полезно включить также в словацкую фразеологическую терминологию, так как здесь мы имеем дело с одним из наиболее часто встречающихся типов актуализаций.

Отдельные примеры антипословиц обоих языков, словацкого и русского, представлены неравномерно, так как полученный нами словацкий материал намного беднее богатого корпуса указанной русской монографии. Тем не менее нам удалось собрать достаточно репрезентативный материал, представляющий в равной степени антипословицы словацкого и русского языков.

Разница между антипословицами и другими типами актуализаций довольно четкая, хотя и между ними встречаются переходные случаи. Антипословицы выражают противоположность, отрицание семантики исходной пословицы.

Полная противоположность выражается заменой одного компонента словом, изменяющим смысл пословицы в целом. Заменяющим компонентом бывает, как правило, антоним исходного компонента. Так, например, к словацкой пословице *Všade dobre, doma najlepšie*, которой в русском языке соответствует пословица *В гостях хорошо, а дома лучше*, возникла антипословица *Všade dobre, doma najhoršie*, в русском языке *В гостях хорошо, а дома плохо; В гостях хорошо, здесь лучше; В гостях хорошо, и домой не хочется*. Здесь наблюдается разница в первой части пословицы: компонент *в гостях*, на словацком языке *na návšteve*, имеет словацкий вариант *všade* (всюду). Пословица *Človek človeku vlkom*, по-русски *Человек человеку – волк*, выражает противоположность в пословицах *Človek človeku človekom*, *Человек человеку – друг (товарищ и брат)*.

В следующих примерах встречается лексическая тождественность русской и словацкой пословиц, или к ним добавлена новая часть. Например, словацкая пословица *Čo môžeš urobiť dnes, neodkladaj na zajtra* или аналогичная русская пословица *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня* выступают в расширенных, дополненных формах, ср. словацкое *Čo môžeš urobiť dnes, neodkladaj na zajtra, aj pozajtra je deň*, русское *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра*. В русском языке существуют, кроме указанного, и другие варианты антипословиц, например: *Не откладывай на завтра то, что вообще делать не надо*. В сборнике Затурецкого добавляется признак «гнев», например: *Na zajtra je len hnev dobre odkladať; Hnev je najlepšie na ráno odložiť, s ostatným neodkladaj*. Это, конечно, традиционные пословицы.

На основе словацкой пословицы *Mýliť sa je ľudské; Len ten sa nemýli, kto nič nepobí* и русской пословицы *Людям или человеку свойственно ошибаться; Не ошибается только тот, кто ничего не делает* образовались антипословицы *Mýliť sa je ľudské, no nie vždy ekonomicke; Не ошибается только тот, кто ошибается; Не ошибается только тот, кто хочет выдать себя за умного*. У Затурецкого находим и расширенную форму традиционной пословицы *Mýliť*

sa je ľudské, zotrvať v omyle diabolské. В современном словацком языке мы нашли актуализацию *Prešľapy alebo mýliť sa je prezidentské.*

Словацкую пословицу *Kto druhému jamu kope, sám do nej padne* и русскую пословицу *Не роў другому яму, сам в не́й попадешь* можно сравнить с антипословицами *Kto druhému jamu kope, je hrobár* и *Не роў другому яму там, где сам ходишь; Не роў другому яму, он её обойдём.* У Затурецкого можно найти кроме традиционной пословицы *Kto druhému jamu kope, sám do nej padá* также её актуализацию *Kto druhému jamu kope, nech si dá zaplatiť.*

Наряду со словацкой пословицей *Nová metla dobre metie/zametá* и с русской пословицей *Новая метла чисто метём* существуют актуализации *Nová metla dobre metie a stará stojí v kúte* и *Новая метла всегда она помаленьку пометём а потом ... обламается и всё.* У Затурецкого мы находим форму *Nová metla dobre metie, a stará necháva smeti.*

Известная библейская пословица *Nielen chlebom je človek živý* встречается в актуализированной форме уже в эпохе Л. Штура (Hodža, 1843), ср.: *Nie na samot chlebe žiť má človek, ale aj na slove.* К эквивалентной русской пословице *Не хлебом единым жив человек* образовалась антипословица *Не хлебом единым, а водкой и пивом.*

Трансформацией словацкой пословицы *Ráno je múdrejšie večera* возникла антипословица *Ráno je múdrejšie večerať*, преобразованием русской пословицы *Утро вечера мудренее* – антипословица *Утро вечера бодреннее* или *Утро вечера дряннее.* В сборнике Затурецкого приводится целый ряд традиционных пословиц, например: *Lepšia ráno hodina ako večer tri; Ranná hodina – zlatá hodina; Hodina ranná zlato doháňa; Hodina ranná dáva požehnaní.*

К словацкой пословице *Čistota pol života* мы нашли антипословицу *Čistota pol života a špina celý*, к русской пословице *Чистота – залог здоровья* – антипословицы *Темнота – залог здоровья; Частота – залог здоровья.*

На базе словацкой пословицы *Šaty robia človeka* возникла антипословица *Šaty nerobia človeka* и актуализация *Šaty robia aj politika.* У Затурецкого мы нашли, кроме традиционной пословицы *Šata robí človeka*, также форму *Keby nie tie šaty, nebolo by väčšej špáty* и антипословицу *Šata nerobí človeka.* К русской пословице *По одежде встречают, по уму провожают* существуют антипословицы *Встречают по одежде, провожают – как могут; По приказу встречают, по понятиям провожают.*

Эквивалентом словацкой пословицы *Bez práce nie sú koláče* является русская пословица *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.* В этом случае антипословицы представляют: в словацком языке *Aj bez práce sú koláče*, в русском языке *Без пруда не вытащишь и рыбку; Без пруда не вытащишь рыбку из пруда, а без пруда не вытащишь её и с трудом.* В сборнике Затурецкого приводятся формы традиционных пословиц: *Nič bez práce; Bez práce niet pláce; Žiaden bez práce neje koláče.*

В заключение можно констатировать, что приемы образования антипословиц на основе традиционных пословиц являются по существу в словацком и русском языках подобными. В обоих языках речь идет прежде всего о замене

ключевого или другого компонента его антонимом, словом противоположного значения. Кроме того, антипословицы образуются трансформацией в положительную или отрицательную форму, или добавлением к исходной поговорке новой части, изменяющей общее значение поговорки и т.п. В то время как в русском языке антипословицы уже детально исследованы, словацкие антипословицы ждут своего тщательного и углубленного изучения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВАЛЬТЕР, Х., МОКИЕНКО, В.М. (2005): *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург, Москва: Нева.
- MLACEK, J. (1982): Povrávky. In: J. Mistrík (ed.): *Studia Academica Slovaca*. Bratislava: Alfa, s. 349-362.
- MLACEK, J. (1981): Príslovia a ich jazykové vlastnosti v slovenčine. In: J. Mistrík (ed.): *Studia Academica Slovaca*. Bratislava: Alfa, s. 285-302.
- MLACEK, J. (1983): Slovenské porekadlá. In: J. Mistrík (ed.): *Studia Academica Slovaca*. Bratislava: Alfa, s. 357 – 371.
- MLACEK, J. (2001): *Tvary a tváre frazém v slovenčine*. Bratislava: Stimul.
- ZÁTURECKÝ, A.P. (1975): *Slovenské prislovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava: Tatran.

МАРИЯ СТАРОСТИНА

Чехия, Оломоуц

ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТИ В ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

АБСТРАКТ:

The article analyzes and compares Czech and Russian idioms containing the concept *власть*. The author also explains the *power distance* idea articulated by Hofstede. This idea is illustrated on base of Czech and Russian phraseology to reveal similarities and differences between these two close cultures. As a result of research the author gives examples to show that in spite of the fact Russian and Czech cultures correspond a lot and have a lot in common, there are several significant dimensions that should not be forgotten during the study of intercultural communication. Moreover the author emphasizes that phraseology helps us understand a foreign culture.

KEY WORDS:

Language – phraseology – idioms – power distance – high power distance – low power distance – mentality – connotation – language memory – national character – constant – culture – national.

АБСТРАКТ:

В статье подвергаются анализу чешские и русские идиомы, отражающие концепт *власть*. Автор объясняет предложенное Хофштеде понятие *дистанция власти* и на примерах из чешской и русской фразеологии указывает разницу между данными близкими друг к другу культурами. Результаты исследования являются доказательством того, что хотя чешская и русская культура близки или похожи друг на друга, все-таки между ними наблюдается существенная разница, которую надо учитывать в области межкультурной коммуникации. Автор подчеркивает важное место фразеологии, способствующей понять чужую культуру.

Ключевые слова:

Язык – фразеология – идиомы – дистанция власти – высокая дистанция власти – низкая дистанция власти – менталитет – коннотация – память языка – национальный характер – константа – культура – национальный.

Язык представляет собой зеркало народной культуры, народной психологии и философии, во многих случаях это единственный источник истории народа и его духа [Толстой 1995]. Язык служит не только средством общения, передачи информации, стремится не только отразить процессы, происходящие в обществе, национальную культуру, обычаи и традиции, но и сохранить, а также передать веками накопленные опыт и народную мудрость.

Язык любого народа закрепляет в себе историческую память слова. Благодаря этой памяти можно изучать природу национальных конфликтов, понять восприятие каких-либо событий и способ мышления человека, относящегося к другой культуре. Эта память передается языком из поколения в поколение с помощью фразеологии, сохраняющей характерные черты национального менталитета. Нельзя не отметить национально-культурную специфику ФЕ (*фразеологических единиц*), в их основу ложатся различные образы и ассоциации. В идиоматике или фразеологии заключены народная мудрость, традиции, обычаи, культура и история определенного народа.

Для глубокого понимания чужой культуры недостаточно хороших знаний в области грамматики, владения фонетикой, познаний в морфологии. Все эти категории с течением времени меняются, перестраиваются, изменяют свои значения. Можно говорить о том, что фразеология становится особой областью в изучении любого языка, которая вбирает в себя историко-культурную и языковую информацию. Так она становится той самой «памятью языка».

Рассматривая фразеологию с этой точки зрения отражения культуры, необходимо обратиться к такому важному аспекту как *менталитет*.

В последнее время среди культурологов, этнологов, этнопсихологов ведутся жаркие споры, связанные с определением данного понятия. Ближе всего к *менталитету* была категория «национальный характер». Она широко использовалась всеми представителями социальных наук, но была лишена определенности, из-за чего так и не стала термином.

В настоящее время существует несколько наиболее известных определений *менталитета*:

- Т.Г. Стефаненко: «*Детерминированная культурой и опытом исторического развития структура ментального мира*».
- Ж. Дюби: «*Система образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей*».
- Л.Н. Пушкарев, А.А. Горский: «*Мировосприятие плюс самосознание*».
- О.Г. Усенко: «*“Картина мира” плюс “кодекс поведения”*».
- С.В. Лурье: «*Совокупность сознательных и бессознательных установок, сопряженных с этнической традицией*». [Корнилов 2007]

Одно из наиболее емких, на наш взгляд, определений предлагает в своих исследованиях О.А. Корнилов. Он определяет *менталитет* как «*непрорефлексированное, эмоционально окрашенное мировидение, включающее в себя мировосприятие, мироосмысление и мирооценивание. Мирооценивание формирует систему приоритетов и шкалу ценностей данной культуры, которая, в свою очередь, определяет модели поведения всех членов общества по линиям “личность – личность” и “личность – общество”*». [Корнилов 2007]

Так как менталитет представляет собой структуру, то в ней необходимо выделять структурные единицы. С.В. Лурье предложила выделять *центральную зону* ментальности, которая в свою очередь состоит из констант, по которым можно характеризовать ту или иную культуру.

Вокруг этих констант выстраиваются *единицы ментальности*, которые представляют собой отношения к различным явлениям в обществе: отношение к труду, отношение к старшим и младшим, отношение к здоровью и т.д. Также сюда можно отнести и исследуемое нами в данной статье отношение к власти в чешской и русской фразеологии.

Каждая из перечисленных нами единиц ментальности, несомненно, присутствует в любой культуре, однако в каждой из них такая единица несет разную смысловую нагрузку. Она по-разному проявляется, может быть более или, наоборот, менее выражена в различных культурах, а также может иметь различную степень важности для представителей разных культур.

Именно от того, какие единицы ментальности становятся доминантными для конкретной культуры и какое они получают значение в ней, зависит тип культуры.

Подробнее в нашей статье мы рассмотрим концепцию, разработанную Г. Хофштеде, так как именно им было предложено такое измерение культуры как *дистанция власти*. Всего же он выделял четыре параметра, по которым можно было измерить феномен культуры: индивидуализм – коллективизм; маскулинность – феминность; избегание неопределенности (от сильной до слабой) и, непосредственно дистанция власти (от низкой до высокой) [Корнилов 2007].

Измерение по параметру *дистанция власти* означает сопоставление культур по степени концентрации власти или распределения ее по различным уровням организации. Этот показатель позволяет установить, какое значение в разных культурах придается властным отношениям между людьми и как варьируются различные культуры по данному признаку.

Дистанция власти представляет собой величину неравномерного распределения власти в обществе и степень готовности общества принять эту неравномерность во взаимоотношениях между различными элементами.

Дистанцию власти Хофштеде объясняет через основные ценности членов общества, наделенных властью. Способ распределения обычно зависит от поведения наделенных властью членов общества, т.е. руководителей, а не остальной массы руководимых.

В культурах с *высокой дистанцией* власти последняя видится как некая данность, имеющая фундаментальные основы. Поэтому представители данного типа культуры полагают, что власть – важнейшая часть социальной жизни, а носители власти рассматривают своих подчиненных как людей, существенно отличающихся от них самих. При этом в культурах такого типа акцент делается в основном на принудительной форме власти. Здесь высокую ценность имеют обязательность, исполнительность, конформное поведение, авторитарные установки и жесткий стиль руководства.

Вопрос о легитимности самой власти в этих культурах не столь важен, поскольку в обществе негласно существует убеждение, что в мире должно быть определенное неравенство, в котором каждый имеет свое место. В иерархических обществах с высокой дистанцией власти подчиненные готовы к неравно-

мерному распределению полномочий и поэтому подчиняются всем вышестоящим лицам. Начальникам и прочим носителям властных полномочий традиционно оказывается подчеркнутое уважение и демонстрируется послушание. В таких культурах не допускаются выражение противоречий, жесткая критика или открытое противодействие.

В культурах с *низкой дистанцией* власти господствует точка зрения, согласно которой неравенство в обществе должно быть сведено к минимуму. Представители этого типа культур считают, что иерархия – условное закрепление неравенства людей в обществе, поэтому наибольшее значение там придается таким ценностям, как равенство в отношениях, индивидуальная свобода и уважение к личности. Подчиненные здесь считают, что они такие же люди, как и их руководители. Поэтому коммуникация в данных культурах менее формальна, равенство собеседников выражено сильнее, а стиль общения носит в большей мере консультативный характер.

В этих культурах эмоциональная дистанция между вышестоящими и подчиненными незначительна. Открытое несогласие или активное противодействие начальнику также рассматривается здесь как норма.

Как мы уже говорили выше, наиболее удобным способом выделить и оценить *константы*, характерные для той или иной культуры, для нас является изучение фразеологии.

Именно фразеология отражает, сохраняет и передает все особенности национального сознания. Она фиксирует исторически сложившиеся, традиционные формы поведения в обществе и служит неким ориентиром для будущих поколений. Фразеология воспринимается носителем языка на подсознательном уровне, что, на наш взгляд, является особенно ценным, так как непро-refлексированные восприятие и реакция на что-либо оказываются наиболее «честными» и естественными.

Обращаясь к чешскому и русскому менталитетам, нельзя не отметить несомненную близость чешского и русского народов, обусловившую большое количество параллелей в их фразеологии. Однако также очевидно, что специфическое историческое развитие двух культур тоже нашло свое отражение в национальной идиоматике.

Дело в том, что на формирование русского менталитета большое влияние оказало принятие христианства и азиатские традиции (после татаро-монгольского нашествия), тогда как на чешский менталитет повлияло католичество и близость европейских народов (в частности можно говорить о сильном культурном и языковом влиянии Германии).

Так, в русской традиции царь является «помазанником Божиим», т.е. царская власть воспринимается не как правовое, а как религиозное понятие, а сам царь находится вне закона или сам представляет собой Закон (позднее такое отношение переносится на Генерального секретаря компартии или Президента). Отношения верховного правителя и населения традиционно понимаются как семейные (*царь-батюшка*), поэтому царь хоть и грозен, но справедлив, а все народные беды идут от чиновников, которые обманывают государя и ис-

кажают его волю. Ярким примером здесь может служить пословица: *Царские милости в боярское решето сеются*.

Чешское понимание власти и государя ближе к западноевропейской модели отношений личности и государства. Здесь главным является Закон, а не отдельная личность, причем Закону обязан подчиняться каждый, в том числе и верховный правитель.

Интересно также, что в чешском сознании, понятие «верховного правителя» в ходе исторического развития разделилось на три: король, который был собственно чешским правителем, император и Папа.

Кроме того, необходимо сказать об «... отсу^тствии аристократии в социальном устройстве чешского общества. После отмены Иосифом II крепостной зависимости 1 ноября 1781 года место дворянина (*šlechtice*) занимает чешский крестьянин, земледелец, просто чешский народ...» [Rak 1994: 85] (перевод автора); «...крестьянин стал тем самым наиболее жестоким аристократом» [Rak 1994: 88] (перевод автора). Этим можно объяснить меньшую дифференциацию названий представителей власти (см. ниже) в чешском языке, чем в русском, а также большое количество фразеологизмов, характеризующих крестьянское сословие с отрицательной стороны: *Když se stane sedlák pánem, tak je s hospodářstvím amen; Ze žebráka mrcha pán; Být ze selského pytle*. В русской же фразеологии, наоборот, очень часто подчеркивается ум обыкновенного мужика: *Умысел боярский да разум крестьянский; Мужик хоть сер, да ум у него не черт съел*.

Сравнивая чешскую и русскую фразеологию, содержащую концепт *власть*, можно выявить некоторые сходства и различия в отношении к вышеуказанному понятию в русской и чешской традициях.

Так, например, в результате исследования стало очевидно, что у чехов и русских различается уже само понимание *власти*. Чехи, в первую очередь, под *властью* понимают орган государственной власти, т.е. государственную власть как таковую, в то время как у русских власть сначала ассоциируется со свободой или силой в отношении другого человека, а потом уже с государственной властью.

Идиоматических выражений в рассматриваемой тематике, несущих в себе отрицательную коннотацию как в чешском, так и в русском языке намного больше, чем идиоматических выражений, несущих в себе положительную коннотацию. Например, русские: *Кабы не боярский разум да не мужичья простота, все бы пропали* (положительная оценка). *В те поры холопу время, когда господину безвременье; Барам бархат да кружева, а нашему брату ни обуто, ни одето, ни ложкой задето; Хвали рожь в стогу, а барина в гробу!; А где слыхано – на вербе груша? А где видано – приказной добрый человек?* (отрицательная оценка). Также чешские фразеологизмы: *Kdo s pány robývá, v rozumu prospívá, Dobrý šafář je lepší než deset dělníků* (положительная коннотация). *Je tlustý jako sedlák pod kolenu; Pán jak chce, a chudina jak může; Všický byli ožralí, jenom pan starosta byl vopilej* (отрицательная коннотация).

В русской фразеологии наблюдается большая дифференциация названий представителей *власти*, т.е., например, чешскому слову *pán* в эквивалентных русских идиомах соответствует большее количество эквивалентных названий представителей власти: *дворянин, начальник, господин, барин* и т.д. *Není radno s pány z jedné mísy jest* /не посоветуешь с господами из одной мисы есть/ – *Ne ešš s bariňom višen – kostočkami zařkidaet. Pán velí, sluha musí* /господин велит, слуга должен/ – *Барскую просьбу почитай за указ. Páni se bijí, sedláci nastavte hřbet* /господа дерутся, крестьяне подставьте спину/ – *Бары дерутся, а у холопов чубы болят.*

Русская фразеология по рассматриваемой тематике предоставляет намного более обширный спектр ФЕ, чем чешская фразеология.

В чешской фразеологии нет эквивалентов русским идиомам с положительной коннотацией, содержащих *ключевое понятие царь*. *Свой ум – царь в голове; Без царя нет закона; Царские глаза далеко видят; Лучшие грозный царь, чем семибоярщина.*

В русской фразеологии нет эквивалентов чешским идиомам, содержащих расчлененное *ключевое понятие král-císař*. *Čiň dobře a právě, neboj se císaře ani krále.*

Таким образом, можно сказать, что русская и чешская фразеология имеют множество параллелей. И та, и другая отразили бесправие народа, ненависть к угнетателям, горе, нужду, подчеркивается также социальное неравенство и страх перед вышестоящим: *Pravda vždycky vítězí, pomáhá pánu i knězi; Maso páňům, kosti sluhám; Páni se klouzají, a sedláci si nohy látou; Krmí Bůh vlka, krmí i pána; Не держи села близ княжа двора; Не столько впереди божьих дней, сколько барских затей; Господское прошение вместо разбоя; Воевода хоть не стоит и лыка, да ставь его велико; Барская ласка до порога; Мужичками мозолями барин сыто живет; Что спил да съел, то барин не выбьет.*

Подводя итог, можно сделать вывод, что для русской культуры, согласно типологии культур Г.Г. Хофштеде, характерна большая дистанция власти, чем для чешской, что, разумеется, отразилось и в национальной фразеологии обоих народов.

Если понимать язык как «*вместилище души, духа народа [...] коллективный продукт национального творчества [...] коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры*» [Корнилов 2003: 133], то одним из лучших способов понять столь сложное явление, является фразеология.

Исследование фразеологии позволяет глубже проникнуть в мир иной культуры, даже если на первый взгляд кажется, что у родственных народов, таких как, например, русский и чешский, не может быть серьезных различий в менталитете.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

КОРНИЛОВ, О.А. (2007): Доминанты национальной ментальности в зеркале фразеологии. In: *Вестник МГУ*, №.

- КОРНИЛОВ, О.А. (2003): *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо.
- ТОЛСТОЙ, Н.И. (1995): *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М.
- RAK, J. (1994): *Vývali Čechové*. Praha: Nakladatelství H&H.

ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВА

Чехия, Оломоуц

РУССКИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АБСТРАКТ:

The paper deals with problems of intercultural communication. Success in contacts with foreign nations is based on knowledge of their mentality and their traditions. The author describes some examples of unsuccessful contacts between nations. The author of the paper analyses the character of the Russian people within the frame of four criteria articulated by G. Hofstede. According to the author Russian mentality is changing now.

KEY WORDS:

Intercultural communication – the Russians – traditions – foreigners – the reasons of the successful contacts and business – power distance – individualism vs collectivism – masculinity vs femininity – uncertainty avoidance (high / low) – high / low context communication.

АБСТРАКТ:

Настоящая статья посвящена вопросам межкультурной коммуникации. Успех контактов с другими народами основан на знании их менталитета и традиций. Автор приводит примеры неуспешных контактов с представителями разных народов. Статья рассматривает характер русских с использованием четырех критериев, разработанных Г. Хофштедом. Согласно мнению автора, менталитет русских в настоящее время меняется.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Межкультурная коммуникация – русские – традиции – иностранцы – залог успешных контактов и сделок – дистанция власти – индивидуализм – коллективизм – мужской и женский – избегание неопределенности (высокой / низкой) – высокий / низкий контекст коммуникации.

Межкультурная коммуникация как теоретическая дисциплина, появившаяся в конце 70-х годов XX в., в новых условиях объединенной Европы и глобализации мира, заняла прочное место в программе вузовской подготовки специалистов по иностранным языкам. В 1996 году Министерство высшего и профессионального образования Российской Федерации издало приказ, которым специальность «Иностранные языки» заменялась на специальность «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С 1992 года в МГУ успешно функционирует Центр по изучению взаимодействия культур, в котором сотруднича-

ют лингвисты, историки, философы, литературоведы, психологи, социологи. С 1994 года по инициативе этого центра на факультете иностранных языков ежегодно проходит конференция «Россия и Запад: диалог культур»; по материалам этой конференции издаются сборники научных докладов. В 1993-1994 годах на факультете открылись кафедры сопоставительного изучения языков и сравнительного изучения национальных литератур и культур. С 1996 года работает Ученый совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по культурологии [Тер-Минасова 2000].

Важность изучения межкультурной коммуникации признается и в Чешской Республике – все больше университетов включает этот предмет в свои программы, а 2008 год был Европейской комиссией объявлен годом межкультурного диалога. В его рамках в сентябре 2008 г. в г. Усти-над-Лабем состоялся музыкальный фестиваль „*Varevná planeta*“ («Разноцветная планета»), на котором выступили представители этносов, проживающих на территории Чешской Республики, были организованы воркшопы, продавались изделия традиционных ремесел, прошла дегустация блюд национальной кухни данных народов.

В наше время стало общепризнанной истиной, что недостаточно просто выучить иностранный язык и уметь переводить текст, необходимо знать реалии и культуру жизни страны изучаемого языка, владеть межкультурной коммуникацией, под которой понимается «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26]. Особое внимание к межкультурному общению обусловлено нуждами практики: если раньше основы знаний о культуре и обычаях определенной страны получали только дипломаты, отправляющиеся в данное государство работать, то сейчас в таких сведениях нуждаются и специалисты самых разных областей, прежде всего экономисты и коммерсанты. В США, а в последнее время и в Западной Европе, организуются специальные курсы по подготовке специалистов, цель которых заключается в том, чтобы научить своих слушателей быть открытыми по отношению к новому опыту общения с другими народами, испытывать эмпатию к представителям чужой культуры, замечать различия и сходства между собственной и чужой культурами, быть способными не осуждать, а описать непонятное поведение иностранцев и попытаться понять его, отказаться от этноцентричного поведения и попытаться стать на позицию чужих культурных стандартов [Vobáková 2004:16].

В специальной литературе часто приводятся примеры деловых переговоров, потерпевших крах из-за недостаточного владения участниками основами межкультурной коммуникации. Так, финны при переговорах с немцами делали длинные паузы, что немцы воспринимали как отсутствие интереса к предмету сделки; стремление немцев ускорить переговоры финны сочли признаком несерьезности. Французы любят в начале переговоров вести легкую беседу, не касающуюся предмета переговоров, некоторые другие народы считают это легкомысленным, предпочитают приступать прямо к делу. Современные пособия не рекомендуют перед американкой открывать дверь или подавать ей пальто,

чтобы вас не обвинили в сексуальном домогательстве. Небольшое опоздание в гости русские воспринимают как проявление уважения к хозяевам, а немцы – как неуважение.

В Латинской Америке не имела успеха реклама сигарет «Мальборо» с изображением ковбоя, ведь человек на лошади – это представитель беднейшего населения, который может курить только самые дешевые сигареты, следовательно, сигареты «Мальборо» – некачественные. Испанская фирма поставила в Мексику большую партию пробок для шампанского, которые были покрашены в бордовый цвет. Сделка сорвалась, так как бордовый цвет является в мексиканской культуре цветом траура. На приеме в японской фирме молодой американец в знак одобрения похлопал пожилого президента компании по плечу, отношения с данной американской фирмой были расторгнуты.

В культуре каждого народа сложились определенные этнокультурные стереотипы – обобщенное представление о других народах, напр.: русские гостеприимны, французы любвеобильны, немцы аккуратны, американцы патриотичны. В русском языке известны словосочетания *испанские страсти, немецкая педантичность, французская галантность, китайские церемонии, русское авось* и т.п. Эти стереотипы отражаются в так наз. международных анекдотах, в которых сравнивается поведение представителей разных национальностей: «*Так, в русских международных анекдотах англичане обычно подчеркнуто пунктуальны, немногословны, прагматичны, сдержанны, любят сигары, виски, конный спорт и т.п. Немцы практичны, дисциплинированы, организованы, помещаны на порядке и потому ограничены. Французы – легкомысленные гуляки, эцикурейцы, думающие только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях. Американцы богатые, щедрые, самоуверенные, прагматичные, знамениты хорошими дорогими машинами. Русские – бесшабашные рубахи-парни, неприхотливые, алкоголики, драчуны, открытые, неотесанные, любят водку и драки. В русских международных анекдотах все они ведут себя соответственно этим стереотипам*» [Тер-Минасова 2000: 91].

Как можно постичь культуру другого народа? С.Г. Тер-Минасова считает, что возможными источниками познания «души» народа являются: его фольклор, устное народное творчество – коллективное творчество народа, «обкатанное» в устных передачах из поколения в поколение, «как морская галька»; классическая художественная литература (*фиксирующая, правда, и субъективный взгляд автора на мир*); международные анекдоты (*с оговорками*) и «последним по порядку, но отнюдь не по значению (*Last, but not Least*), самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является Его Величество национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера» [Тер-Минасова 2000: 97-98].

Определенные – но не всегда объективные сведения – могут дать и ставшие популярными издаваемые в Британии книги серии «*Xenophobe's Guide*» («*Путеводитель ксенофоба*») (напр., Roberts 1998), в которых в шуточной форме рассказывается о характере и обычаях, традициях и жизни разных на-

родов. В России также появилась подобная серия книжек такого же формата – «*Внимание, иностранцы! Эти странные...*», где о народах пишут сами представители народа (напр., Жельвис 2002). Несмотря на то, что в них довольно велика мера авторского субъективизма, многие характеристики точно подмечают специфические отличия жизни описываемого народа.

Каждый человек открывает для себя мир своеобразно, как представитель своей, отличающейся от других культуры. Освоение родной культуры происходит в раннем возрасте бессознательно и элементы своей культуры человек воспринимает как само собой разумеющееся. Интересный пример разного видения самых, казалось бы, незыблемых основ нашей жизни приводит голландский социолог Герт Хофстеде. В своем кругосветном путешествии он купил три карты мира. Первая показывала Европу и Африку в центре, Америку на западе, а Азию на востоке. Вторая карта, купленная на Гавайях, показывает в центре Тихий океан, Азию и Африку влево (крохотную Европу далеко в левом верхнем углу), а Америку вправо. С точки зрения жителей Гавайев, Запад лежит на востоке, а Восток – на западе. Третья карта, купленная в Новой Зеландии, подобна второй, только кверху ногами – юг наверху, а север – внизу. Этот пример показывает, что каждый народ считает свою страну центром Земли, а сами термины «запад» и «восток» являются результатом евроцентристского видения мира [Hofstede, G., Hofstede, G. J. 2007: 11-12].

В названном труде Г. Хофстеде (1980) проанализировал данные, полученные от более чем 100 тысяч сотрудников фирмы IBM в 40 разных странах, и выделил несколько наиболее значимых, по его мнению, критериев описания культуры, которые бы отражали исторические, политические, социальные и экономические условия развития данного народа и позволяли достаточно объективно охарактеризовать культуры разных народов в сопоставимых терминах. В книге, написанной вместе с сыном и ставшей уже классическим трудом, к таким критериям относятся:

- отношения власти (сильно выраженные – слабо выраженные),
- индивидуализм – коллективизм,
- маскулинность – фемининность,
- стремление избежать неопределенности (сильно выраженное – слабо выраженное).

Рассмотрим характер и менталитет русских с точки зрения данных критериев.

1. Отношения власти. В таблице отношений власти Россия находится в числе стран с наибольшим количеством очков [Hofstede, G., Hofstede, G. J. 2007: 43]. Это означает, что большинство работников российских предприятий ответили, что подчиненные боятся выразить свое несогласие с начальниками и что их начальник – автократичен. Это показывает, что более слабые члены общества смиряются с тем фактом, что власть в стране разделяется неравно. У. Цойнер [Zeuner 1999], обобщая наблюдения Г. Хофстеде, полагает, что из сказанного вытекают следующие конкретные проявления в семье, жизни и работе: люди, не облеченные властью, зависимы от власти имущих; родители

воспитывают детей в послушании; инициатива исходит от учителя; тенденция к централизации; сотрудники ожидают указаний; идеальный руководитель – это благодушный автократ или добрый отец (цит. по [Гришаева, Цурикова 2007, 42-43]).

Справедливость этого вывода подчеркивают и другие исследователи русского менталитета. А.В. Сергеева пишет, что для русского архетипа характерен страх перед государством на генетическом уровне; с древнейших времен государство осознавалось россиянами как царь и Бог, как верховный судья и в то же время – как защитник и покровитель [Сергеева 2005: 162-163].

2. Индивидуализм – коллективизм. В данной таблице полюс индивидуализма занимают США, полюс коллективизма – страны Южной Америки, Россия находится где-то посередине, однако следует после всех западноевропейских государств [Hofstede, G., Hofstede, G. J. 2007: 68], т.е. по отношению к европейским странам она является коллективистской. В жизни это означает, что люди проходят социализацию в больших семьях или группах, которые они затем поддерживают; дети учатся думать с позиции «мы»; нарушение правил вызывает потерю лица для себя и для группы; коллективные интересы доминируют над индивидуальными; государство играет доминирующую роль и т.д. (цит. по [Гришаева, Цурикова 2007, 44-45]).

Коллективизм – черта русского характера, которую непременно подчеркивают все авторы, приводя в доказательство многочисленные русские пословицы и поговорки: *Доброе братство дороже богатства; Не имей сто рублей, а имей сто друзей, Один в поле не воин; На миру и смерть красна* и т.д. Русские любят общаться, собираться вместе, советоваться друг с другом, решения принимаются с оглядкой: «А что люди скажут?». Коллективизм, унаследованный русскими со времен язычества, подразумевает подчинение личного, индивидуального общественному. Нужды нового времени, однако, требуют проявления личной инициативы, способности самостоятельно принимать решения, определенной меры индивидуализма. По-видимому, именно коллективизм претерпит в будущем самые большие изменения.

3. Маскулинность – фемининность. В этой таблице Россия находится в ряду фемининных стран, таких как Швеция, Норвегия, Голландия и т.п. В жизни фемининность выражается в следующих качествах: доминирующие ценности – забота о ближнем и охрана духовных ценностей; скромность; симпатизируют слабым, акцентируются справедливость, солидарность и качество взаимоотношений на работе и т.п. [Hofstede, G., Hofstede, G. J. 2007: 46].

Опросы общественного мнения показывают, что важнейшую роль в жизни современных россиян играют здоровье и семья (79,9 %), друзья (74,4 %); вторую по значимости группу составляют товарищи по работе и учебе (51,3 %), единомышленники (52,9 %). А такие факторы, как национальная принадлежность, политические взгляды, материальный достаток и богатство играют гораздо меньшую роль: лишь 25 – 40 % респондентов учитывают эту позицию [Сергеева 2005: 230]. Однако, иерархия ценностей «новых русских» выглядит иначе: самое важное место у них занимают: свобода, собственность, процвета-

ние, стабильность и достаток, а согласие, справедливость, духовность для них важны гораздо меньше [Hofstede, G., Hofstede, G. J. 2007: 231].

4. Стремление избежать неопределенности (сильно выраженное – слабо выраженное). Здесь Россия находится среди таких стран, как Греция, Япония, Португалия и т.п., на противоположном полюсе от США [Hofstede, G., Hofstede, G. J. 2007: 132]. Согласно таблице, Россия имеет сильно выраженное стремление избежать неопределенности. В жизни это означает: строгие правила для детей относительно того, что грязно и табу; эмоциональная потребность в правилах; учитель должен знать ответы на все вопросы; подавление отклоняющихся от нормы мыслей и манер поведения; граждане имеют негативное отношение к государственным и общественным институтам; фундаментализм и нетерпимость (цит. по [Гришаева, Цурикова 2007, 47-48]).

В эпоху перестройки и постперестройки государство действительно воспринималось людьми крайне отрицательно, сейчас россияне пришли к пониманию того, что государство как организующий и контролирующий институт необходимо. Большинство респондентов (37 %) поддерживает идею *«смешанной экономики с сильным государственным сектором»*, идеальным для них является *«социальное государство»* [Сергеева 2005: 241].

Чем сильнее стремление избежать неопределенности, отмечают Хофстеде, тем эмоциональнее люди, тем экспрессивнее их поведение [Hofstede, G., Hofstede, G. J. 2007: 134]. Это совершенно справедливо и для России. Русские нуждаются во взаимопонимании, в друзьях, в «чувстве локтя». Речь русских эмоциональна, русскими интонационными конструкциями нелегко овладеть иностранцам, привычная амплитуда колебаний голоса которых не так велика. Разговаривая, русские много жестикулируют.

Отметив в начале статьи распространение изучения основ межкультурной коммуникации в области образования и других сферах жизни, мы должны, однако, заметить, что большинство публикаций по межкультурной коммуникации посвящено теоретическим вопросам, но существует очень мало работ, где описываются взаимоотношения между отдельными лингвокультурами. Данное краткое и далеко не исчерпывающее описание русского менталитета с точки зрения теории межкультурной коммуникации призвано в некоторой степени заполнить эту лакуну.

В заключение сделаем несколько оговорок. Во-первых, менталитет народа отнюдь не является чем-то застывшим и неизменным. Под влиянием западно-европейской и американской культуры медленно и постепенно, но заметно изменяются и некоторые черты поведения русских людей: русская бизнес-элитка научилась быть пунктуальной, люди стали бережнее относиться к деньгам, с появлением во многих семьях машин редкие прежде разговоры автолюбителей постепенно переходят в разряд частых тем и т.д. Во-вторых, в такой многонациональной стране, как Россия, говорить об общей культуре можно лишь с известной долей условности. Хотя общая территория и условия жизни и складывают отпечаток на характер каждого народа, однако не следует предполагать, что типичные черты характера русского этноса будут в одинаковой

степени свойственны также темпераментным кавказцам или, например, сдержанным и скупым на слово вепсам – представителям малого народа финно-угорского происхождения, проживающим в Вологодской области и Карелии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВЕРЕЩАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г. (1990): *Язык и культура*. М.
- ГРИШАЕВА, Л. И., ЦУРИКОВА, Л. В. (2007): *Введение в теорию межкультурной коммуникации*. М.: Академия
- ЖЕЛЬВИС, В. И. (2002): *Эти странные русские*. М.: Эгмонт Россия Лтд.
- СЕРГЕЕВА, А. В. (2005): *Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность*. М.: Флинта: Наука.
- ТЕР-МИНАСОВА, С.Г. (2000): *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово.
- ВОВАКОВА, H.L. (2004): *Interkulturní komunikace, její význam, vývoj a další perspektivy*. Opava: Slezská univerzita.
- HOFSTEDE, G., HOFSTEDE, G. J. (2007): *Kultury a organizace: Software lidské mysli. Spolupráce mezi kulturami a její důležitost pro přežití*. Praha: LINDE.
- ROBERTS, E. (1998): *The Xenophobe's Guide to the Russians*. Ravette Publishing.

М.Л. Ковшова: Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с. ISBN 978-5-94244-015-2

Monografie M. L. Kovšovové (Jazykovědný ústav Akademie věd RF) předkládá moderní pohled na eufemismus chápaný především jako řečový jev, který má v komunikaci silné kulturní, etické a pragmatické zázemí. Eufemizace je tedy podle autorky závislá nejen na čistě jazykových, ale i sociálních a psychologických aspektech komunikace. Téma eufemizace projevu je v 90. letech 20. století i na počátku 21. století v ruské lingvistice velmi populární, studuje se z pohledu sociolingvistického (sr. Л.П. Крысин: *Эвфемизмы в современной русской речи*. In: *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. М., 1996. С. 384-407.; *Эвфемизмы в современной русской речи*. In: *Русское слово, свое и чужое*. М., 2004. С. 262-286), z hlediska lexikální stylistiky (sr. М.П. Москвин: *Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка*. Волгоград 1999, 2-е изд., 2007) a vznikají i komplexní, shrnující práce (sr. Е.П. Сеничкина: *Эвфемизмы русского языка: Спецкурс*. М., 2006). M.L. Kovšovová se na analýzy dalších odborníků odvolává, konfrontuje s nimi svůj pohled a vychází z aktuální živé ruštiny, což jsou podle našeho mínění hlavní přínosy její práce.

Autorka důsledně vychází z širšího pragmatického hodnocení eufemismů a novátorsky uvádí dvojí chápání pojmu eufemismu – eufemismus jako proces, specifický řečový akt, jehož cílem je zmírnění smyslu sociálně nevhodného výrazu, a eufemismus jako konkrétní jazykový prostředek, tj. výsledek daného procesu. Prostředky eufemizace pak mohou být nejrůznější povahy – mohou být formálně neverbální či verbální, z pohledu ustálenosti pak jazykové, řečové nebo okazionální. Při jejich hodnocení autorka vždy zdůrazňuje kontext použití, situaci komunikace a především intenci mluvčího. Funkci eufemismu tak může podle Kovšovové plnit v určité situaci i vulgarismus.

Celá práce je rozdělena do 24 relativně samostatných kapitol, ve kterých autorka zpočátku uvádí obecný kontext zkoumání eufemismů, jejich funkční i sémantickou podstatu a poté zkoumá jejich souvislosti se sémanticky či pragmaticky blízkými jazykovými a řečovými jevy (např. eufemismy a tabu, argot, vulgarismy, dysfemismy, frazeologismy, precedentní texty či jazyk diplomacie, explikace eufemismů v kontextu). K charakteristickým rysům eufemismů podle autorky patří sémantická

neurčitost (difúznost, sémantická redukce, nejednoznačná reference), implicitnost, formální nediskrétnost a zejména komunikační záměr mluvčího zmírnit smysl situačně nevhodné přímé nominace. Ke specifickým formálním postupům eufemizace pak autorka řadí v lexikální a sémantické rovině záměnu významu (sémantický přenos – např. *проститутка - ночная бабочка*), vyjádření neúplnosti příznaku či děje (např. *неважно, глуховат, прихрамывает, слабослышащий, малограмотный*), zúžení významu (např. *палач – исполнитель смертного приговора – исполнитель*), rozšíření významu (výrazy s difúzní sémantikou – např. *специфический запах, непопулярные меры*; pronominalizace – např. *сумасшедший – того*; užití hyperonym – např. *туалет – заведение*; tautologie – např. *испортить что-л. – наделать делов*), přejímání cizích slov (např. *публичный дом – интим-центр*) a abreviaci (např. *ношенный – бывший в употреблении – б/у*). V příloze k teoretické části pak následuje stručný tematicky řazený slovník současných ruských eufemismů, v němž se autorka otevřeně hlásí k individuálnímu vkusu při výběru materiálu. Výrazy jsou v synonymických řadách řazeny podle klíče z teoretické analýzy, tj. uvádějí se eufemismy pro každodenní témata (lidská anatomie a fyziologie; sexuální vztahy; věk, nemoci, psychický stav a intelekt; smrt; další témata) a sociálně-politické eufemismy mocenských orgánů a prostého lidu (domácí politické, hospodářské a sociální problémy jazykem moci; obraty z řeči úředníků; zastírající obraty v řeči právníků, vojáků, diplomatů – např. *убить – пойти на крайние меры*; přejmenování neprestížních profesí – např. *уборщица – эколог торгового зала*).

Práce M.L. Kovšovové neaspiruje na zcela nový pohled na dané téma, nesnaží se ani o zobecnění v komplexních, širších kapitolách. V jejím podání je zajímavý dialog s dalšími koncepcemi eufemizace, velmi podnětné chápání eufemismu jako řečového aktu, důsledná práce s kontextem výrazu a prezentace živého materiálu s cenným komentářem. Bohužel autorka upustila od jakéhokoli komentáře, poznámkového aparátu či ilustrací ve svém slovníku eufemismů, který je tak jako výčet subjektivně řazených synonym prakticky přínosný pouze pro rodilého mluvčího. Nicméně nadále zůstává inspirující autorčino zamyšlení o eufemizaci a dysfemizaci současného ruského publicistického diskurzu, o společném původu a rozdílné funkci tabu a eufemismů či o lidových eufemismech jako prostředcích jazykové sebeobrany v prostředí totalitárního jazyka (např. *его уволили – его ушли, взятка – благодарность, премия*).

Jindřiška Pilátová, Česká republika, Olomouc

М.Ю. Сидорова, О.Н. Шувалова: *Интернет-лингвистика: вымышленные языки*. М.: «1989.ру». 2006, 184 с.

Данная публикация является первой книгой из задуманного авторами проекта «Интернет-лингвистика». Второй, появившейся в том же году и посвященной проблематике межличностной коммуникации в Интернете, в частности интернет-дневникам – блогам, мы отводим отдельную рецензию.

Виртуальное пространство Интернета как особая сфера жизни и деятельности современного человека, в том числе языковой и коммуникативной, нуждается в научном осмыслении и постепенно становится серьезным объектом исследования многих дисциплин – философии, прагматики, теории информации, психологии, социологии, не исключая лингвистику и лингвокультурологию.

Авторы рецензируемой монографии в качестве своего предмета выбрали вымышленные языки как результат лингвоконструирования, особого вида творческой языковой деятельности пользователей Сети; объектом исследования являются собственно вымышленные языки, конланги. Однако, речь идет не только об узкоспециальном описании процесса лингвоконструирования, его средств, описании избранных конструированных языков, вся проблематика рассматривается на фоне общегуманитарных, лингвофилософских вопросов, вопросов отношения языка и мышления, познания, культуры, отношения человека и общества, создания универсального языка. Акцент ставится: 1) на соотношении реального и ирреального мира, вымышленного, фантастического, причинах конструирования таких миров; 2) на оппозиции «свой x чужой», когда язык служит одним из ключей преодоления последней, орудием познания других и самого себя; 3) на все возрастающей тенденции к игровой деятельности постмодернистского человека, ее причинах.

Книга подразделяется на шесть тематически разных глав; кроме предисловия и заключения, она содержит три приложения (Пр. № 1 – списки конлангов, Пр. № 2 – Ольга Лаэдэль: Основные черты планеты Атэа и ее цивилизации, Пр. № 3 – С. Сотомайор: Келен: введение и контекст).

В **первой главе** обсуждаются причины бума лингвоконструирования, к которому привели, главным образом лингвистические эксперименты Толкина и популярная серия «Star Trek»; самое большое число конлангов, по данным авторов, появилось в 2002-2004 гг. Авторы очерчивают основные сферы использования вымышленных языков, приводят несколько разных классификаций (напр., априорные и апостериорные), пытаются разобраться в терминологии и дают собственную классификацию искусственных языков. В центре их дальнейшего внимания оказываются так наз. авторские (персональные) языки. По словам авторов монографии, *авторские языки – это языки, конструируемые за пределами художественной литературы, но не предназначенные для коммуникации в реальном мире* (курсив мой – Л.В.) [с. 11] В заключение первой главы дается критический обзор литературы по теме вымышленных языков.

Вторая глава отводится уже упомянутым проблемам: 1) лингвоконструированию как форме преодоления противопоставления «свой – чужой», как

орудию устранения мифов, предрассудков, стереотипов, страха в современном мире, в котором тенденция к интернационализации сопрягается со все нарастающим национализмом; 2) лингвоконструированию как форме игры, способу развития духовных сил человека, фантазии и воображения, противодействия распространяющемуся стандарту, стереотипу, утилитарности; 3) взаимодействию реального и виртуального, положительным и отрицательным сторонам моделирования, в том числе лингвистического.

В третьей главе подробно описываются два из 1500 проектов вымышленных языков, первый (Келен), созданный профессиональным лингвистом, из англоязычного, другой (эналь/ларимин), сотворенный лингвистом-любителем, из русскоязычного сегмента Интернета. Объясняются причины выбора данных языков-проектов, дается критический лингвистический анализ языковой системы обоих проектов, уровня ее разработки, рассматриваются отдельные категории, их устройство, единицы, критически оценивается и способ изложения материала, выявляются и в заключении формулируются преимущества и недостатки отдельных проектов. Все рассуждения и комментарии в данной главе (по мере необходимости и в других) дополняются богатыми иллюстративными примерами из анализируемых языков-проектов.

Четвертая глава служит практическим целям, являясь своего рода путеводителем по ресурсам лингвоконструирования в Интернете; упоминаются, в частности: 1) сайты conlang.com, langmaker.com, 2) Wikipedia, 3) лаборатория искусственных языков Рика Харрисона, 4) сайт Ричарда Кеннэуэя, 5) ресурсы русскоязычного Интернета. Критической оценке подвергается и несколько пособий и руководств по лингвоконструированию, построенных или по поуровневому, или по поидейному принципам. Даются практические советы, что должен знать, о чем не должен забывать тот, кто хочет заняться созданием языка. Представлены некоторые средства автоматизации языкового конструирования для создания фонем, лексики, алфавита, шрифтов. В конце затрагиваются некоторые другие виды деятельности в Интернете, связанные с лингвоконструированием: исследовательская (классификация искусственных языков, создание методических указаний, изучение частных вопросов лексического или грамматического характера), обучение вымышленным языкам, перевод (с живых на вымышленные и обратно), литературная и игровая деятельность.

В пятой и шестой главах оцениваются модели описания вымышленных языков и степень разработки отдельных языковых уровней в языках-проектах. Внимание авторов обращено на образ автора описания (автор описания х создатель языка), учитывается культурная нагруженность описания языка-проекта (отражение в нем социальных и биологических особенностей языкового сообщества, членом которого является сам автор), оценивается теоретическая сторона описания (интересно, что ни в одном из вымышленных миров не создана собственная лингвистическая теория). Авторы пытаются обобщить упускаемые творцами вымышленных языков возможности и проблемы (напр., дисбаланс степени разработанности отдельных языковых уровней, отсутствие диахронного аспекта языка, установка на эстетический эффект, отсутствие ис-

ключений в системе). Ориентируясь на эффект, авторы языков-проектов больше всего сосредотачиваются на фонетическом уровне, графике, разработке шрифта. Словотворчество зачастую отличается высокой степенью регулярности, транспозицией частей речи. Создание грамматического, в частности морфологического, уровня считается, по словам авторов, пробным камнем и свидетельствует об уровне опыта самого автора проекта, его подготовленности, лингвистической осведомленности. Если, создавая язык, творцы стремятся к максимальной оригинальности, то, описывая его, они прибегают к традициям грамматического описания живых языков.

В заключении книги констатируется, что в настоящее время растет число лингвоконструкторов, что, следовательно, должно привлекать внимание лингвистов. Однако данная проблематика пока остается почти за пределами научных интересов. Лингвоконструирование может послужить хорошим упражнением для будущих филологов-лингвистов, для моделирования таких проблем как, напр., языковые универсалии, социальная коммуникация, языковая ситуация, языковые контакты. Оно, несомненно, может содействовать решению сутобо специальных лингвистических вопросов.

Книга легко читается, доступна не только образованному лингвисту-специалисту, но и лингвисту-любителю. Она затрагивает ряд частных и общих тем лингвистического описания, типологии, сопоставления. Хотя здесь содержится ряд обоснованных наблюдений и заключений, она не претендует на охват всего материала по данной проблематике, но в то же время может послужить отправной точкой для желающих исследовать данную проблематику или заняться непосредственно описываемой лингвоконструкторской деятельностью.

Ладислав Воборил, Чехия, Оломоуц

Włodzimierz Wysoczański: *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Na materiale wybranych języków. Wrocław 2006, 402 s.*

Рецензируемая публикация – это уже второе, переработанное и дополненное издание книги, являющейся результатом многолетних исследований и интересов автора, о чем свидетельствует перечень в библиографическом списке его статей, посвященных изучаемой теме. Вся работа выполнена под знаком системного, сопоставительного, комплексного и междисциплинарного подхода к рассматриваемому вопросу. Книга является несомненным вкладом не только в область структурно-системной лингвистики, фразеологической и паремиологической типологии, но прежде всего лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, всплеск интереса к которым в мировой лингвистике намечается главным образом во 2-ой половине XX века.

Центральным объектом описания предстают **сравнения**; предметом исследования является их характеристика и сопоставительное изучение отражаемой в сравнительных конструкциях внеязыковой реальности, закреплённой в них языковой картины мира. Основным материалом для сопоставительного анализа (последовательно сопоставляются польский, русский и сербо/хорватский языки; примеры из других языков – английский, немецкий, французский и пр. приводятся выборочно) послужили устойчивые (лексикализованные) сравнения, сравнительные конструкции типа *верный как собака/пес, любить кого как собака кошку*, представляющие собой комплексные в содержательном, формальном и функциональном отношении единицы. Кроме сугубо языковых и стилистических аспектов, акцент ставится на рассмотрении сравнения в качестве одной из умственных операций человека, средства познания и категоризации внешнего и внутреннего мира, способа отражения и хранения о нем информации и в качестве одного из способов образования понятий.

Работа состоит из двух частей. В первой – преимущественно теоретической – изложены основные положения, касающиеся сравнений и языковой картины мира. Она разбита на три главы. Первая глава посвящена общим размышлениям о сравнении, сравнении как средстве познания реальности, основной мыслительной операции. Затрагиваются семантические и формальные аспекты сравнения, отношения между сравниваемыми объектами (сходство и несходство), приводятся основные типы сравнения (по степеням), устанавливаются сходства и расхождения между сравнением и метафорой, теоретически обоснованы устойчивые (лексикализованные) сравнения, сравнительные конструкции. Во второй главе внимание фокусируется на более конкретной проблематике сравнений типа *X как Y*. Установив основные отношения между определяемым и определяющим членами такого бинарного соотношения, автор подвергает пошаговому анализу отдельные компоненты сравнительной конструкции *X как Y*: предмет сравнения (определяемый член) + основа сравнения (*tertium comparationis*) + союз сравнения + носитель сравнения (определяющий член). Причем важно, что данные конструкции бывают скорее трех-

членными чем четырехчленными. Далее учитываются качественные и количественные аспекты характеристики, выражаемые в составе сравнительной конструкции; самостоятельные разделы отведены выражению стилистической эмоционально-экспрессивной оценки при сравнении и явлениям синонимии и вариантности. В последней главе первой части дается краткий обзор основных концепций понятия «языковой картины мира» в работах польских лингвистов (J. Anusiewicz, J. Bartmiński, S. Grabias, R. Tokarski и др.), намечено основное историческое развитие мысли об отношении языка – мышления – действительности, начиная с работ Гумбольта, неогумбольтистов, Л. Вайсгербера. Упомянуты понятия языкового детерминизма и релятивизма, концепции прототипа и стереотипа в составе языковой картины мира.

Во второй – практической части – систематически изложен и описан живой языковой материал. В нее вошли три крупных понятийных комплекса: 1) *человек*, 2) *природа* и 3) *бог, вера, верования, религия*, разбивающиеся на ряд более мелких разделов, охватывающих разные лексико-семантические группы. Цель проведенного детального сопоставительного анализа – представить закрепленную в изучаемых устойчивых фразеологических и паремиологических единицах культурно-языковую интерпретацию действительности, наделение объектов действительности индивидуальными свойствами, языковую картину мира. Анализ проводился с опорой на огромный корпус, насчитывающий 15 500 единиц; число отдельных носителей сравнения составило 3 000 единиц; образы объектов экстралингвистической действительности представлены с помощью 9 400 разных характеристик.

Итоги анализа являются подтверждением двух противоположных тенденций: тенденции к универсализму, вытекающему из общего опыта и процессов мышления, обусловленных культурными и языковыми контактами между сопоставляемыми языковыми общностями, с одной стороны; и тенденции к сепаратизму, имеющей своей причиной стремление к выражению самобытности, национально-культурной специфики, с другой. Кроме того, автором констатируется асимметризм между отдельными языками относительно дистрибуции носителя сравнения (т.е. объектов действительности) и характеристик, свойств, ассоциируемых с конкретными объектами действительности.

Книга поражает детальностью, тщательностью анализа, обширностью обработанного материала, причем очень легко и интересно читается. Все достоинства книги может оценить, главным образом, тот, кто владеет всеми или почти всеми языками, примеры из которых выбираются. Она может послужить настольной книгой не только для филологов-специалистов или студентов филологического уклона, для специальных семинаров по фразеологии, лингвокультурологии или когнитивистике, но и для всех, кто хочет повысить свою коммуникативную и прежде всего социокультурную компетенцию владения иностранным языком.

Ладислав Воборил, Чехия, Оломоуц

Nová vysokoškolská učebnice ruské morfologie na Slovensku (Я. Соколова – М. Грчкова: Основы системной лингвистики. Морфология. Нитра 2008, 341 s.)

Recenzovaná publikace je další v řadě vysokoškolských učebnic, které pro své studenty již více než deset let systematicky vytváří kolektiv katedry rusistiky Filozofické fakulty UKF v Nitre. Autorkou koncepce a duší celého projektu je vedoucí katedry, prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc., jež je také autorkou nebo spoluautorkou všech učebnic z oblasti jazykovědné.

Z bohaté produkce učebních pomůcek nitranské katedry rusistiky vydaných v posledních deseti letech, z nichž mnohé slouží jako učebnice celorepublikové, jmenujme alespoň *Krátký rusko-slovenský slovník trhovej ekonomiky* (J. Sokolová, 1998), *Лексика современного русского языка. Теоретический и практический курс.* (J. Sokolová, D. Antoňáková, M. Jankovičová, E.A. Pravda, M. Rohaľ, 2003), *Obchodná ruština v systéme lexikálno-gramatických cvičení* (J. Sokolová, 2006) či netradičně pojatý tematický slovník současné ruštiny *Лексическая основа русского языка* (J. Sokolová, M. Hřečková, 2007). Samy *Основы системной лингвистики. Морфология.* mají svou předchůdkyni v učebnici *Морфология современного русского языка. Теоретический и практический курс* (J. Sokolová, M. Hřečková, M. Kadorová, N. Savčáková, 2005).

Autorky učebnice byly vedeny snahou předložit studentům formou systémového popisu základy poučení o ruském tvarosloví a poskytnout jim tak platformu pro další a zevrubnější studium této disciplíny. Učebnice je psána rusky, v pojetí morfologie autorky čerpají jak z ruské, tak také ze slovenské lingvistické tradice.

Učebnice je rozčleněna na dvě části – teoretický kurs (s. 9 – 83) a rozsáhlejší praktický kurs (s. 87 – 339). V teoretickém kursu se po stručném úvodu do morfologie jako vědy a osvětlení základní terminologie výklad postupně věnuje poučení o jednotlivých slovních druzích podle schématu: definice a základní klasifikace daného slovního druhu, jeho gramatické kategorie a u ohebných slovních druhů poměrně podrobné poučení o skloňování nebo časování. Jednotlivé deklinační a konjugační typy jsou v plném rozsahu demonstrovány v tabulkách vzorových paradigm. Dále se případně u jednotlivých slovních druhů upozorňuje na jejich specifickou problematiku (přízvuk, stupňování, syntakticko-sémantické zvláštnosti atd.).

V úzké návaznosti na teoretický výklad pokračuje učebnice částí praktickou. Ta kopíruje výkladovou strukturu teoretické části a ke každému dílčímu problému nabízí několik cvičení. Metodologicky velmi účinné je zařazení klíče bezprostředně pod každé cvičení, nikoli až na konec učebnice, jak bývá zvykem. Student tak má možnost okamžité zpětné vazby a také orientace v soustavě cvičení je snazší. Formou pravidel k zapamatování, umístěných v poznámkách pod čarou, se upozorňuje na zvláštnosti a obtížnější jevy procvičovaného tématu.

Nezanedbatelným plusem celé série učebnic, jejímž prozatím posledním titulem je tato systémová morfologie, je vkusné, netradiční výtvarné typografické zpracování obálky; jednotlívým prvkem vnější úpravy je zakomponovaná reprodukce některého obrazů akademického malíře K. Felixe, a takto pojatá obálka se tak stává neklamným rozpoznávacím atributem nitranské rusistické provenience.

Společným znakem všech učebních textů vytvořených profesorkou Sokolovou a jejím kolektivem je logičnost jazykové interpretace a uspořádání textu a současně maximální srozumitelnost výkladu, které však nemuselo být dosaženo na úkor odborné kvality.

Na závěr můžeme jen konstatovat, že tak kvalitně a komplexně zpracované učební texty, jaké vytvářejí na katedře rusistiky Filozofické fakulty UKF v Nitře, mohou mnohá rusistická pracoviště slovenským studentům jen závidět a my přejeme nitranským kolegům hodně sil a entusiasmů pro pokračování v této záslužné činnosti.

Zdeňka Vychodilová, Česká republika, Olomouc

Нґадание еквивалентности IV

Ve dnech 11. až 13. září letošního roku uspořádal Inštitút rusistiky, ukrajinistiky a slavistiky Filozofické fakulty Prešovské univerzity v Prešově čtvrtý ročník dnes již tradiční mezinárodní konference **Нґадание еквивалентности (В поисках эквивалентности IV)**. Jednání zahájil vedoucí institutu PhDr. Lubomír Guzi, CSc. Po srdečném uvítání účastníků začala pracovní část konference referáty v plénu, kde odezněly tři hlavní příspěvky. V prvním z nich pod názvem «*Концептуализация лекси́мы ‘перестройка’ – 20 лет спустя*» se profesor domácího pracoviště J. Sipko, CSc. věnoval problematice kognitivní lingvistiky, konkrétně změnám v obsahu konceptu „perestrojka“ za označené uplynulé období. Jako materiál a současně i důkaz pro závěry jeho zasvěceného výkladu posloužily příklady z ruské publicistiky a sdělovacích prostředků. Se společným plenárním referátem dvou významných představitelů současné lingvodidaktiky ruštiny Je.I. Passova a E. Kolárové, který autoři nazvali «*Личностный аспект модернизации иноязычного образования*» vystoupila prof. E. Kollárová, CSc. V duchu současných edukačních trendů položila důraz na pojetí osobnosti učitele i žáka, na jejich vzájemný vztah. Podtrhla nutnost vysoké profesionality učitele. Škola pak musí být cesta k «*человеку духовному*». «*Речевая коммуникация и норма*», tak zněl název třetího příspěvku, s nímž vystoupil odborník na otázky normy na slovo vzatý – prof. T.M. Nikolajevová, DrSc. Posluchačům znovu oživila aktuální problematiku pohybu v ruské spisovné normě (zejména v morfologickém plánu). Upozornila na známý fakt «*падения речевой культуры*», s nímž se potýkají i čeští rusisté, vyzvala k dodržování norem spisovného jazyka a k malé smířlivosti k tzv. «*литературному просторечию*».

Jednání probíhalo ve čtyřech sekcích – lingvistické, lingvokulturologické a didaktické, literárněvědné a překladatelské. Naše katedra měla zastoupení ve třech z nich.

V **lingvistické sekci** byla z velké části zastoupena témata spadající do oblasti lexikologie a frazeologie. Předmětem lexikologických příspěvků byla zejména široká problematika aktivních procesů a změn v současné ruské slovní zásobě. Pozornost byla věnována sémantickým procesům v současném lexiku (J. Celerová), tvoření některých nových pojmenování (B. Rudincová), analytismu v současné ruštině (Z. Nedomová), lexikálně-sémantickým vztahům ve slovanských jazycích (M. Čižmárová), vlivu aktualizace pejorativních sémů na změny hodnotícího komponentu

významu v ruštině (D.N. Iljin), percepci okazionálních slov (V. Cerula), floristické metafoře při utváření jazykového obrazu světa (O.V. Dechnič). Zazněl také příspěvek týkající se některých aktuálních změn v současné němčině (M. Kašová).

Ve frazeologii byla pozornost zaměřena jak na současný stav rozvoje frazeologie jako vědy v rusko-slovenském srovnávacím plánu (D. Antoňáková), tak na mnohé dílčí problémy, jako např. na frazeologismy s toponymy v ruštině a v češtině (R. Grenarová) nebo s lokativními substantivy (J.V. Pupynina) nebo na paremiu jako na způsob pragmatického působení (N.N. Semenenko).

Z gramatiky se dva příspěvky týkaly oblasti odborné a administrativní ruštiny, a to syntaxe odborného stylu v ruštině ve srovnání s češtinou (H. Flídrová) a sémantiky a syntaktických funkcí vybraných adverbii v textech ruské obchodní korespondence (O. Čumová), další dva příspěvky byly věnovány emocionálnosti v ruštině a angličtině (O.Ju. Romašina) a reversivnosti jako způsobu verbalizace jazykového obrazu světa (I.V. Čekulaj, O.N. Prochorova). Vlivem G.O. Vinokura na současné lingvistické myšlení se zabýval P.Adamka.

V tematice této sekce nezůstala opomenuta ani historická problematika. Týkala se např. reaktivizace některých historických jevů v současné ruštině (P. Šima), orientalismů jako expresivních sému v jazyce Moskevského státu (G.Ch. Gilazetdinova), stylistického využití přechodníků ve spisovné ruštině 19. století (L.R. Abdulchakova) nebo toponymie oblasti za Uralem podle archivních materiálů 16. – 18. století (N.N. Parfenova).

Je potěšující, že v mnohých vystoupeních bylo uplatňováno komparativní hledisko rusko-české nebo rusko-slovenské, neboť to nabízí také didaktické využití zpracovaných témat. Všechny referáty jakož i zasvěcené diskusní příspěvky byly přínosné a obohacující z hlediska teoretického i praktického.

Sekce didaktická zasedala společně se sekci **lingvokulturologickou**. Bylo do ní přihlášeno 40 vystupujících s velmi různorodou tematikou, kterou nebylo snadné uspořádat do tematických bloků. Z didaktických otázek byla velká pozornost věnována osvojování profesionální kompetence u studentů nejrůznějších oborů (T.I. Magomedova, V.V. Savinych, E. Vysloužilová, L. Mrověcová aj.), existenciální a komunikativní kompetenci v oblasti cestovního ruchu (Ju.V. Agejeva), hledání efektivních metod vyučování RCJ (M. Rohal'), využití frazeologismů při utváření sociokulturní kompetence (N.I. Kostina, D.M. Kostina), práci s precedentními texty, tvorbě nových moderních učebnic aj. V lingvokulturní problematice se vystupující zaměřili především na úskalí mezikulturní komunikace (M. Blaho, E. Šarfo). Specifiku sekce tvořily tentokrát příspěvky s filozoficko-literární problematikou (M. Macuchová, N.A. Kokorina, S. Koryčánková, Je.G. Sobolova, M. Lizoň aj.). V bohaté diskusi se účastníci nejdříve vrátili k plenárnímu vystoupení T.M. Nikolajeové, ke změnám v normě současného spisovné ruštiny, které doplnili zkušenostmi a příklady ze své vlastní praxe, pak živě diskutovali k jednotlivým předneseným příspěvkům, např. k otázce pojmů etika a morálka, ke kognivistickému konceptu lexému „slovo“, k využití jazykových her ve výuce aj. K dobré percepci přednášených referátů přispěla i jejich názorná prezentace s využitím počítače a dataprojektorů.

Tematika početně ne příliš zastoupené **literárněvědné sekce** byla různorodá. Zkoumaly se jednak obecně teoretické problémy, jednak různé aspekty nazírání na díla konkrétních spisovatelů. Předmětem odborného zájmu byl např. žánr a jeho morfologické možnosti (V. Žemberová), žánrový obraz světa v nejnovější ruské próze (A.V. Podčinenov, T.A. Snigireva), makaronský styl v současné ruské poezii (N.V. Barkovskaja), metatextové elementy ve struktuře uměleckého textu (L.M. Kostyčeva), typy dialogických vztahů mezi národními literaturami (V.R. Amineva), obraz Uralu v současné literatuře (J.S. Podlubnova), „naivní“ dopis F. Rešetnikova v kontextu narativních strategií realismu (J.K. Sozina). Dále byla pozornost věnována dílu L.S. Petruševské (A.V. Kubasov), I.A. Bunina (O.V. Rudneva), A.S. Puškina (L. Belovičová), J. Brodského (I. Drugova), F.M. Dostojevského (A. Červeňák) a A.P. Čechova (D. Tellinger).

Překladatelská sekce byla zastoupena pouze deseti příspěvky, nicméně jejich tematické spektrum bylo velmi široké a různorodé. O to víc prostoru mohlo pak být věnováno diskusním vystoupením. Na historicko-srovnávací aspekty uměleckého překladu a teorie překladu zaměřily své příspěvky N. Muránska *«Umelecký preklad ako historický problém»* a A. Valcerová *«Slovenská teória prekladu v kontexte svetovej»*, na negativní důsledky absence tzv. interkulturní kompetence překladatele pro kvalitu překladu poukázala Z. Vychodilová *«Mezikulturní komunikace a překlad»*. Lingvistickou problematiku nazíranou prizmatem teorie překladu předložili A. Charciarek *«Метатекстовые операторы и проблема их переводимости»* a J. Gallo *«K niektorým problémom prekladu infinitívnych konštrukcií z ruštiny do slovenčiny»*. Z lexikografických pozic řešily zvolenou tematiku M. Csiriková *«Живая русская речь и ее отражение в переводческом словаре»* a T. Grigorjanova *«Problémy pri preklade odborných ekonomicko-právnych textov z lexikografického aspektu»*. N. Kiseljova se dotkla tématu filmového dabingu *«К проблематике дублирования художественных фильмов»* a L. Sorokova obrátila pozornost na komplikace při překládání pravoslavné terminologie *«Prekladateľské špecifiká liturgických termínov Pravoslávnej cirkvi v rusko-slovenskej komparácii»*. Příspěvkem zaměřeným na problematiku metodologie tvorby výukových textů uzavřela jednání sekce T. Rohaňová *«Možnosti metodicko-didaktického spracovania teoretických textov pre študentov prekladateľstva a tlmočnictva»*. Účastníci jednání vrchovatě využili možnosti výměny názorů a zkušeností v bohaté diskusi, která proběhla na závěr každého jednacího bloku.

Na závěr konference připravili pořadatelé pro své hosty stejně jako v minulých letech příjemné překvapení v podobě celodenního výletu za kulturními a přírodními krásami východního Slovenska. Tentokrát jsme měli možnost navštívit zámek Betliar a hrad Krásna Hôrka, opět pod obětavým vedením a se zasvěceným výkladem znalce tohoto kraje prof. PhDr. J. Sipka, CSc., zakladatele a garanta konference.

Prešovská konference pro nás byla zdrojem mnoha tvůrčích podnětů a místem mnoha přátelských setkání a doufáme, že se za dva roky dočkáme jejího dalšího ročníku.

Helena Flídrová, Zdeňka Vychodilová, Eva Vysloužilová

Сорок лет

Возникновение ежегодных сборников «Rossica Olomucensia» относится к трудному времени для чешской русистики – к концу шестидесятых годов XX века – после оккупации Чехословакии советскими войсками. В то время, когда в Праге десятки студентов отказались изучать русскую филологию, на оломоуцкой кафедре не нашелся ни один, кто покинул бы кафедру. Мы старались объяснить студентам, что русский язык и духовность русской литературы не теряет своей ценности из-за какого-то временного политического и военного решения.

Одновременно мы как раз в этот момент решили поддержать кредит русистики, издав ежегодник, где можно будет регистрировать факты о нашей деятельности, печатать статьи и рецензии, информировать студентов о новых учебных текстах и т.д. Даже некоторое представление об оппозиционности издания мы тогда имели, но оно, естественно, не реализовалось.

Не менее важной задачей ежегодника мы считали взаимную информированность между кафедрами русистики на разных факультетах республики и других стран. О смысле ежегодника мы тогда на первой странице написали:

«Ежегодник русистов Университета им. Палацкого за 1967 год – первая из задуманных публикаций, предназначенных для основного информирования студентов и остальных кафедр русистики на других факультетах республики. Сложная ситуация последних недель сказалась на уровне заключительной редакции и формы ежегодника. Мы, однако, предпочитаем быстрое, хотя и несовершенное издание именно из-за удовлетворения настоятельных запросов студентов и потребности взаимной информированности кафедр русистики. (6.9. 1968. Редакция)»

Первый, несовершенно напечатанный ежегодник содержал силлабы лекций, планы семинаров, краткие информативные статьи, рецензии и сообщения об изданных, полезных для студентов материалах, тезисы кандидатских и докторских диссертаций, темы дипломных работ, библиографию трудов оломоуцких русистов за 1966 и 1967 годы, хронику кафедр русистики на философском и педагогическом факультете.

До сегодняшнего дня ежегодник (вместе с супплементом) насчитывает более сорока сборников. Его название вызывает воспоминание о профессоре

Олдржихе Кралике, который его придумал. Первые сборники были напечатаны большим форматом А4, с 4-го тома мы перешли к нормальному книжному формату А5. До ликвидации русистики на педагогическом факультете сборники служили обеим кафедрам.

В самом начале содержание ежегодника было узко связано с педагогическим процессом. Сообщения и статьи были посвящены избранным частям отдельных предметов, хронике и библиографии публикаций членов кафедр и регистрации разнообразной деятельности кафедр. Дополнения содержали большие труды, напр., работу О. Кралика «*Архетип Задонщины*» или монографию М. Заградки «*О развитии русской военной прозы 1812 – 1853*». Постепенно ежегодник «*Rossica Olomucensia*» стал, в первую очередь, сборником статей членов наших кафедр, а также неоломоуцких русистов. В последнее время печатались и доклады и сообщения конференций «*Оломоуцкие дни русистов*». Ежегодник рассылается библиотекам заграничных факультетов и, по просьбе из США, также библиотеке Конгресса Соединенных Штатов Америки.

«Оломоуцкие дни русистов», конференции лингвистов и литературоведов, возникли параллельно с ежегодником, но материалы конференций в нем в первые годы не публиковались, только сообщения о них. Также «ОДР» прошли по пути изменений и совершенствования. Прежде всего они все больше становились международной платформой русистов. Среди докладчиков были, как правило, научные работники из Словакии, России, Польши, Германии, но приезжали к нам и австрийцы, сербы, хорваты, болгары, украинцы, белорусы, литовцы, венгры, бельгийцы, а также гости из Боснии и Герцеговины. Для многих иностранных ученых «ОДР» представляют собой возможность для встреч с коллегами из других стран на пленарных заседаниях, лингвистических, литературоведческих, фразеологических, лингводидактических секциях.

«*Rossica Olomucensia*» получают ныне новое оформление, но они развивают сорокалетнюю традицию сборников. Эстафету принимает в свои руки молодое поколение, питомцы нашей кафедры, в которых мы, уходящие, вкладываем надежду, что и они оставят свой след в науке и внесут свою лепту в подготовку следующего поколения русистов и в развитие русистики как науки.

Мирослав Заградка

Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávanou olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným časopisem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 se uvažuje i o jeho elektronické verzi.

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: rossica-olomucensia@centrum.cz nebo l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno otecké), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Abstrakt v ruštině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Абстракт:

Klíčová slova v ruštině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Ключевые слова:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktů, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek), citace se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji.“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkaz na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu – budou převedeny na vysvětlivky za textem.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J.: Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktic-kého). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky publikování nebudou přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v anglickém a ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica.

Těšíme se na Vaši spolupráci!